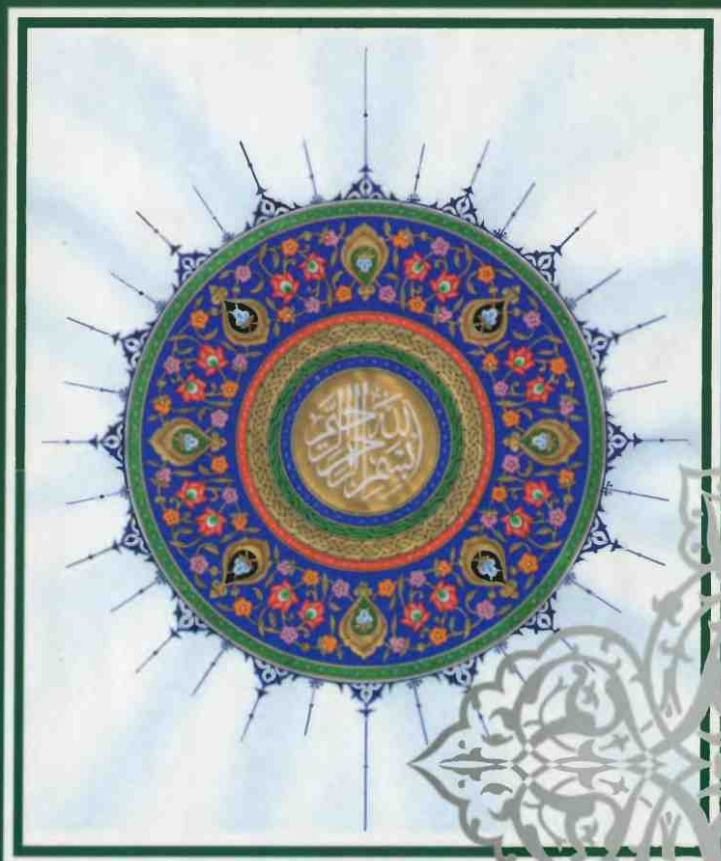

АБУЛ МУХСИН МУХАММАД БАКИР

МАКАМАТ

СТУПЕНИ СУФИЙСКОГО ПУТИ
ВЕЛИКОГО ШЕЙХА
БАХАУДДИНА НАКШБАНДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"КАУСЯР"

Абул Мухсин Мухаммад Бакир
ибн Мухаммад Али

*Макалат
Ходжа Бахауддин
Накшбанд*

*Ступени суфийского пути
великого шейха Бахауддина Накшбанда*

Перевод с фарси Р. Х. Чепкунова
(Равиль ибн Ханафи)

«КАУСЯР»
Уфа, 2013

УДК 29
ББК 86.38
М15

Уважаемые читатели!

Относитесь с почтением к этой книге, не используйте её
в недостойных целях и не храните в неподобающих местах,
ибо в ней упоминается имя Создателя и аяты Священного Корана.
За добро ваших сердец воздастся вам добром!

**Абул Мухсин Мухаммад Бакир ибн Али. Маканат
Ходжа Бахауддин Накшбанд. Ступени суфийского
пути великого шейха Бахауддина Накшбанда.** / пер.
с фарси Р.Х.Чепкунова. — УФА: «Издательство
«Каусяр», 2013. — 272 с.

ISBN 978-5-9903765-1-9

Предлагаемая Вашему вниманию книга — первая попытка перевода на русский язык трактата, из первых уст повествующего о жизни и духовных поисках величайшего мастера суфийского пути Хазрата Бахауддина Накшбанда. Книга предназначена для всех, кто интересуется духовным наследием мусульманского Востока.

УДК 29
ББК 86.38

ISBN 978-5-9903765-1-9

9 785990 376519

© ООО «Издательство «Каусяр», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

С именем Аллаха Всемилоственного и Милосердного!

Вся хвала Господу миров — Всевышнему Аллаху, чист Он и свят, и приветствия Его Посланнику — пророку Мухаммаду, да пребудет над ним мир и благословение Аллаха.

В благословенное время жизни последнего Божьего Посланника — Пророка Мухаммада, мир ему, от Господа миров ко всему человечеству был ниспослан завершающий божественный вероустав. Религия Ислам, как и Коран, как и сам Пророк — да благословит его Аллах и приветствует, всё было явлено как наивысшая милость Аллаха для миров. И прежде всего, для того, чтобы мы, люди — наивысшие из Его творений, назначенные заместителями Бога на Земле, были примером крепкой незабвенной веры, высокой нравственности и распространителями благих поступков и устоев.

Но что же отвращает нас от столь прекрасного удела, и идеалы Ислама становятся чем-то вроде скучных нотаций даже для самих мусульман? Что за гордиев узел связал нас по рукам и ногам, взяв под свой контроль даже наше сознание? Этот диктатор — наше собственное ЭГО — источник лени, себялюбия, равнодушия к благому и страсти к плохому. Он отвращает нас от познания божественных милостей и истин. Он сам претендует быть правдой в последней инстанции и сам желает расставлять все точки над «i». Подчинение своим внутренним порокам ведет к духовному обнищанию и деградации, а непримиримая борьба с ними — к благородству сердец, мудрости, набожности, являющихся признаками истинного довольства нашего Творца.

В хадисах Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, есть два важных указания на этот счет. Во-

ПРЕДИСЛОВИЕ

первых, путь того верующего будет считаться верным, кто наряду с сохранением правильной веры — иман и соблюдением богоугодных деяний религии Ислам будет постоянно следить за состоянием своего сердца, степенью его связанности с Богом и исходящими от ощущения присутствия Аллаха искренности, чистоты, порядочности. Это ощущение он назвал ихсан¹.

Во-вторых, Пророк Ислама передал людям, как велико значение пред Господом выполнения такого священного долга как защита Родины, но тут же подчеркнул, что это делается иногда, а постоянно нужно работать над совершенствованием своего нрава. Он назвал истинным великим сражением каждого мусульманина — борьбу со своими страстями и пороками.

Всё это отражает основную суть Ислама — через веру в Единого Бога, через служение Ему поклонением и благодеяниями, через метод духовного развития — тарикат, очищать свой внутренний мир от скверны плохих мыслей, нечистых намерений, изъянов характера. Подниматься пред Всевышним шаг за шагом на новые ступени духовного развития, испытывая чудесные состояния подъема искренности и счастья духовного приближения и единения со своим Творцом.

Это не исключительный путь единиц, как кажется поначалу, это часть суннитской традиции, исторически сформированной в такой важный раздел исламских наук, как «суфизм». Из-за глубинности этих знаний и методов духовного познания в современном мире царят полные противоречий сведения о суфизме. Одни огульно хаот, чуть ли не обвиняют в безбожии, другие восторгаются его притчами, мудростью, но недооценивают практику, а кто-то пытается заниматься практикой в одиночку без учителя — духовного наставника, что тоже чревато тяжкими последствиями.

¹ Ихсан-поклоняться Аллаху и совершать поступки, как будто видишь Его наяву. Ведь даже если ты не видишь Бога — Он видит тебя и твои деяния.

К счастью, сегодня путь развития мусульманской общины россиян позволяет направлять свой взгляд в этом направлении, делать попытки объективно разобраться в сути духовного пути на примере лучших представителей этого явления, коим, без сомнения, является имам Бахауддин Накшбанд, да пребудет над ним милость Всевышнего.

Это издание о жизни и духовном пути великого наставника, и оно для нас, мусульман Поволжья и Урала, важно еще тем, что многие поколения наших предков придерживались именно метода духовного развития «Накшбандия», который, без сомнения, принес и приносит прекрасные плоды сохранения веры и религии на высочайшем уровне учёности и искренности даже в условиях географической отдаленности от основных центров мусульманского мира.

Надеюсь, эта прекрасная книга заставит задуматься, поставит вопросы, раскроет двери в непознанный мир собственного внутреннего пространства, подтолкнет к развитию и исправлению наших недостатков. Через подобные труды, без сомнения, нисходит благодать Создателя на наши страждущие сердца.

*Шейхуль-Ислам Талгат Сафа Таджуддин
Верховный муфтий, Председатель ЦДУМ России*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОТ ПЕРЕВОДЧИКА КНИГИ

«МАКАМАТ ХОДЖА БАХАУДДИН НАКШБАНД»

*«И отчего бы мне не вырваться
из круговерти буден,
И отчего не стать одним дыханием с Исой,
Ведь Милостью Всевышнего я взыскан,
Аллах мне крылья даровал и наградил
в полёт стремящейся душой».*
Алишер Навои

Великий поэт мечтает стать одним дыханием с Иисусом, который вознесся на небо в форме чистого духа. Это извечная мечта человека — он не довольствуется собой, он хочет вырасти из природы, общества, из себя самого. Он хочет быть выше, совершенней, приобрести новые качества. Это извечное стремление человека к миру Добродетели. Если человек вступил на путь познания совершенства, он сердцем жаждет Абсолютной Свободы, Абсолютной Справедливости, Абсолютной Истины, Абсолютного Совершенства, Абсолютной Красоты и Абсолютной Чистоты и горит от любви к Богу — обладателю всех этих достоинств. Но человек в материальном мире не может достичь столь желанной им Абсолютной добродетели, поскольку всё существующее в жизни — справедливость, воля, красота и совершенство — относительны.

Тасаввуф (суфизм) призывает уже в этой жизни найти эту Абсолютную добродетель и осмыслить её, ведь по мере того, как разум и сознание человека наполняются глубиной, его сердце становится утончённее, он стремится быть совер-

шеннее, видеть вокруг совершенных людей, стремится в мир Всемилости — к Богу. Так было веками, и всегда дух наш будет стремиться к великому Идеалу, придавая внутреннему миру человека новое содержание и превращая его в достойного и отважного.

Это и есть наставление на истинный путь в суфийской доктрине. Как констатирует великий философ Ибн Халдун, тасаввуф — это одно из учений шариата, возникшее в лоне ислама. Суфийский путь, возникший среди первых мусульман, уважаемых сподвижников-сахабов и последователей-табиитов, и в дальнейшем считался путём благочестия и Истинного Создателя. Поистине, это слово (слово «суфий») означает погружение в богослужение, отказ от всего во имя Бога, уединение с целью служить Богу, отказ от мирских соблазнов, оставление эгоистических претензий, стяжательства, притязаний на власть и славу. Среди сахабов-сподвижников Пророка такой образ жизни был общепринятым.

Кушайри (да пребудет с ним милость Бога) говорил, что «происхождение этого слова невозможно обнаружить в лексикологии; возможно, оно означало звание или степень. Происхождение этого слова от слов "сафо", "саф" или "суф" далеко от истины, ибо суфии не носили шерстяной одежды». Однако Ибн Халдун утверждает, «что наиболее правильно считать возникновение его от слова "суф". Причина в том, что на самом деле сторонники этого пути носили шерстяную одежду и этим выражали своё несогласие с теми, кто носил дорогие одежды»¹.

¹ Ибн Халдун. Мукаддима. Пер. М. П. Гунободи. — Тегеран: Энтэшорот-э таржумэ-йэ ошор, 1345. — с. 469; Великий учёный-исследователь тасаввуфа Абу Бакр Мухаммад ибн Исхак Калабади (ум. 380/991) также на многих примерах подтвердил это суждение: «Если мы намерены сказать правду, то ношение шерстяной одежды в подражание пророкам, это из украшений друзей-авлия Всевышнего Аллаха. Абу

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Бахауддин Накшбанд (к.с.) — выдающийся представитель школы тасаввуфа (суфизма), известной во всем мире как ходжаган-накшбандия, несколько смягчает жёсткие требования ранее применявшихся в суфизме практик, делает их уравновешенными, адаптированными к повседневной жизни. Идея Хазрата о том, что достичь Аллаха можно и без отречения от мира, то есть не умывая рук от мирских дел, способствует широчайшему распространению идей суфизма во всех слоях общества мусульманского мира.

Мухаммад ибн Мухаммад Бахауддин Накшбанд Бухари родился в 718 году хиджры (в 1318 году н. э.) в селении Касри Арифон близ города Бухары. «Накшбанд» было его прозвищем, данным ему по ремеслу ткача парчи, которым он занимался вместе с отцом. Наряду с этим, у каждого человека, с которым общался Хазрат, на сердце отпечатывался узор (накш) имени Аллаха. Причиной того, что у него с детства возник интерес к науке тасаввуфа и он получил воспитание в этом русле, было то, что дед Мухаммада был в близких отношениях с суфиями.

Первые уроки, относящиеся к предмету суфизма, Мухаммад получил от шейха Мухаммада Баба Саммаси и Саида Амир Кулала. Однако Хазрат Бахауддин, признавая своим духовным учителем Абдулхалика Гудждувани, избирает его практику внутреннего вспоминания — «зикра».

Муса аль-Ашгари передаёт со слов Посланника Аллаха (с. а. в.), что 70 пророков одетые в лохмотья, стоя босыми ногами на раскалённых скалах и камнях, совершали молитву перед «Байт уль-Атик» (Старая Кааба). Вахб и Хасан рассказали: «Иса (а.с.) одевался в шерсть, употреблял в пищу плоды деревьев, лежал, словно только проснулся, (то есть, спал очень мало)». Абу Муса аль-Ашгари сказал: «Также Посланник Аллаха (с. а. в.) одевался в шерстяное...» (См. шейх Аль-Калабади. Источник тасаввуфа («Ат-таъаруф» — книга, знакомящая с тасаввуфом). Пер. с араб. А. Мавланкул и М. Атакул кизи. — Т.: Изд. лит. и иск. им. Г. Гуляма. 2002. — с. 17.

Мухаммад ибн Мухаммад дважды совершил паломничество-хадж. После совершения обряда хаджа, вернувшись в Бухару, он всю жизнь проводит здесь. По завещанию Амира Кулала, он становится его духовным преемником. Бахауддин Накшбанд (к. с.) скончался в 791 году хиджры (в 1389 г. н.э.) и похоронен в селении Касри Арифон (территория нынешнего Узбекистана).

Самые знаменитые из его преемников-муридов — Аляуддин Аттар и Мухаммад Парса.

Бахауддин Накшбанд (к. с.) написал поэтический сборник «Хаятнама», включающий в себя проповеди и наставления, трактаты суфийского содержания «Аль Аврад», «Далил ал-ашикин». Однако, к сожалению, упомянутые произведения до сегодняшнего дня не дошли.

Учение Бахауддина Накшбанда ещё при его жизни широко распространилось в Мавераннахре не только среди городских ремесленников, но и в среде кочевых тюркских племён. Будучи основанным на идеях суннитского направления исламской веры, накшбандия считается одним из двенадцати тарикатов, ведущих свою духовную преемственность с одной стороны от Абу Бакра Сиддика, а со второй стороны от Али ибн Абу Талиба. Эта цепь передачи знаний называется «Силсилатуз — захаб» («Золотая родословная»).

Тарикаты сформировались на основе деятельности Пророка Мухаммада (с. а. в.), развивались и продолжались его последователями. В чём же заключается отличие традиции накшбандия от других традиций?

Во-первых, накшбандийская традиция исповедует идею жизни за счёт добросовестного труда, то есть, занимаясь богослужением, не оставлять занятий семьёй, трудиться на благо общества, процветания народа. Это требование полностью соответствует идеям, выдвигаемым содержанием хадисов Про-

рока Мухаммада (с. а. в.). И сам Бахауддин Накшбанд (к. с.), будучи простым, чистым человеком, жил своим трудом.

Ещё одно отличие: приверженцы других тарикатов, собравшись вокруг пира, исполняют «зикр алония», то есть громкий зикр — боговспоминование голосом, а сторонники накшбандия исполняют «зикр хуфия», то есть боговспоминование исполняется ими беззвучно, в сердце.

Согласно «зикра алония», имя Аллаха или формула «Ля илаха илл Аллах» произносится хором с помощью напева, на основе танца — радения (самаъ). В тарикате Ахмада Яссави упомянутый способ зикра назывался «зикр арра» (зикр-пила). При его практиковании голос исполнителей зикра напоминает звук, издаваемый пилой при распиливании древесины. Как указывается в трактате «Макамати Накшбанди», сторонники тариката мавлавия, основанного Джалалиддином Руми, также практиковали эту традицию.

При исполнении «зикра хуфия» муриды не должны обязательно собираться в одном месте, каждый может находиться у себя дома, тихо, без помпы и шума, танцев и радений, поминать в своём сердце имя Аллаха и священные слова, не прекращая заниматься при этом своими делами. Как упоминалось выше, Бахауддин Накшбанд (к. с.) воспринял «зикр хуфия» от Абдухалика Гудждувани. Такие мыслители как Абдурахман Джамии и Алишер Навои также считаются представителями этой духовной традиции.

Третье отличие состоит в том, что святые тариката накшбандия могли вытягивать болезнь из больного на себя, впоследствии выбрасывая её из своего существа.

Четвёртое отличие в том, что святые тариката накшбандия не спекулировали, чудотворством. Для достижения Аллаха и проявления единения с Ним от каждого мурида на пути познания и духовного очищения требовалось бороться

против любой ереси. Сила же и мощь святости использовались лишь для добрых дел: развития познания, а также очищения людей в духовной сфере и борьбы со всяческим невежеством и ересью.

Такими добрыми деяниями святые этого сословия заслужили в народе абсолютный авторитет. В этом мы можем убедиться из событий, описанных в трактате «Макамати Ходжа Накшбанд» и рассказов о Хазрате Ходже.

Сам Бахауддин Накшбанд (к.с.) произнес следующие слова: «Мусульманство — это, по возможности, подчинение правилам, соблюдение благочестия и воздержания, стремление к пониманию [духовных] практик и средство, избегая праздности, достижения чистого света («нури сафо»), стремление к достижению уровня святости. Достижение степеней и стоянок («макамов») великих святых достигается посредством этих качеств». В качестве логического продолжения этого суждения он поясняет цель своего тариката: «Наш путь — не громкий зикр и не танец, наш путь — это одиночество в окружении людей — «хилват дар анжуман», странствие по родине — «сафар дар ватан». В уединении есть возвеличивание, возвеличивание грозит погибелью. Когда в обществе будет согласие, общество будет в диалоге. Если последователи этого пути будут между собой в беседе — «сухбате», в таком общении будет много блага — «хайру барака». Мы уповаем, что постоянная практика этого действия завершится утверждением истинной веры».

Следовательно, Бахауддин Накшбанд (к.с.) считал, что для того, чтобы стать совершенным человеком, необходимо быть верующим.

Путь тариката состоит из правил приличия — адаб. Так же как каждая духовная стоянка имеет свою этику, так и тарикат накшбандия имеет свои морально-этические требования.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Из этих цитат видно, что накшбандия — морально-этический тарикат, ибо эта традиция непосредственно связана с достижением человеком духовно-нравственного совершенства, осознанием им морально-этических требований, следованием на практике этим правилам. Это мы можем заключить и из духовно-нравственного портрета Бахауддина Накшбанда (к. с.).

В трактате «Макамати Ходжа Накшбанд» говорится: «Как пример его высокой этики можно привести то, что, приходя в дом друга или дервиша, он интересовался самочувствием всех чад, домочадцев и прислуги, умел найти дорогу к сердцу каждого. Он всегда был удовлетворён и доволен друзьями, соседями и сподвижниками-дервишами. Эта его благосклонность помогала каждому человеку встать на путь истины».

В основе тариката накшбандия лежит формирование у каждого человека таких благородных качеств как чистота, необходимость жить своим честным трудом, терпимость, скромность, искренность, твёрдое следование вере и убеждениям, сохранение в сердце Бога и единство в делах с народом.

По мере усвоения этих качеств человек очищается и духовно готовит себя к достижению Всевышнего. Наставляя людей на путь благорасположенности, чистоты, терпения, тарикат накшбандия отвергает воровство, нечистоплотность, скупость, ложь, фальшь, корыстолюбие, стяжательство.

Это можно видеть из следующих высказываний Хазрата Ходжи:

«Уподобься свече — даруй свет всем, сам же будь в темноте».

«Основа всех дел людей завистливых и подверженных низким страстям — нафс, состоящий из заблуждений. В деяниях выбор правильного намерения является самым важным».

«Человек должен ненавидеть свой нафс. Это будет сделать легко, если, по милости Всевышнего, он осознает его (на-

фса) зло, его коварства и ухищрения. Идущие по этому Пути причину грехов других людей по большей части видят в себе».

Методы воспитания совершенного человека поясняют следующие высказывания:

«Некоторые из пришедших в наше собеседование таковы, что в их душе есть семена любви, однако из-за сорняков они не могут прорасти, нам же необходимо очистить их. Некоторые же таковы — в их душах нет семян любви, нам же должно заронить их».

«Наставник (муршид) должен быть осведомлён о трёх состояниях ученика — прошлом, настоящем и будущем, только тогда он может воспитать его».

«Одно из необходимых условий для практики ученика таково, что он должен, будучи в постоянном общении с одним из друзей Всевышнего, постоянно контролировать своё состояние. Пусть он сравнит своё состояние во время общения — сухбата — со своим прежним состоянием: если ощутит в себе перемену к лучшему, то присутствие в общении с этим достойным он должен сделать для себя обязательным для исполнения предписанием "фарз айн"».

Накшбандия — умеренное и в истинном смысле просвещенное учение. В нём широко представлены плоды размышления и осмысления, традиционно применяются образцы художественного творчества, но запрещено построение вздорных и сомнительных умозаключений, внесение смуты и совершение непонятных для народа действий.

Хазрат был мягким по природе, милосердным человеком и любил людей с такими же качествами. На протяжении всей своей жизни он призывал своих учеников стремиться к познанию и сторониться невежества. Он раз за разом повторял своим ученикам хадис Пророка (с. а. в.): «Где бы вы ни были, не отдаляйтесь от стремления к познанию и, если даже

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

погружены в пучину стихии, будьте подобны ловцам жемчуга и приумножайте познание».

Доктрина накшбандия (путь приближения к Богу) выработала одиннадцать этических правил и претворила их в жизнь. Очищение суфия и степень достижения им Бога осуществляются духовным наставником, муршидом или пиром. Возникновение просветительско-духовной связи между ними показывает достижение муридом совершенства, и муршид передаёт муриду своё рубище — хирку.

Практика пути состоит из трёх степеней: муракаба — размышление, мушахада — созерцание и мусахаба — беседа. Человек, ступивший на стезю накшбандия, должен совершенствовать себя и духовно, и физически, очищать и «полировать» своё сердце.

Стремясь к достижению Истинного Бога через внутренний зикр, являющийся основным методом накшбандия, тарикат отвергает различные вредоносные нововведения. Подчеркивается, что всевозможную помощь нужно просить только у Аллаха, поклоняться же святым, их могилам запрещается.

Радения под музыку и с танцами (самах), зикр в голос (джахр), бродяжничество, попрошайничество и прочие подобные действия в тарикате накшбандия считаются неприемлемыми. Истинный суфизм не выдвигает идеи отшельничества, он подвигает человека к нравственному очищению, человечности, великодушию, честному труду, воздержанности и благочестию.

О Ходже Бахауддине Накшбанде (к. с.) и его учении, а также о накшбандийских шейхах создано множество произведений. Только в фонде рукописей Института Востоковедения имени Бируни АН Узбекистана хранится 195 книг, имеющих отношение к накшбандия. Жизнеутверждающие идеи доктрины получили широкое распространение не только в Центральной Азии и России, но и в Европе и в Америке.

Как пишет английский исследователь гурджиевской школы Джон Г. Беннетт, «вполне очевидно, что [идеи ходжаган-накшбандия] играли чрезвычайно важную роль в установлении мира, а также пробуждении духовного самосознания и вообще религиозности у значительной части мирового населения на протяжении многих веков»².

Историческая заслуга Бахауддина Накшбанда (к. с.) состоит в том, что он выдвигал идею сочетания светского и духовного начал. Его мудрая сентенция «Пусть сердце твоё принадлежит Аллаху, а руки будут в труде» отражает сущностный смысл веры. Большинство исследователей сходятся во мнении, что идеи накшбандия послужили краеугольным камнем в формировании духовности мусульман Поволжья, Урала, Сибири, Кавказа и других регионов России.

Предлагаемая Вашему вниманию книга — первая попытка перевода на русский язык трактата, из первых уст поведующего о жизни и деятельности величайшего мастера суфийского пути Бахауддина Накшбанда (к. с.). Трактат был написан после кончины шейха одним из его близких учеников Абул Мухсином Мухаммадом Бакиром по настоянию сподвижников и продолжателей для сохранения памяти о Ходже Бузурге (Грандиозном Ходже).

Многие авторы в своих произведениях с различной степенью достоверности цитировали «Макамат», книга печаталась на фарси и узбекском языках, но на русском языке в полном объеме публикуется впервые. Вероятно, перевод несовершенно, и мы будем признательны всем тем, кто укажет нам на недостатки и упущения в тексте. Уповаем на Ваше великодушие и снисходительность к автору перевода.

Огромную, поистине неоценимую помощь и поддержку в создании и осуществлении нашего проекта оказали свет-

² Джон Г. Беннетт «Учителя Мудрости».

лой памяти Ишан Ибрагим, доброздравствующие Шейхуль-Ислам, Верховный муфтий, Председатель ЦДУМ России Талгат Сафа Таджуддин, хазрат Ариф Бахадыр улы, хазрат Абдулгафур Раззак Бухари, источниковед-исследователь Камильджон Рахимов и множество людей, всей душой преданных пути накшбандия. Выражаем искреннюю благодарность всем тем людям, которые помогли выйти в свет этой книге.

Да ниспошлет Всевышний и Всемогущий Создатель им и всем нам свои милости и блага, да удостоимся все мы света учености великих учителей ходжаган — накшбандия.

Р. Х. Чепкунов (Равиль ибн Ханафи). Бухара, 2012.

* * *

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ АРАБСКИХ ТЕРМИНОВ

С. а. в. — [саллаллаху алейхи ва саллям] — «да благословит его Аллах и приветствует!» (пишется после имени Пророка Мухаммада.)

Р. а. — [радьяллаху анхум] — «да будет доволен им Аллах!» (пишется после имён сподвижников Пророка Мухаммада.)

К. с. — [куддиса сирраhu] — «да будет свята его тайна!» (пишется после имен великих суфиев.)

ВВЕДЕНИЕ

БИСМИЛЛАХИР-РАХМАНИР-РАХИМ (Во имя Аллаха Всемилоостивого, Милосердного!)

Хвала Аллаху — Создателю миров! Он вознёс высоко знамя шариата трудами учёных богословов и наполнил лучезарным светом светильники сердец «арифов»¹. Да пребудет благословение и милость Всевышнего на благородном Мухаммаде, наставившем нас на путь открытый и праведный, его семье и потомках его, чистых друзьях, их последователях и «аулия»², на суфиях, правоверных и последовавших за ними смиренно!

После этого смиренный и убогий Абул Мухсин Мухаммад Бакир ибн Мухаммад Али, да простит Всевышний его прегрешения и укроет вину его, говорит так: «У этого слабопамятного был замысел написать трактат о знаменитом своей высокой степенью духовности, познания, творящем удивительные чудеса нашем Шейхе, предводителе и повелителе Ходжи Бузурге (Грандиозном Ходжи) Бахауддине Мухаммаде ибн Мухаммад Накшбанде аль-Бухари — да будет свята его могила! Поистине великая цель и высокое желание собрать воедино эти страницы для изложения радений, духовных откровений (состояний), влияния и нрава Хазрата, да ниспошлёт Всевышний его благость на нас и на всех правоверных почитателей его!

Об этих радениях повествуется в трактате непосредственно со слов надёжных людей Хазрата Ишана³, например, Ходжи Аляуддина Аттара и Кутб-аль-аулия Хазрата Ходжи Мухаммада Парса — да будут святы их тайны! — либо со

¹ Ариф — познавший.

² Аулия (араб.) — святые.

³ Здесь речь идет о Хазрате Бахауддине (к. с. а.).

ВВЕДЕНИЕ

ссылками на них, и из достоверных письменных источников для постижения пребывающих в саду Божественного Единства, да проснутся спящие к бодрствованию и да примутся за дело Истины бодрствующие!

Однако замыслу автора не суждено было воплотиться в жизнь тотчас же по причине суетности бытия и временных напастей и смут. И только в 804 году Хиджры (1401 г. от рождества Христова) сей трактат был начат и благочестиво завершён написанием.

Тщю себя надеждою, что трактат придётся по нраву правоверным и уповаю на то, что носители благочестия и познавшие (вкусившие) посредством своего благородного дыхания чудодейственную прелесть «Силсилы»⁴ обладатели милосердия великодушно не обделят своим взглядом сего недостойного, ставшего причиной создания этого трактата, и помянут его в своих благих молитвах.

Трактат состоит из вступления (Мукаддима), трёх частей (Максад) и заключения (Хатима).

МУКАДДИМА (Вступление) — повествует о рождении Ходжи Бузурга и его силсиле, восходящей до Пророка — да благословит его Аллах и приветствует!

ПЕРВЫЙ МАКСАД — повествует о начале мистических состояний Хазрата Ходжи Бузурга — да будет свята его могила!

ВТОРОЙ МАКСАД — о совершенствах, путях (способах) достижения состояний и о медитациях, передаваемых со слов, изреченных его благословенными устами.

ТРЕТИЙ МАКСАД — о совершенных им чудесах.

ХАТИМА (Заключение) — повествует о кончине Хазрата Ишана.

⁴ Силсила — цепь, последовательность в передаче духовного знания у суфиев.

МУКАДДИМА (ВСТУПЛЕНИЕ)

О РОЖДЕНИИ И ДУХОВНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ (Силсиле) Хазрата Ходжи Бузурга

Знай же, Хазрат Ходжа Бузург, то есть Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — родился в месяце мухаррам (первый месяц мусульманского лунного года) 718 года по хиджре (1318 г.). Это был век Азизон⁵. Также (иные) утверждают, что было это в 721 году. Место рождения Хазрата и место погребения — Касри Арифон (от ред. — территория нынешнего Узбекистана).

Да будет известно, что приобщение к Пути и духовное образование нашего благословенного Ходжи было получено от Хазрата Саида Амира Кулала, а его — от Ходжи Мухаммада Баба Саммаси, а его — от Ходжи Махмуда Анжир Фагнави, а его — от Ходжи Арифа Ревгари, а его — от Ходжи Абдухалика Гудждувани, а его — от Ходжи Юсуфа Хамадани, а его — от Шейха Абу Али Фармади, а его — от Шейха Абул Касыма Гургани — да будут святы их могилы! Происхождение внутреннего знания Шейха Абул Касыма идет от двух личностей: первое — от Шейха Абул Хасана Харкани — да будет свята его могила! Его знание — от Шейха Абу Язида Бистами — да будет доволен им Аллах! Кончина Шейха Абул Хасана — после (кончины) Шейха Абу Язида. Воспитание Шейха Абу Язида происходило внутренне и посредством духа, а не через видимое общение. Наставник Шейха Абу Язида — Имам Джафар Садык — да будет доволен

⁵ Азизон — почитаемые, достопочтенные (так почтительно именуют великих шейхов).

им Аллах! Достоверно известно, что рождение Шейха Абу Язида произошло после кончины Хазрата Имама Садыка, и воспитание Имам осуществлял посредством духа.

Происхождение внутреннего знания Хазрата Имама Джафара Садыка имеет двойную основу: первая — от почтенного отца его Имама Мухаммада Бакира, а его — от отца Имама Зайн аль-Абидана, а его — от отца Имама Хусайна (р. а.), а его — от отца, Повелителя правоверных Али (р. а.), ведущих происхождение от Хазрата Пророка Мухаммада — да благословит его Аллах и приветствует! Шейхов тариката из благословенной Силсилы дома Пророка называют «Силсилатуз — захаб» (Золотой Силсилой).

Со второй стороны происхождение Имама Джафара Садыка ведётся от Касыма ибн Мухаммада ибн Абу Бакра Сиддыка (р. а.). Хазрат Касым, будучи отцом Имама Джафара Садыка, был одним из семи факихов — правоведов, друзей Пророка (с. а. в.), да будет доволен ими Аллах! Его происхождение — от Салмана Фарси (р. а.). Тот удостоился счастья слышать благословенные речи Посланника Аллаха — да благословит его Аллах и приветствует! И предтечей его был повелитель правоверных Абу Бакр Сиддык — да будет доволен им Всевышний Аллах!

Шейх Абул Касым Гургани получил внутреннее, скрытое воспитание от Шейха Абу Усмана Магриби, а он — от Абу Али Катиба, а он — от Абу Али Рутбари, а он — от Джунайда Багдади, а он — от Дауда Таи, а он — от Хабиба Аджами, а он — от Хасана Басри, а он — от Повелителя правоверных Али — да будет доволен им Всевышний Аллах! А он — от Хазрата Посланника Аллаха — да благословит его Аллах и приветствует!

Первый
максимум

Максад, повествующий о начале
мистических состояний Хазрата Ходжи,
да сохранит в святости его тайны Аллах!

ВО ИМЯ АЛЛАХА ВСЕМИЛОСТИВОГО, МИЛОСЕРДНОГО!

Хазрат Ходжа Аляуддин Аттар — да будет благоуханна его могила! — повествует с благословенных слов Хазрата Ходжи (к. с.):

«Одной из милостей Всемогущего и Всемиловейшего Повелителя Истины [Аллаха] к недостойному (рабу его)⁶ было то, что с детства я был удостоен благословенного внимания и стал названным сыном святейшего шейха Ходжи Мухаммада Баба Саммаси — да будет свята его могила! За некоторое время до моего рождения, многократно проезжая через Касри Хиндувон, он каждый раз говорил: «Здесь пахнет духом великого мужа, в скором времени Касри Хиндувон превратится в Касри Арифон»⁷. Однажды, по пути от своего халифы Хазрата Саида Амир Кулала (к. с.), приблизившись к Касри Арифон, он заявил: «Этот дух усилился, похоже, упомянутый муж родился».

После этого остановился в Касри Арифон. Это происходило на третий день от рождения Хазрата Ходжи. Дед нашего Ходжи был почитателем Ходжи Мухаммада Баба Саммаси (к. с.). Ему пришла мысль представить внука пред светлым взором шейха. С этой мыслью, оказывая величайшую почтительность, он отнёс младенца к нему. Хазрат Мухаммад Баба изрёк: «Он — наше чадо, и мы приняли его». Затем, обратившись к друзьям, он сказал: «Это человек, дух которого мы

⁶ Так по традиции повествующий называет себя.

⁷ Селение Касри Хиндувон (Замок Индийцев) будет переименовано в Касри Арифон (Замок Познавших).

Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанда чувствовали, и, надеюсь, он станет Предводителем Времени». Затем, обращаясь к Саиду Амир Кулалу, сказал: «Не жалея милостей для моего дитя Бахауддина, если же допустишь какой изъян, не будет тебе моего прощения».

После этого он [Бахауддин] стал излучать внутренний свет святости и с юных лет проявлять диковинные и чудесные способности. По милости Всевышнего в эту пору возникла его священная способность предвидеть.

Со слов матери Ходжи (к. с.), передают следующее: «Мой четырёхлетний сын Бахауддин заявил: «Эта корова родит телёнка с отметиной на лбу». Волею судьбы через три или четыре дня родился телёнок с указанным признаком. Все в изумлении говорили: «Свершилось священное предсказание Ходжи Мухаммада Баба Саммаси (к. с.)».

Хазрат Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — повествует: «Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я решил жениться. Дедушка послал меня в Саммас к Хазрату Ходже Баба Саммаси пригласить его к нам с тем, чтобы это богоугодное дело свершить под его благословенным патронажем. Когда я прибыл туда, то еще не наступил закат солнца. Я обнаружил в своей душе спокойствие, надежду, страх перед Всевышним и чувство покорности перед Ним благодаря благословенной силе Хазрата Мухаммада Саммаси. Я встал на рассвете, совершил омовение, пришел в мечеть, где находились ученики Хазрата, и стал совершать молитву. Когда склонил голову в земном поклоне с нижайшей мольбой, из уст моих вырвалось: «Боже, не откажи в милости дать мне силу выдержать груз бед и невзгод и помоги вынести тяготы любви».

Утром я вошёл в присутствие Хазрата Ходжи Баба Саммаси (к. с.). Он сказал: «О дитя, молясь, необходимо просить: «О Боже, направь раба своего на то поприще, которое избрёт Божественная Воля Твоя», ибо Всемогущий и Праведный

ПЕРВЫЙ МАКСАД

Своею мудрой волей ниспосылает тяготы любви друзьям Своим и благосклонно дарует им силы вынести тяготы сии. Мудрость же этого становится для них очевидной и явной. Добровольно же просить себе горе и кликать на себя беду — отнюдь не похвально, это — дерзость, и бесцеремонность тут недопустима!»

После этого принесли трапезу. После еды Баба Саммаси (к. с.) дал мне лепёшку и велел сохранить её. Я подумал: зачем мне хлеб, ведь мы сыты и в скором времени будем у нас. Ходжа (к. с.) сказал мне: «Бери-бери, пригодится». Мы отправились в путь, и я покорно последовал по его стопам. Когда я в душе начинал рассеянно мечтать, он, взглянув на меня, говорил: «Нужно сдерживать порывы сердца».

Дорогой мы пришли к дому одного из его дервишей⁸. Тот с глубочайшим почтением и смирением приблизился к нам. Когда вошли в дом, у дервиша появились признаки тревожного смущения. Баба Саммаси сказал: «Объясни своё состояние». Тот замялся и сказал: «Есть сливки, но нет хлеба». Обращаясь ко мне, Ходжа (к. с.) сказал: «Достань давешний хлеб, теперь он пригодился». Под впечатлением этого события любовь в моём сердце усилилась ещё более.

Придя в Касри Арифон, Баба Саммаси (к. с.) остановился в доме моего деда. Дедушка рассказал о моём намерении жениться. «Хорошо, это дело надо исполнить», — сказал Ходжа. Дедушка изъявил желание сделать это в его присутствии. Однако отец мой хотел, согласно обычаю, сделать все торжественно. Ходжа (к. с.) сказал: «Время дорого, торжества не обязательны, откладывать ни к чему». Отец воспротивился этим словам, так как не знал квартал невесты. Тогда Ходжа (к. с.) сам пошёл сватом, и люди приняли сватовство. Отец, узнав об этом, в одночасье изменил своё мнение и не стал настаивать на проведении торжеств.

⁸ Дервиш — член суфийского ордена (тариката), странствующий суфий.

Когда Ходжа Мухаммад Баба Саммаси (к. с.) состарился, дедушка повёз меня в Самарканд. Где бы ни увидел дервиша, вёл меня к нему на «сухбат»⁹ и выражал крайнюю заинтересованность. Затем привез меня в Бухару, где исполнил обряд моей женитьбы.

В ту пору, когда я был в Касри Арифоне, снизошла величайшая милость Творца: мне была подарена дервишеская шапка-«кулах» Почитаемых, то есть Хазрата Ходжи Али Рамитани (к. с.), и я пребывал в особенном состоянии. У меня появились великие упования и надежды. Также в это время нас посетил Хазрат Саид Амир Кулал (к. с.), сказавший: «Ходжа Мухаммад Баба (к. с.) завещал мне не жалеть милостей для своего [названного] дитя Бахауддина, если же допущу в этом изъян, то не простит мне этого. Я не буду достойным зваться мужчиной, если не выполню заветы Хазрата Ходжи Мухаммада Бабы (к. с.) и допущу какое-либо отступление от них».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — говорил так: «Я и отец занимались тем, что ткали парчу, и, согласно обычаю молодых, у нас с супругой была отдельная комната. Однажды ночью мне приснился один из величайших тюркских шейхов Хаким Ата (к. с.). Он поручил меня попечительству одного дервиша. По пробуждению в моей памяти запечатлелась его внешность. У меня была бабушка Салиха, я рассказал ей свой сон. Она сказала: «Тебе выпала счастливая доля (милость) от тюркских шейхов». Я стал мечтать о встрече с этим дервишем. Однажды, выходя из Ахангаранских ворот, я столкнулся с этим дервишем. Волосы его свисали как ветви плакучей ивы, на голове латанный-перелатанный колпак, в руках суковатый посох из корня сандалового дерева. Я последовал

⁹ Сухбат — беседа, диалог, часто на духовные и религиозные темы.

за ним. Он не оглядывался. Я же шёл, не отставая от него. Дойдя до улицы Мургукуши, он вошёл в один из домов, я же вернулся назад. Ночью ко мне пришёл один знакомый. Он сказал: «Тебя разыскивает тюркский шейх по имени Халил». Я с радостью поднялся с места. Была осенняя пора. Я взял немного бухарских фруктов в подарок и отправился в путь. Там была одна комната, дервиш сидел в углу её. У него была группа людей. Поздоровавшись, я присел. У меня возникло желание рассказать своё сновидение. В это время он обратился ко мне по-тюркски: «Тот, о ком ты думаешь, нам известен, — так к чему же слова?» Я изумился, расположенность моя ещё более возросла. Я начал с почтением служить ему. В его присутствии я наблюдал удивительные события. Спустя шесть лет он взошёл на престол Мавераннахра. Его стали называть Султан Халил. В тот период он также совершал великие действия. В течение шести лет его царствования я почтительно служил ему и усвоил придворные обычаи, выполняя их с должным прилежанием. Самым близким и доверенным наперсником его был я. Таким образом, я служил избраннику Аллаха. Правитель иногда гневался, иногда ласково осыпал меня милостями. Позднее у него появился враг. Он [правитель] был побеждён. В одночасье его султанат¹⁰ был низвергнут в небытие. Тогда я разочаровался во всех мирских делах. Вернувшись в Бухару, я стал жить в Ревратуне».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — рассказывал: «Причиной пробуждения моего покаянного внимания и пробуждения бдительности было то, что однажды в уединении я с благосклонным чувством предавался воспоминаниям, когда внезапно услышал Глас. Он произнёс: «Не пора ли, отвратившись от прочих вещей, обратить лицо к Нам?»»

¹⁰ Султанат — государство, царство.

Бейт: *«Умрест, ки то аз они хеши,
Ин вақт кунун аз они мо бош!»*
*«Всю жизнь принадлежал ты лишь себе,
Теперь пора принадлежать лишь Нам».*

От этого Голоса я преобразился и в смятении вышел на улицу. Поблизости протекала речка, и хотя стояла осень, я совершил омовение («гусль») и выстирал одежду. В таком виде я самозабвенно прочитал два ракагата молитвы. Прошли годы, но с таким воодушевлением и подъёмом я больше никогда не смог молиться, как ни жаждал этого».

Бейт: *«Мардони Худо — Худо набошад,
Лекин зи Худо жудо набошад» (перс.).*
*«Люди Божьи — не боги отнюдь,
Но и от Бога — нераздельны суть».*

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — сказал: «Совершив покаяние, в бытность мою в Ревартуне, я почтительно служил одному собранию (общине). Как-то раз я опоздал к началу совершения молитвы. Благочестивый и мудрейший Мавляна Сайфуддин Рамитани (к. с.), бывший имамом той мечети, сказал: «Мы представляли тебя львом на ниве поклонения Всевышнему, а ты на деле оказался нарушителем рядов». Я сказал: «Вы представляли меня львом на ниве поклонения, на деле же я — фальшивая подделка». Достопочтенный тотчас же прочитал мне бейт:

*«Руй андунанд наситонанд дар бозори ишк,
Холисе бояд ки аз оташ бурун ояд салим» (перс.)*
«На попроще Любви [к Богу]
*подложные фальшивки не нужны,
Металл чистейший нужен там,
что сквозь огонь прошел, и нет ему цены».*

От этих слов в душе моей возникла глубокая рана, и в сердце моём долго не утихало обжигающее пламя».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — рассказывал: «В начале «ахвала»¹¹ под воздействием «джазба»¹² и страстного беспокойства я ночи напролёт бродил по Бухаре. Однажды ночью я подошёл к изголовью одной из священных могил (мазар). На каждой священной могиле, которую я посещал, я видел горящий светильник.

Наготове были масло и фитилёк. Однако требовалось слегка подправить фитилёк, и он, освобождённый от масла, начинал гореть с новой силой. Ночью я подошёл к гробнице сахаба Мухаммада Васъи (р. а.). О Васъи (р. а.) было достоверно известно, что он прибыл в Мавераннахр, будучи удостоен счастья лицезреть Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! Здесь я получил знак посетить могилу Ходжи Ахмада Адждарнуи (к. с.) (сейчас его называют Ходжа Адждунди). Когда я достиг указанного места, ко мне приблизились два человека. Каждый из них был перепоясан двумя клинками. Меня посадили верхом и направили коня к гробнице Муздохун. Там я увидел лампаду и фитилёк в упомянутом выше состоянии. Я сел лицом к кибле. В это мгновение произошло невероятное: стена передо мной исчезла, и возник высокий престол. Престол был прикрыт зелёной завесой. Вокруг престола восседала группа людей. Среди них я узнал Ходжи Мухаммада Баба Саммаси (к. с.). Я понял, что это люди, прежде покинувшие наш мир. Один из сидящих сказал мне: «На престоле восседают Ходжа Абдулхалик Гудждувани — да будет свята его могила! А присутствующие — его наместники-халифы. Затем, указывая на каждого, представил

¹¹ Ахваль, халь — состояние божественного просветления, экстаза у соискателя идущего по пути суфийского самосовершенствования (Тасаввуф).

¹² Джазб-неконтролируемое экстатическое влечение суфия к Богу.

мне Ходжи Ахмада Сиддыка, Ходжи Авлия Калана, Ходжи Арифа Ревгари, Ходжи Махмуда Анжир Фагнави, Ходжи Али Рамитани — да сохранит Всевышний их души святыми! Дойдя до Ходжи Мухаммада Баба, он сказал: «Его ты застал при жизни и шейх, давая тебе "кулах" (колпак), сотворил чудо, сказав, что своей благодатью ты сможешь отводить грядущие беды». Затем общество объявило: «Выслушай и хорошо вникни — Хазрат Ходжа Бузург¹³ повелевает тебе: неуклонно следуй его наказу на пути Истинном!» Я спросил позволения почтительно приветствовать и лицезреть благословенный лик Ходжи Джахана¹⁴. Подняли завесу. Я увидел светозарного старца и приветствовал его. Он ответил на моё приветствие. Затем, рассказав о начале, середине и конце «сулука»¹⁵, он сказал: «Светильники, указанные тебе ранее в их таком состоянии, есть для тебя знамение и благая весть о твоём предназначении, но фитиль дарований необходимо так подправлять, чтобы стало светло вокруг и тайное стало явным». Затем дал наставление: «Следуй всегда путём праведным, придержи-вайся Сунны¹⁶, сторонись ереси, руководствуйся хадисами¹⁷ Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! Ищи и изучай высказывания и повествования о деяниях благословенного Пророка (с. а. в.) и его великих последователях, да будет доволен ими Всемогущий!»

После этого общество обратилось ко мне: «Истинность происходящих событий удостоверит следующее: утром ты пойдешь к Мавляне Шамсуддину Албашканави и скажешь

¹³ Здесь речь идет о Ходже Абдухалике Гиждувани (к. с.).

¹⁴ Ходжаи Джахан — уважительный титул Абдухалика Гиждувани, буквально «Святой Вселенной».

¹⁵ Сулук — духовный путь суфиев.

¹⁶ Сунна — предание о деяниях и словах Пророка Мухаммада (с. а. в.).

¹⁷ Хадис — достоверное свидетельство о Пророке (с. а. в.).

ПЕРВЫЙ МАКСАД

ему, что он в споре тюрка и сакка (торговец водой) принял сторону сакка, но прав не он, а тюрк. Если сакка станет тебе грубить, назови его сластолюбом, он поймет, о чем речь. Второе доказательство истинности происходящего в том, что он [сакка] имел греховную связь с женщиной и, когда она забеременела, приказал избавиться от ребенка, которого закопал в определённом месте под виноградником».

Ещё они напутствовали: «После выполнения поручения к Мавляне Шамсуддину, наутро, возьми три изюминки и срочно через Реги Мурда отправляйся в Насаф на службу к Саиду Амиру Кулалу (к. с.). По достижении вершины Карохун повстречаешь старца. Старец преподнесёт тебе горячую лепёшку, и ты прими этот горячий хлебец. В разговор с ним не вступай. Пройдя его, повстречаешь караван. Миновав караван, ты встретишь всадника и дашь ему наставление. Он раскается в своих прегрешениях перед тобой. Затем доставишь «кулах» Досточтимого шейха Саиду Амиру Кулалу (к. с.)».

После этого общество привело меня в чувство. На рассвете я спешно направился в Ревартун. У знающих людей расспросил о «кулах», мне сказали: «С некоторых пор он в таком-то месте». Увидев кулах Досточтимого шейха, я почувствовался и долго плакал. Смирив сердце, я отправился в путь. Утреннюю молитву «субх» я совершил в мечети Мавляны Шамсуддина. После молитвы я заявил: «Я послан с поручением», — и затем рассказал о происшедшем Мавляне Шамсуддину. Мавляна Шамсуддин был несказанно удивлён. Сакка также был тут. Он стал отрицать правоту тюрка. Я сказал сакка: «Тебе не дано знать». Он приумолк.

«Другой мой аргумент в том, что ты совершил запретное действие с женщиной, и оно дало свой плод. Ты избавился от него, зарыв его в определённом месте под виноградником». Сакка отрицал и это. Мавляна с людьми направились в указанное

мною место, и нашли там труп ребёнка. Сакка стал молить о пощаде. Мавляна и все присутствующие не смогли сдержать слёз.

Минул и этот день. На рассвете, согласно наставлению, взяв три изюминки, через пески Реги Мурда я собрался в Насаф. Узнав, что я собираюсь уходить, Мавляна призвал меня к себе и сказал: «Я знаю о твоей проблеме, её решение — в моих руках, оставайся, и я займусь твоим воспитанием». В ответ я сказал: «Я — не ваше чадо, даже если вознамеритесь вскормить меня грудным молоком, я могу укусить сосок». Мавляна приумолк. Затем он позволил мне ехать.

В этот день я туго подпоясался, приказав двум людям с концов затянуть на мне пояс, и исполненный решимости двинулся в путь. Дойдя до вершины Карохун, я повстречал старца, давшего мне горячую лепёшку. Взяв хлеб, я ничего не сказал ему в ответ. Продолжив путь, спустя значительное время, я повстречал караван.

Караванчики спросили: «Откуда идёшь?»

Я назвал им место.

— «Когда ты вышел оттуда?»

Я назвал время.

— «Наверняка, он безумец, от того кишлака до этого места четыре фарсаха пути, мы вышли в начале ночи и только что добрались сюда», — удивились они.

Миновав караван, я повстречал предсказанного всадника. Приблизившись, я поздоровался. Верховой воскликнул:

«Ты внушаешь мне трепет, кто ты?»

— «Я тот, кто приведёт тебя к раскаянью», — ответил я.

Он тотчас же спрыгнул с коня, снял груз спиртного и, вылив его на землю, произнёс слова раскаяния. Проехав далее, я приблизился к границе Насафа. Въехал в кишлак, где жил Хазрат Саид Амир Кулал (к. с.). Найдя его, удостоился

ПЕРВЫЙ МАКСАД

честь служить ему. Я положил перед ним священный «кулах» Достопочтимых. Хазрат Саид Амир Кулал — да будет свята его могила! — хранил благоговейное молчание. После продолжительной тишины он произнёс: «Было указание хранить тебе «кулах» между двух покровов». Встав с места, я принял указание и взял «кулах». После этого Хазрат Амир преподавал мне урок и научил исполнению беззвучного «зикра»¹⁸ — «нафи» и «исбат» (при помощи сердца, а не языка). Некоторое время я практиковал этот метод. По воле Ходжаган (суфиев-предшественников), я отказался от метода «алания» (произнесения зикра вслух) и полностью отрёкся от этого метода».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сказал: «Всякая вещь на своем месте оказывает влияние, и результат не замедливает проявиться явно». Я изучал хадисы Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! — и с благоговением руководствовался деяниями его благородных сподвижников (р. а.). Я изучал их жизненные принципы и неукоснительно им следовал. Результаты этого, по милости Божьей, я видел на себе».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — рассказывал: «В начале проявлений «джазба»¹⁹ однажды ночью я находился на мазаре²⁰ Мардохун. Опираясь на меня, рядом стоял дервиш Мухаммад Захид. В это мгновение мой дух отделился от тела и, вращаясь, стал возноситься к небу. Продолжая движение, мой дух достиг Первого неба, затем Второго, Третьего, поднялся на Четвёртое небо. Потом, вращаясь, опять вернулся на землю и вошёл в моё тело. О моём состоянии Мухаммад Захид даже не ведал».

¹⁸ «Зикр» — воспоминание Всевышнего в традиционно сложившихся формах.

¹⁹ «Джазба» — экстатическое влечение суфия к Богу.

²⁰ «Мазар» — кладбище.

Мисра (полустишие):

«Касро вукуф нест, ки мор очи холат аст».

«Никто не ведает того, в каком мы состояньи».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — рассказал: «В начале «ахвал» (мистических состояний) как-то ночью в Ревартуне я сидел за колонной мечети лицом к кибле. Внезапно появилось состояние небытия и исчезновения. Мало-помалу, усиливаясь, меня охватило и заполнило чувство отторженности, отделения от себя самого. В этом полном исчезновении и небытии я услышал: «Знай же, ты достиг желаемого и нашёл цель своих устремлений».

ПОВЕСТВУЮТ, что наш Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — поведал: «В первоначальном состоянии, после события в Ревартуне, в этом саду (ныне место захоронения Хазрата Ходжи) в окружении близких мне людей внезапно у меня стали проявляться признаки «джазба» и бесконечной ко мне милости и благосклонности Всевышнего. Я не в силах был сдержать охватившего меня душевного трепета и волнения. Поднявшись с места, я сел лицом к «кибле». В этот миг неопределённость превратилась в истинное «фана»²¹. В этом небытии я вдруг ясно увидел, как мой дух проносят перед небесными ангелами. Дошло до такой степени, что дух превратился в звезду и исчез, растворившись в бескрайнем потоке света. В теле же моём не осталось никаких признаков жизни. Окружение и близкие в смятении и растерянности принялись оплакивать меня. Наконец, дух мой по частицам стали возвращать в телесную оболочку. Это полное небытие и отсутствие длилось ни много, ни мало — шесть астрономических часов».

ПЕРЕДАЮТ, что в конце жизни Хазрат Ходжа часто рассказывал о своей духовной родословной — «сулуке».

²¹ «Фана» — небытие, исчезновение.

ПЕРВЫЙ МАКСАД

Он сосредоточивал своё внимание на шейхах и подвижниках «Тариката»²² — да благословит Аллах их души! Обращение к духу Уэйса Карани (р. а.) подвигало на полный разрыв явных и скрытых связей со всем мирским. Обращение — «таваджух»²³ — к духу Ходжи Хакима Али Термизи (к. с.) не проявлялось явно. Оно не бросалось в глаза окружающим. Хазрат Ходжа (к. с.) сказал в 789 году: «Уже на протяжении двадцати двух лет мы следуем Тарикату — пути Хакима Али Термизи (к. с.), и он не проявлялся внешне в каком-либо качестве. Если кто знает, в это время и я не проявил себя в каком-либо качестве».

ОДИН непорочный дервиш повествует: «В начале «халя» Хазрат Ходжа (к. с.) был строго аскетичен. Изредка я удостоивался чести слышать его благородные речи. Так, однажды зимней порой было очень холодно. На рассвете Хазрат Ходжа (к. с.) вошёл в мою убогую келью. На лице его была печать великого воздержания, он целиком отрешился от мира и отдалился от всего суетного. Он обратился ко мне: «Уже восемь месяцев как я сосредоточил свой дух и соединился с духом Уэйса Карани (р. а.), путешествуя в этом качестве, сегодня же я вышел из этого качества».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — говорил: «Однажды ночью я был в Ревартуне. В пути я приблизился к мосту. Внезапно мной овладело удивительное состояние, и сердце моё осенили слова: «Проси с подобающей учтивостью всего, что пожелаешь от щедрот Моих!» Я ответил: «Господи, дай мне каплю от реки милостей и щедрот Твоих!» Прозвучало: «Ты просишь каплю от реки милостей Моих?!» Я вострепнулся, в душе моей поднялась буря страстей, я с такой силой ударил себя по лицу, что

²² «Тарикат» — суфийский орден.

²³ «Таваджух» — духовное обращение к душам суфийских наставников.

боль не проходила несколько дней после этого. Я промолвил: «Пречистый Вседержитель, пожертвуй мне реку щедрот и милостей Твоих и дай силы выдержать это!» Тотчас же я ощутил благосклонность Всевышнего на себе и увидел её благодать.

Бейт: *«Химмат туро ба кунгираи Кибриё кашад,
Он сакагохро бех аз ин нардбон махох».*

*«К высоким духовным вершинам
возносит усердье благое
И лестницей станет ступень
за ступенью усердье благое».*

И мы назвали эту лестницу «лестницей усердия».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, рассказывая о началах «ахвала», Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — поведал: «Когда мы вступили на этот Путь [духовного совершенствования] нас было двести человек. Моим стремлением было опередить их всех. Удостоившись милости Всевышнего, я обошёл всех и достиг заветной цели».

Бейт: *«Мардони рахаш расидаанд аз химмат,
Зон дар рахи у нишон бепайдо нест».*

*«Усердье достойных наставит на правильный путь,
Усердье — вот то, что поможет с него не свернуть».*

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа (к.с.) сказал: «Нет от меня прощенья тому, кто на пути к великой цели не ступит на мою голову, дабы превзойти меня!»

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — рассказывал: «В начале Божественного влечения — «джазба» — мне довелось повстречаться с одним из приближенных Всемилодивейшего. Он сказал: «Видно, ты

ПЕРВЫЙ МАКСАД

из соискателей?» Я ответил: «Тшу себя надеждой, по милости друзей, стать им». Досточтимый спросил: «Какой линии придерживаешься в поведении?» Я ответил: «Когда найду — благодарю, а не найдя — терплю». Достопочтенный улыбнулся: «Ты выбрал лёгкую дорожку, должно же поступать иначе. Загони свой «нафс»²⁴ в колючие дебри, оставь его без пропитания, дабы изжить в себе всяческую гордыню».

Я взмолился о его содействии [советом]. Он отвечал: «Удались в пустыню, порви все связи с суетным и таким путём иди три дня, на четвёртый достигнешь подножия горы, где повстречаешь всадника на неосёдланной лошади. Поздоровавшись, проходи мимо. После трёх шагов он окликнет тебя: «Эй, парень, у меня есть хлеб, возьми его». Не оказывай ему внимания».

Я последовал указаниям достопочтенного «аулия» и отправился в пустыню. Прошло три дня. На четвёртый день я приблизился к подножию горы. Появился указанный всадник. Я поздоровался и стал обходить его стороной. Предложение хлеба я оставил без внимания.

Ещё достопочтенный сказал: «Добивайся расположения людей, бескорыстно помогай немощным и беспомощным, принимай участие в судьбе оставленных без помощи и сострадания другими». Долгое время я исполнял эти указания со всем подобающим прилежанием.

Ещё достопочтенный наставлял: «Последовательно и с добольно относись к животным, ибо они тоже создания Божьи и находятся под его опекой. Если увидишь раны и язвы на спине и боках их — исцеляй их». Продолжительный период времени я занимался этим делом. Если где-либо я встречал животное, то пропускал сначала его, уступая дорогу. Я прикасался челом к следам мулов. Семь лет провёл я таким образом.

²⁴ «Нафс» — страсти, чувственные желания, низменные душевные побуждения.

Также наставлял достопочтенный: «Неуклонно стремись к цели, смиренно обслуживая здешних собак. На этом поприще повстречаешь пса, который поможет тебе ощутить блаженство». Я воспринял как великое благо это указание, истово ухаживал за собаками. Однажды ночью я повстречал собаку и пришёл в смятение и с мольбой обратился к ней. Горькие рыдания сотрясали меня. Взглянув на животное, я увидел, что собака, запрокинувшись на спину и задрав четыре лапы, устремила взгляд на небо. Слышался её заунывный вой. Я воздел руки для молитвы и не опускал ладони до тех пор, пока собака не пришла в себя.

Как-то в ту же пору жарким летним днем я шёл из Касри Арифон. Вдруг взгляд мой упал на саламандру. Она не отрывала завороченного взгляда от раскалённого солнца. Её состояние породило во мне восторг. Мне вдруг пришло на ум попросить у неё заступничества. С почтительным благоговением я воздел руки для молитвы. Саламандра вышла из зачарованного оцепенения и, придя в себя, легла на спину, устремив взгляд к небесам. Я же повторял «Аминь».

Также достопочтенный сказал: «Теперь начинай обслуживать дороги, расчищай их и устраняй всё, что мешает путникам». Много времени я уделил этому занятию. Семь лет мои рукава и подол одежды несли следы дорожной пыли. Все наставления благословенного я выполнял сполна и сполна ощутил на себе их благотворное влияние».

ПОВЕСТВУЮТ, что по достижении высоких духовных состояний Хазрат Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — рассказывал о начале своего духовного пути: «Стояла зимняя пора, было очень холодно, вода превратилась в лёд. Однажды я с группой дервишей заночевал в Ревартуне, в эту ночь у меня возникла потребность совершить полное омовение «гусль». Я вышел во двор. Мои попытки взломать

ПЕРВЫЙ МАКСАД

лёд потерпели неудачу. Тёплой воды для омовения не оказалось. Я не хотел беспокоить никого из спящих дервишей. Поэтому, никого не беспокоя, я накинул на плечи старую доху и направился из Ревартуна в Касри Арифон. Придя в свой дом, я не захотел беспокоить домашних. Поискав вокруг, я, наконец, нашёл кувшин для пойки мулов, лежавший возле «хауза» (водоёма) у мечети. С большим трудом, изранив руки, я взломал лёд. Набрав в кувшин воды, я совершил полное омовение — «гусль». Стоял сильный холод, и я продрог до костей. Надев доху, я по ночной стуже возвратился в Ревартун. Никто не заметил моих хождений».

ПОВЕСТВУЮТ, что Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — сказал: «В пору моей молодости я просил у Всемогущего Творца даровать мне благочестие и силы для того, чтобы выдержать все тяготы этого пути. Повелитель Вечности всемилостиво принял мои мольбы. В молодости восприняв все тяготы пути, к старости я стал свободен».

Бейт: *«Шартист, ки моликони тахрир,
Озод кунанд бандаи пир».*

*«Когда Ты свою Щедрость проявляешь,
На склоне лет раба освобождаешь».*

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — изрёк: «В начале духовного пути я спрашивал у людей, достигнувших успеха: «Бессильный вопрошает сильных — как надобно поступать?» Мне отвечали: «Необходимо терпеть». В один из дней я повстречал одного из приближенных к Истинному [Богу]. Он спросил: «В каком ты состоянии?» Я отвечал: «Я жажду благосклонной поддержки». Ответом было: «О дитя, мы искали, но тщетно, ищи же и обязательно обретёшь!» Вдохновленный благим напутстви-

Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанда ем достопочтенного мудреца, я ощутил прилив сил, и продвижение моё ускорилося».

ПОВЕСТВУЮТ, что Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — рассказывал: «Волею судеб как-то я оказался в игорном доме. Я увидел человека, проигравшегося до последнего гроша. Несмотря на это, он заявил приятелю: «Эй, дружище, я не остановлюсь, даже если проиграю свою голову». Это его состояние привело меня в восторг и пробудило во мне новые силы».

Бейт: *«То на зани ба хар чи дори оташ,
Харгиз нашавад хакикат вакти ту ху ваш».*

*«Пока огню не предашь ты всё то, чем владеешь,
Ты истины всей до конца осознать
никогда не сумеешь».*

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет благоуханна его могила! — сказал: «В начале духовных состояний я имел обычай прислушиваться, если беседовали два человека. Если они говорили о Всевышнем — я радовался, если же нет — я впал в печаль».

Маснави: *«Хар ки на гуё ба Ту хомуш бех,
Хар чи на ёди Ту фаромуш бех».*

*«Пусть о Тебе гласит язык, иначе —
пусть отсохнет.*

*Пусть сердце помнит о Тебе,
иначе — превратится в лёд».*

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сказал: «Временами меня охватывало смятение, и я бросался на поиски того, кому мог бы поведать и от кого выслушать о цели своих устремлений».

Бейт: «Гар хеч наёбам касе биншоном,
То у зи Ту мегуяду ман мешинавам».

«Коль не найду Тебя, найду кого-то,
Кто усладил бы сердца слух, Тебя лишь прославляя».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — говорил: «После того, как Всемилостивейший Вершитель Приговоров [Аллах] открыл для меня двери раскаяния, шёл я как-то по дороге. Проходившая мимо группа друзей приблизилась ко мне, и они стали убеждать меня последовать их путём («тарика»), проявляя при этом непомерное рвение. По милости Всевышнего я вспомнил «калиму» [высказывание]:

مَا يَفْتَحُ اللَّهُ لِلنَّاسِ مِنْ رَحْمَةٍ فَلَا مُمْسِكَ لَهَا وَمَا يُمْسِكُ فَلَا مُرْسِلَ لَهُ مِنْ بَعْدِهِ
وَهُوَ الْعَزِيزُ الْحَكِيمُ
(سورة فاطر) 25.

И добавил: «Дверь, затворённую Господом, не дано отворить вам». Слова эти возымели действие на сообщество, и они раскаялись».

Фард: «Кас бастаи дари Ту боз натвонад кард,
Дар боз бувад фароз натвонад кард».

«Никто не затворит дверь,
отворённую Тобою, мой Господь,

²⁵ «То, что из милости Своей Аллах откроет людям,
От них никто не может удержать.
А что удерживает Он,
Того никто послать, кроме Него, не может, —
Он, истинно, могущ и мудр!»

Священный Коран, сура «Ангелы», аят № 2.

*Никто не отворит дверь,
затворённую Тобою, мой Господь».*

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрат Ходжа — да будет благоуханна его могила! — говорил: «В пору моих духовных изысканий дважды смущал меня дух Мансура Халладжа²⁶. Дважды я подводил себя к виселице и говорил: «Здесь — на виселице твоё место!» По милости Всевышнего я миновал и эту стоянку — «макам»²⁷.

От Хазрата Азизон, да пребудет с ним милость и довольство Аллаха, дошло: «Если бы на Земле был хоть один последователь Ходжи Абдулхалика Гудждувани (к. с.), то Мансур Халладж никогда бы не был повешен».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — рассказывал: «В смятении от охватившего меня влечения, куда бы я ни шёл, всюду в ноги мои впивались тернии и колючки. На плечах моих всегда была старая шуба. Как-то зимней порой стояла сильная стужа. Ночью у меня возникла потребность общения с Саидом Амир Кулалом — да будут святы его тайны. Я направился к нему. Амир сидел с дервишами. Когда его благословенный взгляд упал на меня, спросил: «Кто это?» Получив ответ, сказал: «Выбросите его отсюда немедленно!» Удалившись, я снова возвратился в присутствие. Разгневавшись, они изгнали меня, крикнув вослед: «Убирайся и не возвращайся, твоим желаниям не сбыться за этой дверью!» После выдворения из дома мой «нафс» вышел из повиновения, и я едва удержал бразды правления им. Я направился в город. Дорога привела меня в игорный дом. Там я увидел двух людей и услышал их диалог. Один из них заявил: «О дорогой друг, теперь я ставлю на кон свою жизнь!»

²⁶ Абу Муис Хусайн ибн Мансур Ал-Халладж (род. 850 г. — казнён в 992 г. н.э.) — выдающийся суфий, казнённый за свои откровения.

²⁷ «Макам» — стоянка, ступень на духовном пути суфия.

Рубай: «Эй дода руйи Ту мохро зебойи,
Хоки кадами Ту дийдаро бинойи.
Дар хизмати Ту жону, дилу, дийдаи тан,
Мебозам ман кабул мефармойи».

«О, спорящий с луною лика красотой,
Пыль из-под ног твоих для глаз моих
Бальзамом стала и мечтой.
Прими же в дар ты дух мой, сердце, тело,
Я душу жертвую, она пусть служит
Лишь твоей услады делу».

Я сказал себе: «Эй, Бахауддин, стыдись быть на своём пути ниже азартного игрока!» В это время на меня снизошла милость Аллаха. Я подумал: «Моё унижение — во имя Господина Справедливости, у этих дверей ты добьёшься желанной цели и тебе не избежать их!» Приняв решение, я возложил голову на порог дома Амира Кулала и сказал себе: «Будь, что будет, но я не сойду с этого места!»

Рубай: «То жон дорам ранги гамат омизам,
То ашк бувад бар сари куют ризам.
Чун субхи киёмат бидамад бош ишкат,
Аз хоки дарат наъра занон бархизам».

«Пока я жив, твоя печаль — моя печаль,
Когда же нет тебя — предела нет моим слезам.
Пусть грянет Судный день,
в душе одна любовь к тебе.
Лежу, стенаю, прах порога твоего,
прижав к своим глазам».

Ночью выпало немного снега, сильно похолодало. Я пребывал в таком состоянии, пока не наступил рассвет. Хазрат

ПЕРВЫЙ МАКСАД

речи Саида Амира Кулала (к. с.). Я отправился в Насаф. Добравшись до него, я услышал: «О дитя покорности, ты пришёл очень кстати. Я сложил печь для обжига [кувшинов], однако некому собрать дров». Я возрадовался такому указанию и, собрав дрова, принес их на себе к гончарной печи».

Бейт: *«Жамоли Каъба чунон медавондам ба нишод,
Ки хорхойи мугийлон харир меояд».*

*«Так был исполнен предвкушением
увидеть блеск Каабы,
Что шёлком нежным мне
казались острые акации шипы».*

Саид Амир Кулал — да будет свята его могила! — в своем трактате «Рисаля» пишет о том, что однажды Хазрат Ходжа (к. с.), приехав из Бухары в Насаф, приготовился развести огонь в гончарной печи. Саид Амир Кулал (к. с.), дав ему палку, велел разжечь пламя. Стояла сильная жара. На плечах Хазрата Ходжи (к. с.) была надета старая шуба. Жар пламени заставил его сбросить с благородного тела шубу и швырнуть её в огонь. Тотчас Амир спросил его: «Эй, дитя, зачем ты сделал это?» Хазрат Ходжа ответствовал: «Простите великодушно!» Амир велел: «Эй, дитя, вынеси из огня свою шубу!» Он трижды повторил это. Ходжа стал оправдываться, наконец, он сказал: «О, махдум²⁸, даже если бы шуба была из железа или камня, она бы уже растаяла, но это — всего лишь шуба!» Амир отвечал: «О, дитя Бахауддин, вещи, годами носимые на теле сжигаемых страстью к Всевышнему дервишей, в силах ли сжечь пламя этого мира!»

Мисра: *«Каси сухтаро ду бора бирён накунад».*

«Единожды сгоревший — не сгорает дважды!»

²⁸ Махдум — господин, повелитель, хозяин.

«Эй, Бахауддин, ты бы сгорел, войдя по собственной воле, сейчас тебя насильно вводят в огонь, не бойся же — войди!»

Произнеся «Бисмилляхир Рахманир Рахим», Хазрат Ходжа вступил в огонь и увидел в самом сердце пламени невредимую шубу, ни одна шерстинка которой не пострадала от огня. Взяв шубу, он вышел наружу. Амир дал ему свой наказ: «Знай же, о дитя, вещи, носимые дервишами, не подвержены огню сего мира. Своим усердием добейся места в сердцах дервишей, и тогда тебя не опалит пламя Ада».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — рассказывал: «Некоторое время я изучал хадисы у Хазрата Мавляны Бахауддина Деггарани. Однажды мне выпало попасть в Насаф. Вдруг я увидел Хазрата Ишана Деггарани, сооружающего кровлю. В этой местности было много юлгуна и других искривлённых деревьев. Возникла нужда в топоре. Мавляна произнёс: «Увы, мой топор остался в Бухаре у Мавляны Хисамуддина Асили». Воспользовавшись тем, что Мавляна отвлёкся, я потихонечку отправился в Бухару. На следующий день топор был доставлен мной в Насаф к услугам Мавляны».

ПОВЕСТВУЮТ, что во времена строительства мечети в Касри Арифон наш достопочтенный Хазрат Ходжа, таская на своей благородной голове землю для настиления крыши мечети, произносил следующий бейт:

*«Ба жон бикущам кори ту, чаро накунам,
Ба сар бикашам бори ту, чаро накашам».*

*«Со всей душою дело делаю Твоё — а как же иначе.
И ноши Твоей груз*

на голову я возложу — а как же иначе».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет бла-
гоуханна его могила! — говорил: «В дни полного торжества
надо мной Божественного влечения «джазба» я собрался ехать
из Бухары в Насаф, дабы удостоиться благословенной бесе-
ды Саида Амира Кулала (к. с.). По достижении мной селения
Чугарот я повстречал верхового. Подобно пастухам, он дер-
жал крепкую палку и носил войлочный колпак. Приблизив-
шись, он ткнул меня палкой и спросил по-тюркски: «Видел ли
коней?» Я ему ничего не отвечал. Он препятствовал мне не-
сколько раз, преграждая путь. Наконец я заявил: «Я знаю —
кто ты!» Всадник сопровождал меня до Рабата Караул. Он
предложил: «Давай побеседуем вдвоём». Я не обращал на
него внимания. Когда я достиг присутствия Хазрата Амира,
он спросил: «Почему ты отказал во внимании Хазрату Хыз-
ру²⁹ (а. с.)?» Я отвечал: «Я предназначил себя служить вам,
поэтому не счёл возможным отвлекаться на него».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свя-
та его могила! — рассказывал: «В бытность мою на службе
у Хазрата Саида Амир Кулала (к. с.) он провёл черту на зем-
ле и заявил: «Никто не переступит её». Сообщество дерви-
шей пришло в замешательство. По Божественному наитию
я переступил черту и последовал за Амиром. По приближе-
нии к нему, Амир Кулал, обратив свой взор на меня, заявил:
«О дитя, хорошо, что ради черты ты не отстал от меня!»

Бейт: *«Хар кужо хатти мушкиле бикашанд,
Жахд кун то даруни хат боши».*

*«Там, где увидишь — грань проводят разделенья,
Стремись не оказаться за чертою отчужденья».*

²⁹ Хызр (а. с.) — легендарный святой, испивший из источника живой
воды и обретший вечную жизнь.

ПОВЕСТВУЮТ, что однажды Хазрат Ходжа Бахауддин (к. с.) вместе с одним из сподвижников направлялся к Хазрату Саид Амир Кулалу (к. с.). В пути речь зашла о любви. Хазрат Ходжа спросил: «До какой степени ты предан мне?» — «Если прикажешь: "Умри!" — умру» — был ответ. «Умри!» — сказал Ходжа. В тот же миг достопочтимый упал и умер. Увидя это, Ходжа пришёл в изумление. «Иди к Саиду Амир Кулалу!» — был глас. Хазрат Ходжа пришёл к Амиру. Амир прочитал:

*Рубаи: «Боз ой, ки туро ба ноз ман хохам дошт,
Ба ту дари лутф боз ман хохам дошт.
Хар гуссаи гам, ки дар даруни дили туст,
Он бо ман гу, ки роз ман хохам дошт».*

*«Коль ты желаньем благосклонности моей томим,
Тебе открыты двери к милостям моим.
Страдания, что в глубинах сердца твоего
Поведай нам — их мы в глубокой тайне сохраним».*

Затем изрёк: «Эй, дитя, теперь не время ждать, иди и прикажи ему: «Воскресни!»»

Возвратившись, Ходжа увидел, что [упомянутый] достопочтенный раздулся, так как стояла жара, и покойник пролежал на солнце пять-шесть часов. Хазрат Ходжа велел: «Воскресни!» Тот достопочтенный ожил и поднялся с места.

*Бейт: «Чун омузгараи Фаридун бувад,
Аз он пурхунар чун бувад».*

*«Что толку, если даже Фаридун учитель был его,
Коль ремесла не перенял он у наставника его».*

ПЕРВЫЙ МАКСАД

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет благоуханна его могила! — поведал: «Охваченный Божественным влечением «джазба», я как-то направился из Бухары в Насаф. Кстати, там была и моя мама. Ко времени утренней молитвы — «субх» я достиг места, где молодой человек, воздев ладони, возносил дуа Всевышнему. Я спросил, о чём его молитва. Он ответил: «У меня есть отец и мать, и я молил Всевышнего о том, чтобы Он разлучил меня с ними, если они воспрепятствуют мне искать Его». В знак благословения я произнёс: «Аминь».

*Бейт: «Хар ки бо зарраи тийнати одами хеш аст,
Гар зи ушишок рахаш нестки бегонаи мост».*

*«Тот, в чьей природе человечность есть,
он — человек родной тебе,
Но коль пути влюблённых сторонится, знай,
что этот человек — чужак тебе».*

ПЕРЕДАЮТ, что после первого «хаджа»³⁰ Хазрат Ходжа (к. с.) через Насаф возвращался в Бухару. Мать его находилась в Бухаре. Говорят, что желание увидеться с матерью было очень велико. Он повторял: «Не будь того, не было бы этого, то есть, если бы Вседержитель не пожелал, это желание бы не возникло!» Говоря это, он оседлал осла и направился в Бухару. Проехав какое-то расстояние, он почувствовал перемену в себе и на протяжении дальнейшего пути трижды повторил «тауба»³¹. Затем произнёс: «Он укорил меня за то, что претендуя на Его любовь, я устремляюсь на встречу с другими!»

³⁰ «Хадж» — паломничество в Мекку и Медину, один из пяти столпов Ислама.

³¹ «Тауба» — ритуальная формула покаяния, буквально «каюсь».

Бейт: «*Дар рухи хар кас нест доги гуломи дуст,
Гар падари манн бувад душмани агёрам уст*».

«*Богобоязненности на лице чьём не видать следа,
Пусть даже мне отец родной,*

с ним будет у меня вражда».

КАК ПОВЕДАЛ «Кутбул Аулия»³² Хазрат Ходжа Мухаммад Парса: «Вернувшегося после первого паломничества-«хаджа» Хазрата Ходжи в его доме поочередно посещали его приверженцы. Покорный слуга также посетил Хазрата. Обратившись ко мне, Хазрат сказал: «Среди всех посетителей ты — единственный, направивший свой внутренний взор на меня и таким вошедший сюда. За всё время моего отсутствия, преодолевая все тяготы и лишения, я чувствовал твой внутренний взор («батин») и незримую связь со мной. Слава Господу Создателю миров! Аминь!» Затем, глядя на меня благосклонным взором, сказал: «Всё, чем владеем мы — бери себе без остатка!»

После этого день ото дня усиливал свою благосклонность к покорному слуге и предписал украшать себя благосклонностью Всевышнего, отречься от суетности и бросить в реку забвения все мирские побуждения. В конце жизни Хазрат так отозвался о своём приверженце [Мухаммаде Парса]: «Он никогда не разочаровывал меня, другие давали повод разочароваться, он же — никогда. Если я отводил от него свой внутренний взор ["батин"] — то это было очень кратковременно. И сейчас мой взор направлен на него. Я остаюсь при том же мнении, которое высказывал о нём в кругу друзей в Хиджазе. Если б он был сейчас здесь, я бы высказался ещё лучше!» Хазрат относился ко мне хорошо и вспоминал с большой симпатией».

³² «Кутбул Аулия» — Полюс Святости.

Бейт: «*Бадин умидхои шох дар шох,
Карамхойи ту моро кард густох*».

«*Мечтам и упованиям нашим нет конца,
Твоя, о Боже, благосклонность к нам
Бесцеремонной дерзостью наполнила сердца*».

«В песках Хиджаза Хазрат Ходжа (к. с.) поручил этому недостойному [Ходжа Мухаммад Парса подразумевает себя] заниматься самосозерцанием и обучил различным методам его, наказав хранить в тайниках памяти свой образ. Хазрат Ходжа (к. с.) сказал также: «Я согласен с тем, что говорил о Мухаммаде Парса Мавляна Ариф, однако воплотить сказанное полностью в жизнь — зависит от нас». В другом месте сказал: «Его путь — Божественное влечение, состояние — между Прекрасным и Великим ["Джамал" и "Джалал"], расположение духа связано с Божественным Знанием ["Гилм"]».

Когда Хазрат Ходжа (к. с.) при путешествии в Хиджаз заболел, в кругу приближённых он завещал Мухаммаду Парса: «Все сокровища истины, доставшиеся нам от Ходжей Тариката, и всё, что на этом Пути приобрели мы, всё это мы передаём тебе, прими это, как мы приняли от Мавляны Арифа, и донеси до людей Аллаха!»

Это утверждалось так, как ничто другое из сказанного приближённым. В последние дни жизни эти заветы вновь были повторены им.

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа Бахауддин — да будет свята его могила! — сказал: «В начале «халы», в течение шести месяцев, тайные двери были для меня закрыты, и я не ощущал никакого «файза»³³. Я был в смятении и беспокойстве. Я опять дал зарок отречения от тварного мира. В это время дорога привела меня к мечети. На двери мечети было написано:

³³ «Файз» — сопричастность, Божественное вдохновение.

*«Приди к Нам, Мы — твои, о, друг,
Не отстраняйся, ближе будь, о, друг».*

После этого для меня вновь открылись двери Божественного Вдохновения — «файз».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрат Ходжа — да будет благоуханна его могила! — поведал: «Передают, что Султану Арифину [Султан «совершенных»]³⁴ сказал: "Достигнув макама «сайр»,³⁵ я занимался созерцанием, приняв качества всех пророков и нашего Пророка — да благословит его Аллах и приветствует, воплотившись в их состояние. Тогда, достигнув макама Мухаммада Мустафы³⁶ (с. а. в.), я вознамерился воплотиться в его состояние и заняться созерцанием — «сайр». Пророк — да благословит его Аллах и приветствует! — возложил свои руки на моё чело».

Хазрат Ходжа (к. с.) сказал: «Когда я достиг этой стоянки милостью Всевышнего, я не допустил бестактной дерзости. С подобающим трепетом и благоговением я почтительно и нижайше возложил голову на порог Пророка Мухаммада — да благословит его Аллах и приветствует!»

ОДИН дервиш рассказал: «Я сопутствовал Хазрату Ходже (к. с.) по дороге в Насаф. Рассказывая о своей духовной родословной «сулук», он упоминал многих шейхов и поведал: «Я побывал на «макаме» Султана Абу Язида (к. с.) и достиг того, чего достиг он. Я достиг также и того, чего достигли шейх Джунайд, шейх Шибли и шейх Мансур. Наконец, я достиг того места, величественнее которого нет. Я понял, что это — местонахождение Мухаммада — да благословит его Аллах и приветствует! Я не поступил подобно Баязиду (то есть не допустил бестактности)».

³⁴ Здесь речь идет об Абу Язиде (Баязиде) Бистами.

³⁵ «Сайр» — путешествие, осмотр, обозрение.

³⁶ «Мустафа» — избранный, один из титулов Пророка Мухаммада.

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сказал: «Во время молитвы «магриб»³⁷ появились «кутбы» и «автады»³⁸, которые, усадив меня на белый войлочный ковёр, подняли его за края. Усадили меня на Великий Престол. Следовательно, после этого никакие невзгоды не омрачат меня».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был чрезвычайно аскетичен. В месте, где сейчас мемориальный сад, у него была келья, и, будучи в Касри Арифон, он по большей части жил в ней. В келье были поломанный кувшин и старенькая циновка, в этой необычной обстановке он проводил свои дни. Несмотря на суровое воздержание, он помогал другим нести ношу добывания хлеба насущного. Иногда его ноша начинала двигаться сама по себе, однако он не обращал внимания на это. Он стремился скрывать свои удивительные способности. Говорил: «Не следует уповать на плоды аскетизма». Подобных диковинных происшествий было во множестве.

Он был очень воздержан в пище. Иной раз постился. Но если в такой день приходил гость, будь то первая, будь вторая половина дня, когда готовилось и приносилось блюдо, он садился есть вместе с гостем. Когда не постился, он был также воздержан в пище. В отношении еды он был очень неприхотлив, это качество передавалось и тому, кто удостоивался его благословенной беседы. В таком качестве он провёл семь лет, однако никто не подозревал, насколько аскетический образ жизни он вёл.

ПОВЕСТВУЮТ, что в благословенной беседе у нашего Ходжи — да будет свята его могила! — прозвучало изречение

³⁷ «Магриб» — четвертая молитва, исполняемая после захода солнца.

³⁸ «Кутб» — Полюс Времени, высочайшая ступень в иерархии святых суфизма. «Автад» — следующая по значимости ступень.

Султана Арифов³⁹: «Сколько бы ни прошёл идущий по этому Пути, его последний шаг попадёт на наш первый». В сердцах Ходжа воскликнул: «Да лишится милости Всевышнего тот, чей первый шаг не попадёт на последний шаг Баязида!» и добавил: «Мы начинаем там, где иные завершали».

ПО ПРЕДАНИЮ, у Хазрата Ходжи (к. с.) спросили: «По мнению многих шейхов, Султан Арифов унаследовал от Пророка (с. а. в.) Боговдохновенность, так ли это?» [Хазрат] ответил: «Он был предназначен для своего времени».

ПОВЕСТВУЮТ, что в начале «ахваля», в шубе, одетой наизнанку, Хазрат Ходжа проходил по базару Саррафон в Бухаре. Один дервиш, схватив его за ворот, спросил: «Во имя Всевышнего открой мне истину — как в столь недолгий срок ты достиг такой [превосходной] степени?» — «Собирая крохи» — ответил Ходжа.

ПОВЕСТВУЮТ, что в начале «ахваля» Хазрат Ходжа (к. с.) как-то направился в кишлак Ходжи Мубарака, дабы послужить Мавляне Бахауддину. Мавляна сказал ему: «Для птицы твоего полёта нужно, чтобы рядом был твой друг Ариф Ревгари!» Ходжа ответил: «Поскорей бы удостоиться его беседы», — и загорелся желанием беседы с Мавляной Арифом. Мавляна Ариф был в Ревгаране. Вместе с «барадарами»⁴⁰ Мавляной Амир Ашрафом, Мавляной Амир Хусайном, Амир Хурдом Вабканди и отцом — Ходжи Ахмадом Мисгаром они сеяли хлопок. Мавляна Бахауддин сказал Хазрату Ходжи: «Если хочешь увидеть Арифа, мы его призовём», — и, поднявшись на крышу, трижды произнёс: «Ариф». Среди дня, прервав работу, Мавляна Ариф сказал окружающим: «Ступайте по домам, меня призвал Мавляна Бахауддин».

³⁹ Почетный титул Баязида (Абу Язида) Бистами, буквально — Повелитель «познавших».

⁴⁰ «Барадар» — сподвижник, единомышленник, собрат.

ПЕРВЫЙ МАКСАД

В полдень, ещё до того, как котёл был снят с огня, он прибыл в кишлак — это была первая встреча Хазрата Ходжи с Мавляной Арифом.

ПОВЕСТВУЮТ, ЧТО когда Хазрат Ходжа (к. с.) как-то в кишлаке Ходжи Мубарака прислуживал достопочтенному Саиду Амиру Кулалу, ему в голову пришла мысль: «Есть ли кто-то, кого Хазрат Амир ценит выше меня?» Тут же один человек привёл барана. Ходжа подумал: «Хорошо бы сейчас, пока готовится барашек, здесь оказался Мавляна Ариф». Тотчас Амир приказал: «Эй, Бахауддин, вставай! Призови сюда Мавляну Арифа, пусть придёт».

Выйдя наружу и пройдя за угол дома, Ходжа трижды негромко произнёс: «О, Мавляна Ариф». Не успел он возвратиться на место и сесть, как во двор вошёл и поздоровался Мавляна Ариф. Он обратился к Ходже: «Эй, Бахауддин, разве Хазрат Амир велел тебе звать трижды? Достаточно было одного, зачем зовёшь три раза? Ты решил ославить меня на весь мир?»

Тогда Хазрат Амир Кулал обратился к Ходже: «О, Бахауддин, ты убедился, что у меня есть человек ближе тебя. Никогда впредь не предавайся себялюбию, ибо нет для человека ничего худшего, чем эгоизм».

*Рубаи: «Бардор зи пеш пардаи худбиний,
Бошад ки бадинсон, кит уни худбиний.
Иблис сазойи худ зи худбиний дид,
Ту низ макун, дигар кунни худбиний».*

*«С лица отбрось ты покрывало эгоизма,
Ведь себялюбие — удел последних из людей.
Знай, эгоизм принёс проклятия — позор Иблису,
Не опускайся же до участи Иблиса —
будь скромней».*

КАК ПОВЕДАЛ Мавляна Джалалуддин Халиди, он возвращался в Насаф, когда Хазрат Ходжа во второй раз направлялся в Хиджаз для совершения обряда паломничества — «хаджа». Когда Ходжа спросил: «Будете ли в Бухаре?» — он ответил: «Что там делать, если в Бухаре нет Ходжи Бахауддина?»

У Мавляны Халиди спросили: «Чей путь из последующих вы могли бы соотнести с духовным путём Ходжи Бахауддина?» Мавляна ответил: «Спросите лучше о предшественниках. Вот уже более двухсот лет таких проявлений и высот духа, как у Ходжи Бахауддина, не наблюдалось ни у одного из шейхов «Тариката» (суфийского ордена)».

ПОВЕСТВУЮТ, что когда Хазрат Ходжа (к. с.) беседовал в начале своих духовных состояний с Саидом Амир Кулалом (к. с.), у его приближённых возникла ревность, так как Хазрат Амир благоволил Ходже Бахауддину. Они в присутствии Хазрата Амир Кулала порочили его, всячески подчёркивая его недостатки. Хазрат Амир в собрании ничего им не отвечал.

Однажды собралось множество собратьев по тарикуту — «ёронов». Причиной большого сбора было восстановление здания общины. Хазрат Амир поручил кому-то носить воду, кому-то месить глину, кому-то носить кирпичи. В этом собрании Хазрат Амир обратился к «ёронам»: «Вы порочили моё дитя Бахауддина, некоторые из вас находили изъяны в его действиях. Вы ещё его не узнали! Он близок к милости Всевышнего. Взор праведников — это взор Всевышнего. Взгляните на носильщиков кирпича — кто-то несёт по четыре, кто-то по шесть. Посмотрите на моё чадо Бахауддина: набрав двенадцать кирпичей, достающих до самой его головы, он с лёгкостью и радостью воодушевлённо несёт их. Во всех его делах, где бы он ни был, ему сопутству-

ПЕРВЫЙ МАКСАД

ет благочестие; чем больше его благочестие — тем больше благосклонность к нему Всевышнего. Взгляды подданных подвластны взору Всевышнего. Не по моей воле взор мой чаще всего обращается к нему!»

Произнеся это, Хазрат Амир позвал к себе Ходжи Бахауддина и объявил при обществе: «Дитя моё, Бахауддин, я сполна выполнил волю Хазрата Ходжи Мухаммада Баба Саммаси — да будут святы его тайны! Он завещал мне воспитать тебя так, как воспитывал меня. Я выполнил всё в точности!» Приложив руку к груди, Амир сказал: «Птица вашей духовности вылупилась из яйца человечности. Птица вашего благородства достигла высокого нравственного полёта. Нынче я отпускаю вас и вы вольны избрать наставником того тюркского или таджикского шейха, чей благородный дух достигнет вашего дыхания. Не допустите же изъяна в вашем благородном устремлении!»

Амир Кулал говорил: «Среди моих собратьев нет похожих на этих двоих — Ходжи Бахауддина и Мавляну Арифа Деггарани. Они превзошли всех».

С этого дня, вдохновлённый Саидом Амир Кулалом, Хазрат Ходжа с новым рвением продолжил духовный путь, следующими словами описав своё состояние:

*«Эй, ошики шуридаву авбош талаб,
Ин ваёда, ки карда аст, ту хар жош талаб.
Дар гам агараш наёби, дар шодди жуй,
Саргардоний гузин хар жош талаб».*

*«О, трепетный влюблённый, жаждешь встречи ты,
Свиданья обещанием воодушевлённый, гредишь ты,
Предел не зная горести, и радости не зная края,
Одним желанием томим,
Одной лишь встречи жаждешь ты».*

В таком духе наш Ходжа семь лет оказывал почтительную службу Мавляне Арифу Деггарани (к. с.). Он выполнял эту службу с полным самоотречением и аскетизмом. Хазрат Ходжа обитал в Деггаране и его окрестностях. Продолжительное время вместе с Мавляной Арифом они трудились на строительстве селения Рабат Малик. Множество удивительных событий, тягот и лишений пережили они. Он продолжал почтительно служить Мавляне Арифу. В течение этих семи лет, даже выполняя омовение на берегу арыка, он никогда не омывался выше по течению, чем Мавляна. Находясь в дороге, он никогда не ставил стопу поверх следов его ног.

ПОВЕСТВУЮТ, что однажды в Деггаране Мавляна Ариф беседовал с братьями. В этой беседе — «сухбате» — участвовали несколько друзей нашего Хазрата Ходжи. У многих из них появилась мысль: «Как было бы славно, если бы в нашем "сухбате" участвовал Хазрат Ходжа, мы бы удостоились чести увидеть его». Тотчас же, подняв голову, Мавляна Ариф сказал: «Мы призовём Ходжи Бахауддина», «ёроны» [братья] обрадовались.

В это время Хазрат Ходжа был в Бухаре. Здесь же [в Деггаране] в «тандыре» (печь для приготовления хлеба) готовилось несколько рыббин, и, прежде чем открыли крышку «тандыра», вошёл Хазрат Ходжа. На нём была надета голубая рубаха, за спиной вязанка дров из сухой «джигды». Войдя, он поздоровался, Мавляна, ответив на приветствие, сказал: «Добро пожаловать, Бахауддин!»

ПОВЕСТВУЮТ, что вдохновленный Саидом Амир Кулалом (к. с.), после Мавляны Арифа (к. с.), наш Хазрат Ходжа (к. с.) направился к продолжателю тариката Ходжи Ахмада Йасави (к. с.) — тюркскому шейху Кусаму.

При первой встрече Шейх Кусам ел дыню, кожуру он бросил на пол перед Ходжи. Воодушевившись, Хазрат Ход-

жа счёл за благо съесть кожуру, и это обстоятельство повторилось трижды. В присутствии вошёл Шейх Хадим, который сказал, что пропали три верблюда и четыре коня. Указав на Хазрата Ходжи, Шейх Кусам на тюркском языке сказал: «Держите его крепче!» Четверо «муридов» (последователей Шейха) яростно набросились на Ходжи. Коленопреклонённый Хазрат Ходжа погрузился в медитацию. После вечерней молитвы явился Хадим Шейх и заявил: «Верблюды и кони возвратились сами». Два-три месяца Ходжа почтительно и безропотно служил Кусам Шейху (к. с.). Наконец, посетив Ходжи, Кусам Шейх воскликнул: «У меня девять сыновей, ты — десятый и первый среди них!»

Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — говорил: «Каждый, кто не имеет представления о качествах тюркских шейхов, должен полностью отказаться от упований понять их Путь!»

Кусам Шейх на протяжении многих лет приезжал из Нахшабского района в Бухару. Хазрат Ходжа оказывал ему великие почести. Кусам Шейх говорил: «Таких достоинств и такой величайшей устремлённости я не встречал ни у одного из учеников!»

Будучи чрезвычайно щедрым и очень простым человеком, Кусам Шейх в конце своей жизни сделал множество покупок в Тиме (торговом центре) близ мечети Саррафон. Он вошёл в одну лавочку. Призвав к себе сыновей и близких, бывших с ним в это время, он промолвил: «Близок мой уход, давайте вместе прочитаем «Калима-и таухид» [символ веры, гласящий «Нет Бога кроме Аллаха»]. Он читал, остальные вторили ему. В одно из мгновений он отдал душу Истинному (Творцу).

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сказал: «Сайдом Амир Кулалом (к. с.) было дано мне наставление: «Птица вашего благочестия достигла

высокого полёта, продолжайте движение на духовном пути исканий, это станет средством очарованности». Если бы тогда я не покорился Амиру, то сейчас был бы далёк от очарованности и близок к суетности».

ПОВЕСТВУЮТ, что в дни мусульманского праздника «гаит» множество людей со всей округи собралось к Саиду Амиру Кулалу. Чуть позади сидящего Хазрата Амира, возле «абриза» (сточной ямы для воды от омовений) сидел Хазрат Ходжа. Один из присутствующих, подняв голову, спросил Хазрата Амира: «Мы слышаны о качествах совершенных людей, однако, кроме ваших "ёрнов" (приближённых), читающих по понедельникам и пятницам "зикри алания" (памятование Всевышнего вслух), мы не видим других носителей качеств совершенного человека. Так есть ли хоть один совершенный человек?»

Амир Саид, подняв голову, отвечал: «Есть, они сидят с нами бок о бок, однако вы не из тех, кто видит их!» Затем, взяв из стоящей перед ним чаши шесть изюминок и назвав по имени нашего Ходжи, подозвал его к себе. Поднявшись из задних рядов, Ходжа подошёл и сел напротив его. Хазрат Амир, сняв с головы чалму, сложил её вчетверо. Подозвав четверых, он велел накрепко обмотать чалмой поясну Ходжи. Затем он велел Ходжа Бахауддину отправиться в кишлак Ходжа Мубарак, что в стороне Нахшаба, к Мавляне Арифу Деггарани: «Между мной и им есть знак — нужно его принести. День уйдет на дорогу, день пробудешь там, и ещё день уйдет на обратный путь, эти шесть изюмин — твоё дорожное пропитание».

Взяв эти изюмины, ближе к полудню Хазрат Ходжа вышел в путь из Сухара. Перед закатом солнца Ходжа достиг кишлака Мубарак. Хазрат Ходжа — да будет благоуханна его могила! — рассказывал: «С началом моего путешествия

я впал в странное состояние, и меня охватило великое чувство — я абсолютно не ощущал себя. Словно каждый мой шаг равнялся пяти газам, десяти газам (аршинам). Достигнув подворья Мавляны, я не успел раскрыть рта, как Мавляна сказал мне: «Вы посланы Хазратом Амиром, между нами есть один знак, Хазрат Амир спрашивает его. Сегодня и завтра будьте здесь, на третий день мы вас проводим».

На третий день Мавляна заявил: «Знак этот — священная шапка «кулах» Ходжи Али Рамитани (к. с.). Этот знак между нами. Хазрат Амир говорил: «Вы достойны, чтобы хранить "кулах"». Я говорил ему: «Предпочтительнее хранить вам». Такие речи между нами повторялись несколько раз. Наконец, Хазрат Амир сказал: «Пусть "кулах" будет у вас, придёт время — мы востребуем его». Теперь это время наступило, и он востребовал».

На третий день «кулах» вручили Хазрату Ходже. Он завернул «кулах» в упомянутую чалму и распроцался с Мавляной. Во время между двумя молитвами (перед закатом солнца) он достиг подворья Хазрата Амира в Сухаре, в руках у него были упомянутые шесть изюмин. Среди собравшихся людей находился и тот, кто задавал вопрос. Увидев происшедшее, он попросил прощения. Признав существование совершенных людей, он воскликнул: «Оказывается, изъян — в наших глазах!»

КАК ПЕРЕДАЮТ, Хазрат Саид Амир Кулал (к. с.) сказал Хазрату Ходже: «Воспитывая ученика, наставник хочет видеть плоды воспитания в ученике и хочет убедиться, что воспитание достигло цели. Если он видит изъян в ученике, то своим воспитанием исправляет этот изъян». Затем сказал: «Здесь сидит мой сын Амир Бурхануддин, им никто не занимался и не начинал его духовного воспитания. При мне займитесь его воспитанием, чтобы я увидел результаты и убедился в ваших качествах!»

Хазрат Ходжа занимался медитацией. Повернувшись к Хазрату Амиру, в силу воспитанности, он не дерзнул приступить к выполнению указания [в присутствии учителя]. Тогда Хазрат Амир заявил: «Молчание неуместно!» Исполняя указание, Хазрат Ходжа занялся «таваджухом» (обращением к сердцу) и «тасарруфом» (установлением скрытой духовной связи, преемственности) Амира Бурхануддина. Влияние «тасарруфа» не замедлило сказаться на внешности и сущности Амира Бурхануддина — на его лице отразилось великое состояние, его обуяла истинная (духовная) опьянённость.

КАК ПОВЕДАЛ Хазрат Ходжа Ала ул — хак — вад — Дин (Аляуддин Аттар) — да будет благоуханна его могила — путь Хазрата Ходжи был путем «факира» (неимущего, убогого). Он отказался от мирских соблазнов, умыл руки от всего суетного и отринул всё, кроме Аллаха. Его благородное дыхание было исполнено скромного воздержания и человеколюбия. Благодетельность его была чрезвычайно высока. Он говорил: «Всего, чего мы достигли, мы достигли благодаря этому».

ПОВЕСТВУЮТ, что когда Хазрата Амира Кулала (к. с.) постигла болезнь, ставшая последней, он велел всем «ёронам» (приближённым) сплотиться вокруг Хазрата Ходжи. «Ёроны» спросили Хазрата Амира Кулала: «Ведь он не подчинился вам и не выполнял «зикри джахр» (поминовения Всевышнего вслух)?» Амир Кулал отвечал: «Каждая практика Ходжи лучше всех других практик. Всё проявленное в нём происходит по Божественной милости, а не по его, Ходжи, воле. Как гласят слова мудрости «Ходжаган» (наставников тариката): «Бойся, если тебя выведут, если же выйдешь сам — не страшись!»

*Китъа: «Якист ишк, лекин хар сурате намояд,
Вин чашми ахвалонр ду чор меномояд.*

ПЕРВЫЙ МАКСАД

*Сиддик бо Мухаммад дар хафтум осмон аст,
Хар чанд у ба зохир дар гор меномояд».*

*«Любовь для всех одна, но разный принимает вид,
И каждый видит то, к чему он взор души стремится.
Святейшие, Сиддик с Пророком на небе седьмом,
Но видят многие воочию в пещере их притом».*

Вот этот аят:

فَأَتُوايَكْتَبُ مِنْ عِنْدِ اللَّهِ هُوَ أَهْدَىٰ مِنْهُمَا أَتَّبِعُهُ إِنْ كُنْتُمْ صَادِقِينَ
(سورة القصص) 41.

В нем есть указание для преданных соискателей и людей устремленных.

Пресветел Всевышний Аллах, Он гласит истину и ведет прямым путем!

Аллах Знающий!

⁴¹ «Если вы говорите правду, то принесите Писание от Аллаха, которое было бы более верным руководством, чем эти два Писания и я последую за ним»

Священный Коран, сура «Рассказ», аят № 49.

Второй
максимум

Максад, повествующий о духовном пути
Хазрата Ходжи Бахауддина — да будет свята его могила!
Качествах дервиша, его состояниях и этике,
а также об удивительных высказываниях, сошедших
с благословенных уст Хазрата в благородных собраниях.

КАК ПОВЕСТВУЕТ Аляуддин Аттар — да будет благоуханна его могила! — путь нашего Ходжи был путем «факира» (бедняка), отказа от мира, полного одиночества, отречения от суетности. Его священные слова были исполнены самоотречения и человеколюбия. Благодетельность его была безмерна. Плоды речей его сказывались на всех и становились общим достоянием. Поступки Хазрат Ходжа совершал в строгом соответствии Сунне Пророка (предписаниям Пророка (с. а. в.)). Хазрат подчеркивал, что необходимо есть честно заработанный кусок хлеба, стремиться к чистоте и избегать сомнительных вещей. В речах его часто звучал хадис: «Ибадат» (Богослужение) состоит из десяти частей, из них девять — стремление к чистоте, и лишь одна часть — моления». У всех его «ёронов» (продолжателей) это качество было проявлено, и налицо был результат его труда. Каждый из них наблюдал на себе результаты этой практики.

Пища нашего Ходжи состояла из плодов земледелия. Каждый год он сеял немного ячменя и маша (бобовое растение). И обрабатывал их. Он содержал волов. Учёные и вельможи, приходящие послушать его священные беседы, с благоговением ели его еду. В один из дней Ходжа Бахауддин сказал: «Из хадисов Пророка (с. а. в.) до нас дошло, что чистые жёны, да будет доволен ими Аллах, на своей половине варили до полной готовности ячменную муку и употребляли в таком виде. В нашем доме несколько дней ели пищу из недоваренной ячменной муки. Женщины и все дети захворали.

Подумалось и стало очевидно, что причина болезни и недомогания — то, что женщины пренебрегли предостережением Достопочтенного Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует! Требовалось не есть недоваренный ячмень, твёрдо придерживаться этого правила, признать собственную вину. После раскаяния все выздоровели».

Бейт: *«Хар ки пай бар пайи Расул ниход,
Аз хама рсхравон ба пас афтод».*

*«Пророка даже след ногой
попрать дерзнувший каждый
Заслужит участь оказаться ниже всех однажды».*

И у Хазрата Ходжи не было никакого богатства в доме. Он жил как бедняк. На полу его мечети зимой лежала подстилка из сена, а летом — старая циновка. Был ещё поломанный кувшин. У него не было работников. Когда спрашивали, почему не наймёт слуг, он отвечал: «Рабство и рабовладение — вещи несовместимые!» Эти два бейта приписывают ему:

*«На маро мафраш, на мафрашкеш,
На гуломони турку таркашкеш.
Хама шаб чун сагони кахдоний,
Сар ба дум оварам ба жисми хваш».*

*«Нет у меня ковра и нет прислуги,
Нет турка в рабстве и оруженосца нет.
Лежу в ночи я, как придётся, словно пёс
Стоная тихо, положивши голову на хвост».*

Он не предавался унынию и тоске, внутренний мир его всецело обратился в «зикр» (поминование и упование к Всевышнему). Эти два бейта также его:

ВТОРОЙ МАКСАД

*«Хечи мо не-ю, хечи мо кам не,
Аз пайи хеч-хечи мо гам не.
Жанда бар пушт, пушти гуристон,
Гар бимирем хеч мотам не».*

*«Никто мы и не нужно ничего нам,
Страданья о недостающем нипочём нам,
Лохмотья на плечах, нам дом — могила,
Коль рок достигнет нас — и траур ни к чему нам».*

Его добрый нрав и смиренность не имели границ. Как пример его высокой этики можно привести то, что, приходя в дом друга или дервиша, он интересовался самочувствием всех домочадцев и прислуги, умел найти дорогу к сердцу каждого. Изредка мелкими поручениями он располагал людей к себе, он всегда был удовлетворён и доволен друзьями, соседями и сподвижниками — дервишами. Эта его благосклонность помогала каждому человеку встать на путь истинный.

Если кто-то приносил ему подарок, памятуя Сунну (наставления) Благословенного Пророка, да благословит его Аллах и да приветствует! — он отвечал таким же подношением. Если к нему приходил кто-то из друзей либо гость, независимо от позднего времени, он приносил и ставил перед гостем немного изысканной еды. До тех пор, пока дорогой гость не доест блюдо, светильник освещал сильнее. Когда гость засыпал, если бывало холодно, он укрывал гостя своим единственным халатом. С большой заботой он ухаживал за верховым животным гостя. Он цитировал слова снискавшего милость и довольство Аллаха Пророка (с. а. в.): «Нужно заботиться и ухаживать за верховым животным друга, поскольку это животное стало средством для визита к тебе друга».

Преданный дервиш Шейх Шади задавал мулам корм и приносил еду гостям. Почтительно сложив руки, он сто-

ял, склонившись перед ними. Он готовил принадлежности для туалета гостям и говорил: «Ублажение гостей — выше жизни».

Хазрат Ходжа завещал дервишам и настаивал на твёрдом соблюдении правил приёма пищи. Как бы ни был широк круг застолья, если кто-то ел небрежно, Хазрат Ходжа с большим тактом делал ему замечание и не позволял невежественно есть еду. Если же еда была приготовлена в гневе, раздражении или без желания, то такую пищу он не ел. И он не разрешал есть эту пищу другим дервишам.

ПОВЕСТВУЮТ, в один из дней Хазрат Ходжа был в Гадьюте. Один дервиш приготовил блюдо. Он [Хазрат] сказал: «Нам негоже есть это блюдо, ибо оно приготовлено в гневе, кто-то в негодовании просеивал муку и месил тесто».

Если при готовке громко ударяли шумовкой о котёл, Хазрат не ел из этого котла, говоря: «Не будет блага и проку из любого дела, сделанного в гневе, без желания и с небрежением, в него [дело] вмешивается шайтан и "нафс" отрицания. А значит, чего хорошего можно ждать в результате? Здание хороших свершений и красивых дел складывается из чистой пищи "халяль". Если такая пища употребляется со знанием дела, то во всех начинаниях и, в частности, в молитве получишь хорошее последствие».

Если какой-то дервиш по его указанию отправлялся в путешествие, даже если он путешествовал год, по возвращении подробно расспрашивал обо всех происшествиях на каждом участке пути. Если дервиш не был из «познавших» и бдительных, Хазрат с великодушной снисходительностью давал объяснения происшедшему. В спорных делах он безжалостно подавлял свой «нафс». Если кто-то с вежливой учтивостью обращался к нему — он оплачивал ему добром; когда почтенный человек достаивал его визитом, Хазрат обязательно

ВТОРОЙ МАКСАД

посещал его дом с ответным визитом вежливости. Провожая гостя, он придерживал стремя, помогая сесть в седло.

وَإِذَا حُيِّتُمْ بِتَحِيَّةٍ فَحَيُّوا بِأَحْسَنَ مِنْهَا أَوْ رُدُّوهَا إِنَّ اللَّهَ كَانَ عَلَىٰ كُلِّ شَيْءٍ حَسِيبًا
(Сурата النساء)⁴²

КАК ПОВЕСТВУЕТ Ходжа Аляуддин Атгар (к. с.) — Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — одним своим благотворящим взором в кратчайший срок вводил дервишей в такое состояние «халь», что они полностью очищались от мирской суеты и низменных качеств души. Так же, как различают вкусные и невкусные блюда, он различал, в каком состоянии находится человек.

Рассказывают, что один дервиш трапезничал. Его спросили: «Какое это блюдо?» Дервиш ответил: «Блюдо таково, каково моё состояние». Ибо в состоянии печали — оно одно, в состоянии же радости — другое.

ПОВЕСТВУЮТ, что один бедняк посадил у дороги бахчу. Хазрату Ходжи выпало проходить в этой местности. Дехканин [селянин], отыскав на грядке дыню, с почтительным уважением поднёс ему. Этот жест доставил большое удовольствие Хазрату, и он проявил к нему свою благосклонность. Спустя некоторое время в одном собрании Хазрат Ходжа сказал так: «Ещё когда люди не узнавали нас, этот дервиш принял нас, преподнеся нам дыню с бахчи. Естественно, мы обязаны и явно, и тайно защищать его положение. Платить добром за добро считается почётным делом». Ещё он сказал: «Каждый раз, когда встречаются два мусуль-

⁴² «Когда приветствуют с приветливостью вас,
Ответьте им приветливостью большей.
Или такой же (по меньшей мере).
Господь, поистине, подсчет ведет всему!»

Священный Коран, сура «Женщины», аят № 86.

манина, если раньше поздороваешь один, то второй, пока он жив, в неоплатном долгу перед первым. Уважение к правам человека — один из обычаев "сулук (Пути)".

Поистине кроткий нрав этого мужа стал причиной роста беззаветной любви к нему многих, и любовь эта привела их на путь Преславного Творца [Аллаха].

ПОВЕСТВУЮТ, что один набожный и аскетичный юноша, постоянно постящийся, удостоился чести быть на беседе Хазрата. Внесли варёную рыбу. Хазрат Ходжа велел ему: «Ешь!» Тот отказался. Тогда Хазрат сказал: «Я посвятил тебе свой пост «рамазан» — ешь!» Тот не принял. Хазрат сказал: «Подобный же случай произошел в присутствии Хазрата Султана Арифов». И добавил: «Оставьте его, он — из тех, кто далёк от нас».

Поистине, так и случилось: в скором времени этот юноша увлекся преходящим миром и лишился счастья слушать священные беседы Хазрата Ходжи.

КАК ПОВЕСТВУЕТ Хазрат Ходжа Убайдуллах Ахрар (к. с.) в своем «Макамате»: «Когда я впервые направлялся из Бухары в Хири и Мерв, мне в попутчики попал человек по имени Ходжа Мусафир. Родом он был из одного хорезмского кишлака. Он долгое время оказывал услуги — «мулазамат» дервишам. Он был уже в пожилом возрасте, где-то около девяноста лет. Он сказал мне так: «Я много раз бывал в добровольном услужении — «мулазамат» у Ходжи Бахауддина. Он был ко мне очень благосклонен. Однажды, договорившись с сообществом, мы решили привести к нему музыкантов — исполнителей на свирели, бубне и нае, чтобы они помузицировали. Ну-ка, что на это он скажет. Мы с этим сообществом прибыли к услугам Ходжи. Ходжа сидел в собрании, однако не воспротивился. В конце он сказал: «Мы не делаем этого, но и не порицаем».

Ходжа Мусафир продолжал: «Хазрат Ходжа вел строительство. Все «ёроны» (сподвижники) принимали в этом участие. Когда солнце достигло зенита, зной очень усилился. Хазрат Ходжа велел «ёронам» отдохнуть часок. Все, помыв руки и ноги, расположились в тени и заснули. Ходжа Мухаммад Парса, весь измазанный глиной, заснул от усталости на краю глиномешальни на солнцепеке. Чуть погода пришёл Хазрат Ходжа и окинул взором всех «ёронов». Поравнявшись с Ходжи Мухаммадом Парса и увидев его в этом состоянии, он отёр свое благословенное лицо о его ноги и произнёс: «Господи, пошли во имя уважения к этим ногам свою милость Бахауддину!»

ПОВЕСТВУЮТ, что в один из дней Хазрату Ходжи принесли «халим»⁴³. Все ели «халим». В присутствии был один дервиш, он не ел блюдо. Ходжа спросил его: «Почему не ешь?» — «Я держу пост» — отвечал тот. — «Какой пост держишь?» — вопрошал Ходжа. Дервиш промолчал. Ходжа сказал: «Ешь, ибо мы проведены сквозь "Фазл" [Врата совершенства] и нам дано исполнять "фарз, важиб и суннат" (должное, желательное и необязательное, но практикуемое Пророком (с. а. в.))».

«Манн шагалал фарзу ганил фазли фахува магзурун. Ва ман шагалахул фазлу ганил фазли фахува магрурун»⁴⁴.

Затем сказал: «У людей, относящихся к нашим друзьям, не хватит терпения для выполнения практик и аскетического подвижничества, ниспосланных нам Всевышним. Ваше единственное дело — отказаться от воли. Стремитесь заслужить одобрения у обладателей «смирненных сердец». Каждый дервиш

⁴³ Особым образом приготовленная каша из очищенных зёрён пшеницы и мяса.

⁴⁴ «Прощается тому, кто, выполняя долг, не достигает совершенства; но обманывается тот, кто, стремясь к совершенству, забывает о долге».

должен стремиться заслужить благосклонность людей Божьих.

Считается, что к подобным высказываниям относятся слова о том, что для дервиша предпочтительнее служение шейхам, чем чтение дополнительных молитв. Как доносят хадисы, Благословенный Пророк — да благословит его Аллах и да приветствует! — находился в путешествии. Повелители правоверных Абу Бакр Сиддык и Умар Фарук — да будет доволен ими Аллах! — прислуживали Вождю. Они держали дополнительный пост. Пророк Мухаммад — да будет доволен им Аллах и да приветствует! — приказал: «Прервите пост, мы в пути — постящийся слабеет и становится неспособен к службе, принуждая других ухаживать за собой».

ОДИН МУДРЕЦ поведал, что в один из дней присутствовал при священной беседе Хазрата Ходжи (к.с.). Мудрец рассказывал: «Я постился, об этом никто не знал. Хазрат Ходжа велел одному дервишу: «Принеси трапезу». Затем, обратившись ко мне, произнес: «Биъсал абду хува музиллун». И прокомментировал этот хадис: «Хува музиллун» здесь означает отречение в делах от Истинного. На «макаме» [стоянке] «сайри ияллах» (созерцание Всевышнего) оно является отречением от Истинного».

Когда трапеза была готова, он изрёк: «Ешь еду, ибо сказано: "Жизнь нужна затем, чтобы сначала испытать, а затем руководствоваться опытом в действиях". Мы испытали, нужно есть». Хазрат намекал на моё состояние. Мол, ты предал себя пути Истинного [Аллаха], пост же этот — от противоречий и из воздуха, ты отрекаешься им от Истинного. — Ты же должен смириться перед нами, без смирения дервиш не достигнет нашей благосклонности».

ПОВЕСТВУЮТ, что один из дервишей Хазрата Ходжи однажды много говорил о вере и истинности Ислама и был весьма категоричен в этом. Прослышав об этом, Хазрат Ход-

ВТОРОЙ МАКСАД

жа сказал ему: «Откажись от такой подражательной веры, с этих пор на "сухбат" (беседу) дервишей дороги тебе нет!» Тот дервиш долго молил, прося смилостивиться, наконец, он достиг желаемого, и ему помогли переступить упомянутую черту; в восторге он восклицал: «Эх, если бы раньше Хазрат оказал мне благоволение, ведь, "Альхамдулиллах" [Хвала Аллаху], переведя через черту, он привел меня к счастью!»

ПОВЕСТВУЮТ, что в один из дней Хазрат Ходжа Аляуддин повстречался с одним из дервишей Бухары, претендующим на величие. Между ними возникли споры о потустороннем мире. Ходжа Аляуддин одержал победу в споре над дервишем. Это известие дошло до нашего Хазрата Ходжи, и он спросил у Ходжи Аляуддина: «Ты — "вали" (святой)?» Аляуддин по своему обыкновению отрицал это качество. Хазрат Ходжа ещё раз вопрошал: «Я спрашиваю тебя, ты — "вали"?» Ходжа Аляуддин молчал, выражая покорность и смирение. Хазрат Ходжа сказал: «Если ты — не "вали", отрекись от претензий на святость!» Ходжа Аляуддин безмолвствовал. Хазрат Ходжа продолжил: «Если хочешь моего "сухбата", ты должен отречься от претензий на святость!»

Ходжа Аляуддин говорил: «Снизойшло милосердие Творца и избавило меня от преград и завес. В этом состоянии и полноте я увидел и постиг вещи ещё более совершенные!»

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа (к. с.) ехал верхом по селению Куфин. Его сопровождало множество людей. Он был в странном состоянии, и из глаз его катились слёзы. Это состояние передалось всему сообществу, они тоже плакали. Через некоторое время Хазрат поднял голову и с болью произнес: «Из-за своей бесполезности, мерзости и никчемности я не достоин даже получения ответа на свое приветствие. Господь Истинный и Праведный посрамил меня, связав со мною людей. Никто не ведает моего состояния!»

Мисра: «Гар бидонандамбаронандам зи шахр».

«Коль знали б вы меня, изгнали бы из града».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа как-то сказал:
«Однажды один дервиш читал вот этот бейт:

*«Некувонро дуст дорад хар ки бошад дар жахон,
Гар бадонро дуст дори гуй бурдиаз миён».*

*«В стремлении друзей искать среди хороших —
В мире все едины,
Но коль из худших друга изберёшь —
Ты мячик цели извлечешь из самой середины».*

Мы извлекли урок из этих слов». Затем сказал: «Эй, дервиши, заучите эти слова!»

КАК ПОВЕСТВУЮТ, в одной из мечетей Насафского вилаята имамом (настоятелем) был Мавляна Дарвиш из кишлака Найистан. Он повздорил со своей женой Лайлахатун. В душу жены запала глубокая обида. Хазрат Ходжа отказал в своей благосклонности Мавляне Дарвишу. Посредничество «ёронов» (собратьев) так же не было принято. После этого Хазрат Ходжа направился в Насаф и, никуда не отвлекаясь, пришёл к дому этой женщины. Приложившись благословенным ликом к порогу дома женщины, он попросил прощения, говоря: «Этот грех совершил не он, этот грех совершил я». От его благородства женщина и все присутствующие обратились в приверженцев Тариката. После этого тот дервиш был прощён и стал одним из людей угодных.

ХАЗРАТ Ходжа Аляуддин — да будут благоуханны его тайны! — поведал следующее: «По милости Творца, под благотворным воздействием дыхания Хазрата Ходжи (к. с.), его ученики с первых же шагов постигали искусство самосо-

ВТОРОЙ МАКСАД

зерцания («муракаба»). Если это благосклонное внимание и воспитание продолжалось, они достигали степени «адам» (отсутствие). Если это наблюдение продолжалось далее — достигали макама «фана» (стоянки исчезновения, то есть полного отдаления от бренного мира). Полностью отрешившись от себя, растворялись в вечности Истинного. Здесь Ходжа благословлял: «Посредством достижения плодов этого успеха нужно полностью отрешиться от себя и достичь истинной Цели!»

ОДИН МУДРЕЦ рассказывает: «Во времена, когда исполнял богослужения в Бухаре, я жил в кишлаке Фаткобад. Как-то в конце дня повстречал одного из дервишей Хазрата Ходжи (к. с.). Он (дервиш) спросил: «Почему не спешишь на его "сухбат" (беседу)?» Я отвечал: «Уже время позднее». В душе же подумал: «Для его [Хазрата] сухбата нужен специальный "ихрам"⁴⁵. И потом ещё подумал: "Зачем своим приходом мутить их благословенное собрание?»

Во время «субх» (утренней молитвы) я удостоился чести повстречаться с Хазратом. Обратив своё лицо к друзьям, он сказал так: «Был у меня один мудрый друг, однажды я спросил его: «Что произошло, почему редко приходишь на наш "сухбат" (беседу)?» Он же отвечал: «Не хочу осквернять своим присутствием ваше благословенное общение». Я сказал ему: «Нет, это не так, приходи, почти нашу беседу». Я повлёк его в сторону моего дома. У меня был пёс — волкодав, я разговаривал с ним. Тут я сказал мудрецу: «Наш собеседник — вот это существо, уместны ли теперь мысли, посетившие вас?»

Бейт: «*Саг бех зи кассе бошад, ку пеши саг гуяш,
Жонро махалле бинад, дилро кадре донад*».

⁴⁵ Здесь подразумевается, что как для паломничества в Мекку — «хадж», нужно специально готовиться, так и для посещения Хазрата Ходжи нужна специальная подготовка.

*«Уж лучше пёс, тот, что тебе внимая,
Понимает не слова, но душу,
Чем человек, что слушает слова,
Но сердца не услышал».*

ПОВЕСТВУЮТ, что в год, когда из Кипчакской степи пришли в Бухару завоеватели — «лашкары», со всей округи люди укрылись за городскими стенами. Хазрат Ходжа в окружении группы дервишей сидели после общей молитвы в мечети. Внезапно вошли двое учеников из числа его почитателей. Хазрат Ходжа велел им: «Очистите крыши, которые люди из окрестностей превратили в отхожие места». Затем добавил: «Я вычищал отхожие места всех бухарских «медресе» (духовных учебных заведений) и выносил на носилках. Когда я рассказал об этом одному дервишу, он сказал: «Ты делаешь лёгкую работу, вынося нечистоты на носилках, я, вычистив все медресе, выносил на голове».

ПОВЕСТВУЮТ, что в начале «халя» (мистических состояний просветления) Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сидел на «сухбате» — беседе с Мавляной Абдулгазином, Мавляной Некишахом, Шейхом Мухаммадом Дархани и ещё с десятью — двенадцатью людьми. Ходжа поднялся с места и снял со своего благословенного тела одежду. Обернувшись вокруг бёдер повязку, он сказал: «Всё, чего я достиг, явным и внутренним, я жертвую вам». Сердца их растрогались, и они сказали: «Вы делаете это, будучи в состоянии «камаль» [совершенство], нам больше надлежало так поступить».

Каждый из них стал жертвовать, явно и скрыто, и у всех десятиртых до двенадцати дней продолжалось это пленительное состояние.

ПОВЕСТВУЮТ, что когда Хазрат Ходжа (к. с.) возвращался из первого путешествия в Хиджаз (паломничества в Мек-

ВТОРОЙ МАКСАД

ку и Медину), он некоторое время находился в Мерве и позволил друзьям посещать себя. В Мерве образовалось большое собрание. Жители Хорасана не выдвигали такого «сухбата» (общения).

В одном из таких собраний Хазрат Ходжа — да будет благоуханна его могила! — сказал: «Пусть каждый произнесёт по строфе стиха «гурм»⁴⁶. Ходжа начал первым и прочитал «гурм». Таким же образом «гурм» прочитали от пятнадцати до двадцати человек. Очередь дошла до Ходжи Аляуддина и Махмуда Ходжи. Махмуд Ходжа весь покрылся потом. Встав с места, попросил разрешения прочитать «Фатиху»⁴⁷, получив дозволение, прочитал "Фатиху". Ходжа Аляуддин также, дрожа от страха, прочитал одну строфу. Наконец очередь дошла и до Шейха Рашида. Он прочитал вот этот бейт:

*«Дорогу каждый выбирает
В направлении своём.
Твой путь как глиняный сосуд,
Драконов сотня притаилась в нём».*

ПОВЕСТВУЮТ, что в один из дней наш Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — пришёл к дукану (лавке) Шейха Рашида. Хозяин дукана был на месте. Хазрат сказал: «Встань на ноги и с подобающим видом спроси меня: «Вот уже несколько дней не можем вас найти, где же вы были?» Шейх Рашид спросил, как было велено. Хазрат отвечал: «Пришёл гонец от Мавляны Арифа, он сказал: "Если сидите — встаньте, если стоите — направьтесь к нам"». Затем продолжил рассказ о происшедшем событии: «Мы отправились в путь и, достигнув цели путешествия, обнаружили его [Арифа] в болезненном состоянии. Мавляна Ариф обратился

⁴⁶ Здесь имеется в виду восхваляющий стих.

⁴⁷ «Фатиха» — сура «Открывающая Писание», первая глава Священного Корана.

к окружающим: «У меня есть с Ходжи секретный разговор, либо мы вдвоём перейдём в другую комнату, либо вы перейдёте туда». Присутствующие отвечали: «Вы больны, у вас нет сил, мы перейдём в другую комнату».

Наедине Мавляна сказал мне: «Между вами и мной существует полное согласие, нас связывало одно пристрастие, теперь же время на исходе. Я внимательно присмотрелся к своим и вашим «ёронам» (единомышленникам). Наибольшую приверженность Пути и качество отсутствия [отказа от собственного «эго»], по сравнению с другими, я увидел в Ходже Мухаммаде Парса. Я принёс ему в жертву все найденные мной на этом Пути истины и постигнутые смыслы. Я велел «ёронам» подчиняться ему. Вы также не допустите в его отношении изъянов, ибо он — из ваших «ёронов».

После этого Мавляна Ариф сказал: «Мне осталось жить не более двух или трёх дней, вымойте своими руками котлы, преклонив колени, разожгите огонь; разогрев воду, используйте её для моей подготовки⁴⁸, через три дня возвращайтесь к себе домой!» Сейчас я возвращаюсь оттуда».

Как рассказывал Ходжа Мухаммад Парса (к. с.), наш Хазрат Ходжа (к. с.) сполна воплотил в жизнь завет Мавляны Арифа (к. с.).

КАК ПОВЕСТВУЮТ, в начале проявлений «халя» [мистического состояния просветления] Ходжи Аляуддина, наш Хазрат Ходжа подолгу и часто держал его при себе. Когда «ёроны» спросили об этом, Хазрат ответил: «Я сажаю его при себе, чтобы он не стал добычей волка. Волк его "нафса" (низменных страстей) всегда в засаде. Каждый миг я справляюсь о его самочувствии, дабы знать о его состоянии!»

ПОВЕСТВУЮТ, что в начале «халя» (просветлённого состояния) Хазрат Ходжа (к. с.) однажды остановился в Гадь-

⁴⁸ Имеется в виду омовение перед смертью.

ВТОРОЙ МАКСАД

юте в доме Шейха Шады. Шейх Шады уселся возле него для медитации — «муракаба». Хазрат Ходжа, подняв голову, сказал: «Шады, ты хочешь соперничать со мной? Сейчас твоё время встать и служить, однако служить самоотверженно и беззаветно».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа (к. с.) собрался из Бухары в окрестности Куфина. Скончалась мать почитателя Хазрата Мавляны Кази Султана. Ходжа направлялся для исполнения заупокойной молитвы, когда вблизи Кызыл-Рабата показалась в отдалении группа людей. Хазрат Ходжа сказал: «У этого общества есть к нам дело».

Общество сгрудилось вокруг коня Хазрата Ходжи и обратилось к Ходже: «Здесь есть один старец из тюркских шейхов, его возраст достиг ста двадцати лет. Мы, здесь собравшиеся, все имеем к нему отношение. Одни — дети его, другие — внуки, третьи — зятья. Долгое время мы в томительном ожидании; он [старец] и не может умереть, и не поправляется. Мы не можем со спокойной душой вернуться по своим домам. Мы услышали, что Хазрат Ходжа направился в эту сторону, и, в надежде на возможность разрешить наше затруднительное положение, вышли к дороге».

Хазрат Ходжа направился в сторону их кишлака. Добравшись, он вошёл внутрь дома. Вокруг одра, где лежал больной, сидела группа женщин, когда вошёл Ходжа, старшая из дочерей старца села рядом с отцом и подперла его спину. Вытянув руки из-под одеяла, старец нащупал Ходжи и произнёс: «Добро пожаловать!» Ходжа также ответил ему. Тогда старец произнёс на тюркском языке: «Говорите!» Ходжа, присев на корточки, также заговорил на тюркском языке: «Тот мир — лучше этого». Затем он начал повествовать о превосходстве и вечности мира иного, о бренности и суетности нашего мира земного. Речи Ходжи об этом были горячи и задушевные. Слушая эти слова, старец плакал, и его близ-

кие плакали тоже. Друзья Ходжи тоже принялись рыдать. В какое-то время старец поднял голову и сказал по-тюркски: «Ходжа дал мне поддержку, теперь я отправляюсь в мир иной». Затем попросил: «Будете возвращаться — прочитайте над моей могилой заупокойную молитву».

Поднявшись с места, Ходжа пустился в путь, сказав: «Старец остался в полной уверенности, что на обратном пути мы посетим его могилу». Возвращаясь, вблизи Кызыл-Рабата, осведомился о старце, — ему сказали: «Он покинул сей мир на другой день [после отъезда Хазрата]».

По прибытии в Кызыл-Рабат дервиш Шейх Юсуф попросил Ходжи: «Прогуляйтесь по инжировому саду, отдохните, пока будет готовиться пища». Хазрат, приняв его просьбу и немного отдохнув, занялся приготовлением к приёму пищи. Прочитав полуденную молитву, испросил дозволения удалиться. Шейх Юсуф сказал: «Переночуйте здесь, а по утренней прохладе можете отправляться». Ходжа принял приглашение и остался в этом месте. В это время в сопровождении нескольких человек зашел уважаемый в этих местах чиновник. Ходжа не обратил на него никакого внимания. Упомянутый человек рассердился и стал говорить грубые слова. Ходжа по-прежнему не удостоил его своим вниманием.

Шейх Юсуф внёс «дастархан» (скатерть) и, увещевая этого человека, сказал: «Непосредственное общение Ходжи с Аллахом препятствует ему общаться с людьми, ты же производишь это в недостаток!» Поразившись, чиновник извинился за свои высокомерные и несправедливые слова и вышел вон. В скором времени он почил в бозе [умер].

ПОВЕСТВУЮТ, что один мальчик возвращался из школы, в руках у него был Коран. Мальчик поздоровался с Хазратом Ходжи. Тот, ответив на приветствие, взял из рук мальчика Коран и, раскрыв его наугад, прочитал аят:

وَكَلِّمُهُمْ بِأَسِطٍ ذِرَاعِيهِ بِالْوَصِيدِ⁴⁹

Тогда Ходжа произнёс: «Тщя себя надеждой, что это — обо мне».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа (к. с.), второй раз возвращаясь из «Байтуллаха»⁵⁰, да приумножит Аллах славу его, достиг «Оплота ислама» — Багдада. Здесь большая группа «улемов» [богословов] и граждан, возглавляемая Шейхом Нуриддином Абдурахманом, расположилась в ряд — напротив Хазрата Ходжи. Друзья же Хазрата Ходжи заняли место рядом с ним. Они увидели безучастность (отстраненность) Хазрата Ходжи. Немного погодя, Хазрат Ходжа поднял благословенную голову и, обратившись к друзьям, сказал: «Сейчас во мне проявилось "гайбат" (отсутствие), явился Хазрат Ходжа Мухаммад Саммаси (к. с.) и обратился ко мне: «В этом собрании тебе будут заданы сложные вопросы, касающиеся хадисов (преданий о Пророке) и высказываний Великих шейхов — да благословит Аллах их души! Один из вопросов такой: «Ма раъайту шайъан илла ва раъайтуллаха фийхи баъдаху. Ма раъайту шайъан илла ва раъайтуллаха баъдаху. Ма раъайту шайъан илла ва раъайтуллаха каблаху»⁵¹. В чём разница между этими несколькими словами?» Общество было потрясено явленным чудом. Хазрат Ходжа предоставил отвечать на вопрос Шейху Нуриддину Абдурахману, тот в свою очередь — Хазрату Ходжи. Это повторилось несколько раз. Никто не посмел вмешаться в этот разговор. Между

⁴⁹ «А их собака обе лапы протянула на порог».

Священный Коран, сура «Пещера», аят № 18.

⁵⁰ «Байтуллах» — буквально «Дом Аллаха», так мусульмане называют храм Каабы в Мекке.

⁵¹ «На что ни смотрю — вижу в том Аллаха, на что ни смотрю — вижу в конце его Аллаха, на что ни смотрю — вижу в начале его Аллаха» (из молитвы Хазрата Али (р. а.).

тем, здесь присутствовали Ханафийские и Шафиитские улемы (богословы), известные своим умением давать исчерпывающие ответы на любые вопросы. Здесь же было много просвещённых мужей. Наконец Хазрат Ходжа поднял голову и произнёс: «Противоречия в словах основаны на противоречии состояния». Пафос этих слов захватил людей собрания, вызвав единодушное одобрение. Таким образом, другие вопросы отпали сами собой.

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрат Ходжа поехал в Насаф. Шейх же Шамсуддин Кулал находился в Насафе. Шейх Хосров и Амир Некишах направились пешком к Хазрату Ходжи. Достигнув Насафа, сначала они посетили Шейха Шамсуддина. В это время в должности «визиря» [министра] был Ихтиёруддин, Шейх Хосров приходился ему племянником. Шейх Хосров, восхваляя их, сказал: «Амир Некишах — наследник правителя Карманы, зять судьи и друг Ходжи Бахауддина». В это время Шейх Шамсуддин стал жаловаться на Хазрата Ходжи, говоря: «Мы вместе побывали в Хиджазе, в Ираке я приобрел качество «муракаба» — медитации, обучил и воспитал его этому качеству, теперь же я занялся государственными делами. Связавшись с принцем Абдуллой и другими, поменял сферу деятельности. Хазрат Ходжа не почитает меня и не проявляет ко мне дружеского расположения. Несмотря на мои прежние заслуги, он без моего соизволения явился в Джуббу, являющуюся моей вотчиной, и начал тут свою деятельность».

После этой жалобы он поведал: «Шейх Абу Саид Абулхаир (к. с.) решил посетить Тус близ Мешхеда, при въезде в город его мул остановился и отказался идти далее. Шейх сообразил, что в этом городе есть святой по имени Али Бобу. Он послал человека испросить дозволения войти в город. Святой дервиш отвечал: «Дозволяется отдохнуть, для миссио-

ВТОРОЙ МАКСАД

нерской же деятельности ("тасарруф") дозволения нет». Тут мул Шейха продолжил путь и вошёл в город, однако Шейх не стал проповедовать. При выезде из города его взгляд упал на корзинку. В корзинке лежали птичьи яйца. Под воздействием одного его взгляда из яиц вылупились птенцы. Весть об этом достигла Али Бобу...».

После этих разговоров Шейх Хосров и Амир Некишах направились к Хазрату Ходже, однако того не оказалось дома. Они передали жалобу и рассказ Ходжи Юсуфу. Ходжа Юсуф отвечал: «Наш упрямый осёл вошёл в город, он шёл, и никто не мог его остановить. Кто может остановить нашего осла? Если бы при мне завели такие разговоры, я дал бы хороший ответ!» В это время вошёл Хазрат Ходжа. «О чём беседуете?» — спросил он. Ему передали жалобу Шейха Шамсуддина. Тогда Ходжа ответил: «Если вмешательство приводит к конфликту, необходимо отказаться от него, только тогда можно вернуться к прежним отношениям...».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — вместе с группой дервишей прибыл в Тавабис. Там восседали Шейх Мухаммад Дарди и другие. В «сухбате» (беседе) принимали участие имамы, в их числе был Мавляна Зияуддин Деггарани. Шейх Мухаммад поднялся с места и сказал: «В этих местах появился один шейх по имени Ходжа Шубани. Он имеет отношение к Шейху Мухтару Хорезми. Группа людей, в их числе Шейх Аляуддин — сын Шейха Шахауддина Турка и другие, присягнули ему. В какой бы дом ни вошли — они делают «зикри джахр» (громкое вспоминание Всевышнего). Их голоса достигают нашего слуха. Тут проявилась «бидъат» — ересь, невиданная в здешних краях. Будет ли дозволение искоренить эту ересь?» Несмотря на солидарность с этим мнением, Мавляна Зияуддин сидел молча. Тогда Хазрат Ходжа сказал ему: «Появился один дервиш,

он произносит вспоминание Всевышнего, наполняя кувшины запретной водой, поливает ею улицы, до тебя дошли голоса этой группы, ты же не в состоянии изменить их неуютной работы. Вероятно, цель его громкого «зикра» — поминовения и истинна. Что означает твоё побуждение? Нужно быть терпимым! Если на то, чем заняты эти чтецы зикра, будет соизволение Всевышнего, то их движение будет усиливаться и расширяться. Если же на то не будет соизволения Истинного Творца, их сообщество не получит опоры, вскоре распадётся и от них не останется и следа». Вскоре Шейх Ходжи Андгуй и его сотоварищи ушли в другие края, где он умер, и его группа распалась.

ПОВЕСТВУЮТ, что жил парень по имени Мавляна Мухаммад. Он приходился племянником старцу Мавляне Юсуфу Манори — одному из друзей Хазрата Ходжи. Мавляна Мухаммад вёл чистый и праведный образ жизни, чем заслужил внимание и благосклонность Хазрата Ходжи. Однажды он пришёл с просьбой к Хазрату Ходжа и рассказал об обуявших его страстях — «нафсе» и испросил поручения — «риязат». Хазрат Ходжа велел ему: «Ешь больше халвы и приступай к этому немедленно, несколько дней сиди напротив лавки кондитера, готовь и продавай шербеты, первый и второй день исполняй «риязат» на третий день — испытаешь полное очищение и ощутишь блаженство».

Приступив к этому делу, Мавляна Мухаммад поистине испытал очищение. В этом собрании присутствовал портной по имени Ходжи, он также решил применить эту практику. Исполнил всё, однако никакого очищения не произошло. В один из дней, придя к Хазрату Ходжи, он спросил тайком: «Если наставник даст поручение последователю, а другой ученик последует той же практике, достигнет ли он каких-либо результатов?» Хазрат Ходжа громко ответил: «Он был продвину-

ВТОРОЙ МАКСАД

тым учеником ("талиби илм") и выполнял свой «риязат», твой же "риязат" состоит в воздержании от совершения грехов!»

ПОВЕСТВУЮТ, что по прибытии нашего Ходжи в Герат, Малик⁵² Хусейн решил устроить пир, собрав на него всех улемов и шейхов. Собрав всех, он встал во главе стола: «Такое гостеприимство досталось мне в наследство от отца, угощайтесь, если что-то будет — я сам отвечу в Судный день», — заявил он. Приглашённые гости занялись яствами. Хазрат Ходжа (к. с.) же не ел. Шейхуль Ислам Мавляна Кутбuddin был духовным лидером Герата. Он спросил: «Почему вы не едите?» Ходжа отвечал: «У меня есть Господин, на моё обращение он показал мне два пути, то есть, если спросят, почему не ел, — ответишь, что это был стол правителя. Если же станешь есть, и спросят, почему ел, — что ты будешь отвечать?»

Мавляна Кутбuddin изменился в лице и рассказал об этом Малику Хусейну. Малик Хусейн спросил: «Куда же тогда денем эти блюда?» Хазрат ответил: «В шариае есть указание — если возникли сомнения, нужно раздать всё поданным». Присутствующие в собрании были восхищены таким благородным побуждением.

ПОВЕСТВУЮТ, что когда Хазрат Ходжа (к. с.) был в Сарахсе, гонцы Малика Хусейна доставили из Герата его запрос: «У нас есть потребность беседы с дервишами, какой путь укажете?» Несмотря на отсутствие желания встречаться с Маликом, Хазрат Ходжа направился в Герат, дабы приезд правителя в Сарахсу не обременял здешних жителей. У правителя Малика собралось множество улемов и шейхов. Внесли еду и поставили перед Хазратом Ходжи. Хазрат не ел. Внесли дичь и сказали: «Это мясо — дозволенное». Но и тогда Ходжа не стал есть, заявив: «Нам не пристало есть с дастархана правителя». Все замолчали.

⁵² Малик — принц, правитель.

Затем Малик Хусейн спросил: «Дервишество досталось вам в наследство или же появилось у вас?» Ходжа отвечал: «Я удостоился этого счастья благодаря указанию "джазба — тун мин джазбатил хакки тавази амамис — сакалайн"⁵³». Ещё Малик спросил: «Есть ли в вашем Тарикате "джахр" — громкое воспоминание, "хилват" — отшельничество, "самаг" — воспоминание в форме напева, стихов?» Ходжа отвечал: «Нет». Ещё Малик спросил: «В чём основа вашего тариката?» Ходжа отвечал: «Хилват дар анжуман» (уединение в обществе), «сафар дар ватан» (путешествие по родине) и, будучи с людьми, душой быть с Истинным, как гласит Господь Истины в Священном Коране:

رجالٌ لا تُلهمهم تجارةً ولا بيعاً عن ذكرِ الله
(سورة النور)⁵⁴

— соответствовать этому состоянию».

Позже Малик спросил: «Некоторые шейхи говорят: "Аль вилаяту афзалу минан нубуввати"⁵⁵, что это за святость, стоящая превыше пророчества?» Ходжа молвил: «Святость Пророка превыше, чем его пророчество».

Затем Хазрат Ходжа направился в «ханаку» (обитель) Абдуллы Ансари (к. с.). Вечером Малик прислал различные подарки от щедрот своих. Ходжа не принял. «Вот уже несколько лет после внушения, сделанного мне Всемогущим, никому не удавалось сделать меня обязанным. Передайте Малику, пусть не тщит себя надеждой сделать это», — заявил он.

⁵³ «Притягательная сила "джазба", идущая от Аллаха, равна приверженности роду человеческому».

⁵⁴ «Люди, которых ни торги и ни продажа
Не отвлекли от поминания Аллаха».

Священный Коран, сура «Свет», аят № 37.

⁵⁵ «Святость превыше Пророчества».

ВТОРОЙ МАКСАД

Спустя некоторое время придворные принесли от супруги правителя рубаху, ночную одежду и платок. Жена правителя передала, что всё это она сшила своими руками. Ходжа не принял и этих даров.

Со дня приезда в Герат и до его отъезда Хазрат Ходжа носил шерстяную рубаху, чалму и старенькие галоши. Его скромный облик приумножил доверие и любовь к нему Малика и всего населения Герата».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Саид Касым Анвар рассказывал: «В Боварде я беседовал с Хазратом Ходжи (к.с.). Я спросил: «Вы из людей состояния — "халь", или из людей продвинутых — находящихся на "макаме"?» Отвечал: «Из людей состояния — «халь». Я выразил восхищение тем, что он не назвал себя человеком «макама». Затем Хазрат добавил: «Человек, посетивший чужие края, должен держаться на таком уровне, который бы не был ниже его истинного уровня. Если же люди оценят его выше этого, даже если он не достиг такого уровня — это означает, что в нём прогрессирует (духовный уровень). Если же люди оценят его ниже должного уровня, он не должен терять своего истинного уровня!»

КАК ПОВЕСТВУЮТ, один просвещённый человек, проявив в беседе бестактность, спросил: «Куда ведёт ваша "силсила" — духовная цепь?» Хазрат Ходжа отвечал: «Человек по "силсила", не попадёт ни в какое место». Хазрат Ходжа иногда излагал «силсилу» предшественников — шейхов так, словно бы читал раскрытую книгу.

ОДИН из учёных дервишей поведал: «Из их благословенных уст однажды прозвучало, что привязанность к кому-либо, помимо Аллаха, для идущих по этому Пути сплошная завеса — «хиджаб».

Мисра: «*Тааллук хижоб аст бехосили*».

Привязанность — бесплодная завеса суть».

У факира [дервиша] мелькнула мысль: «А как же с нашей привязанностью к Вере и Исламу?» Хазрат Ходжа задал мне вопрос, возникший в моих мыслях. Я взмолился, прося разъяснений. Хазрат сказал: «Слышал ли ты о Хусейне ибн Мансуре Халладже, он говорил:

*«Кафарту бидини иллохи вал куфру вожибун,
Алайя ва индал муслимина кабихун».*

*«Религию Аллаха отрицаю я,
путь святотатства выбираю я,
Поскольку много подлой мерзости
к Нему увидел в мусульманах я».*

Затем сказал: «Святые такого ранга так возвеличивают веру: «Аль иману акдул калби янфи ма таваджхатил кулубу илайхи минал музаррива манафии сибаху аzza ва жалл»⁵⁶. И прочитал о чистом, без всякой скверны сердце эти два бейта:

*«Влюблённый тот, кто не муслим,
Кто на пути Любви ни ереси, ни веры не имеет,
Любя — ни тела, ни ума, ни сердца,
Кто существо своё самое не имеет».*

СВЯЩЕННЫЕ СЛОВА ИЗРЕЧЕННЫЕ ХАЗРАТОМ:

ГОВОРИЛИ: «У вас не хватит выдержки исполнить наши практики и «риязаты» (духовные подвижнические труды), выполненные нами по благословию Аллаха. От

⁵⁶ «Иман (вера) — это очищение от всего приносящего пользу либо вред, кроме исключительно Единого Аллаха».

ВТОРОЙ МАКСАД

вас требуется смирить гордыню, оберегать своё сердце от строптивости».

ГОВОРИЛИ: «Идущему по этому Пути необходимы «ниёз» (мольба, прошение), «масканат» (нижайшая скромность) и высокое благородство — эти качества позволяют войти во Врата. Всё, чего мы достигли, достигли этим».

Бейт: *«Инжо рухи зарду жомаи жанда харанд,
Бозор чи касабфурушони дигар аст».*

*«Здесь лика желтизна и рубище в цене,
Хоть ценности иные предлагал базар тебе и мне».*

ГОВОРИЛИ: «По словам великих предшественников братства — салик (идущий по этому Пути), не считающий свой «нафс» (низменную сторону души) во сто крат хуже Фараонова «нафса», не является человеком этого Пути».

ГОВОРИЛИ: «Не с людьми Истины, но с самим Господом Истины⁵⁷ быть рядом должны».

ГОВОРИЛИ: «По словам Великих Предшественников, живая кошка лучше мёртвого льва».

ГОВОРИЛИ: «Каждый человек благочестия должен противостоять своему «нафсу» и, не считая это малостью, благодарить за благочестие».

ГОВОРИЛИ: «Иза арадда макамал абдали фа алайка табдилул ахвали», что означает — бороться с «нафсом» для изменения нравственности и негодной природы через милостивую поддержку истинного «муршида» (наставника), опирающегося на Великого Аллаха.

Бейт: *«Абдол он, ки мубаддал шавад,
Хамраш ва табдили Яздон халл шавад».*

⁵⁷ Истина — одно из Прекрасных Имён Аллаха Величественного и Всевышнего.

*«Тот станет свят, кто свой изменит в корне нрав
По милости Всевышнего всё скверное в себе поправ».*

ГОВОРИЛИ: «Сайд Амир Кулал (к. с.) часто повторял: «хузур» (присутствие) и "гайбат" (отсутствие) вылупляются из яиц человечности и становятся птицей духовности ученика через воспитание обладателя богатств духовных. После этого, кроме Всевышнего Творца, никто не знает, куда полетит эта птица».

قَدْ عَلِمَ كُلُّ أُنَاسٍ مَّشْرِيقًا
(سورة البقرة)⁵⁸

Мисра: *«Касро вукуф нест, ки моро чи холат аст».*

«Неведомо никому, в каком мы состоянии».

«Каждый одарён способностями, согласно его природе, предназначению».

Маснави: *«Зон зи пайи нур, ки парвардаанд,
Бар ту зиёда назаре кардаанд».*

*«Ради этого сиянья ты возвращён,
особым вниманием к себе ты наделён».*

ГОВОРИЛИ: «По мнению шейхов Тариката, «Ма-назилул вусли ла юктаъу абадул абад фил умрил касирад дунъявий»⁵⁹.

ГОВОРИЛИ: «Мусульманство — это, по возможности, подчинение указаниям, соблюдение благочестия и воздер-

⁵⁸ «И каждое колено знало место, где им пить».

Священный Коран, сура «Корова», аят № 60.

⁵⁹ «В этом грубом мире вовеки веков не пройти всех мест, соединиться можно где с Возлюбленным».

ВТОРОЙ МАКСАД

жания, стремление к выполнению духовных практик и средство, избегая праздности, достижения чистого света («нури сафа»), стремление к достижению уровня святости. Достижение степеней и «макамов» (стоянок) великих святых достигается посредством этих качеств».

ГОВОРИЛИ: «Человек должен ненавидеть свой «нафс». Это будет сделать легко, если, по милости Всевышнего, он осознает его [«нафса»] зло, его коварства и ухищрения. Идущие по этому Пути причину грехов других людей во многом видят в себе самих».

*Бейт: «Стократно хуже худших я, тысячекратно,
Никто не знает сколь нутро моё отвратно,
Всего известного плохого хуже скрытый нрав дурной,
Аллах лишь ведаёт о том,
— Он знает всё, Господь Великий мой!»*

ГОВОРИЛИ: «Благая весть:

يَا أَيُّهَا الَّذِينَ آمَنُوا ءَامِنُوا بِاللَّهِ وَرَسُولِهِ وَالْكِتَابِ (سورة النساء)⁶⁰

— есть указание на то, что каждый миг, отвергая заземлённую бытийность, необходимо прославлять Истинного Творца».

ГОВОРИЛИ: «На наш взгляд, отречение от тварности («вужуд») — самый короткий путь, однако этого не достичь без волевых усилий, отказа от излишних практик».

ГОВОРИЛИ: «Хазрата Азизона (Ходжи Али Рамитани), да будет с ним милость и благословение Аллаха, спросили: «Что есть вера?». Он отвечал: «Отречение и постижение».

ГОВОРИЛИ:

⁶⁰ «О! те, которые уверовали! Веруйте в Аллаха, Его Посланника и Писание».

Священный Коран, сура «Женщины», аят № 136.

وَأَمَّا بِنِعْمَةِ رَبِّكَ فَحَدِّثْ
(سورة الضحى)⁶¹

— есть повеление пропустить через своё сердце наставления, благосклонность и милосердие Вседержителя».

ГОВОРИЛИ: «Благодать святости — это великая благодать, «вали» (святой) должен хорошо осознать эту благодать и пребывать благодарным за неё Милостивому, святой человек должен быть бдителен, дабы не остаться с собой наедине и остерегаться мирских соблазнов. Нет надежды на приобретённую чудотворность, а значит нужно неуклонно придерживаться стойкости в повседневной жизни. Об этом сказаны слова: «Кун талибул-истикамати, ла талибул карамати, фа инна раббака ятлубу минкал-истикамата ва нафсука татлубу минкал карамата»⁶². Когда вали (святой) входит в сад, каждый листочек возглашает «йа валиуллах» (О, святой от Бога). Ни явно, ни тайно он не должен внимать звучащим словословиям, дабы стойкость его приумножалась. Поучительная мудрость — «хикмат» для святого здесь — отрицание своего человеческого существования».

ГОВОРИЛИ: «Это племя суфиев делится на три части: «мукаллид» (подражатель, соискатель), «камиль» (совершенный) и «мукаммаль» (безупречный, завершённый до абсолюта). «Мукаллид» (подражатель) следует услышанному. «Камиль» не может выйти из своей сущности, «камиль» без наставничества «мукаммаля» не может стать мукаммалем».

ГОВОРИЛИ: «Воля, подчинение и безволие — это великое дело. Наш выбор — это слова Имама Кушайри «Ал ирадату таркул ирадати фил ирадати», означающие, что «му-

⁶¹ «И возвещай всему и вся о мудрости Аллаха!»

Священный Коран, сура «Утро», аят № 11.

⁶² «Не возжелай чудес, но возжелай стойкости, ибо Всевышнему нужна стойкость твоя, тогда как "нафсу" — чудеса». (Абу Али аль-Джузджани).

ВТОРОЙ МАКСАД

рид» (ученик), отбросив собственную волю, должен полностью подчиниться воле своего «муктада» (пира)».

Бейт: *«Мо ихтиёри хеш аз даст додаем,
Кон ихтиёри дуст хама ихтиёри мост».*

*«Мы добровольно свою волю отдаём,
Желанье ж друга — мы своим желаньем назовём».*

ГОВОРИЛИ: «Мы выбираем: если захотим — влияем на ученика посредством «джазба», если захотим — оказываем влияние через «сулук» (узду). «Муршид» (пир) — это опытный целитель, оказывающий соответствующее лечение «халя» «мурида» (ученика). Как приводится в достоверном хадисе, Истинный и Пресветлый Вседержитель через свою цельную мудрость обращается со своими твореньями, одного — держит в бедности и тяготах, другого — содержит в богатстве и на вершине власти».

ГОВОРИЛИ: «Ученик вначале некоторое время должен находиться в собеседовании наших друзей, пока у него не возникнет готовность к нашему «сухбату» (беседе)».

Следующий бейт также звучал с их благословенных уст.

Бейт: *«Набини, вакти суфтан марди хаккок,
Ба шогирдон дихад дури хатарнок».*

*«Ужель не видишь ты: блеск совершенства —
плод шлифовки,
Жемчужина ж простая — плод сноровки ученика».*

ГОВОРИЛИ: «Наш путь — не громкий «зикр» (воспоминовение Всевышнего) и не танец, наш путь — это одиночество в кругу людей — «хилват дар анжуман», странствие по родине — «сафар дар ватан». Слава — в уединении, а в славе

[обычной] — погибель. Счастье — в обществе, а общество жиждится на дружбе с тем условием, что вы [суфни] будете «фани» [исчезающими в состоянии экстатического транса от видения Аллаха] среди вас. Если последователи этого Пути будут между собой в «сухбате» (беседе), в той беседе будет много благолепия — «хайру барака». Есть упование, что постоянная практика этого действия завершится утверждением истинной Веры».

ГОВОРИЛИ: «Сухбат» (беседа) — непреложное к исполнению действие».

ГОВОРИЛИ: «Когда я занялся «зикри хуфия» [воспоминанием Всевышнего про себя, скрытно, в сердце] появилось осознание тайны — «сирр». Во мне появилось стремление познать суть «сирра». Вместе с Мавляной Арифом мы тридцать лет были в поисках и изысканиях в этом направлении. Дважды мы побывали в Хиджазском путешествии [совершили паломничество — «хадж»]. Побывали в дальних захолустьях. Есть ли такой человек, сидящий колено в колено, в то же время обзирающий в полёте небеса; внутренне находящийся там, внешне же — присутствующий тут!»

ГОВОРИЛИ: «Одно из редкостных качеств нашего пути — в «урватул-вуска» (истинной приверженности вере), то есть в прикосновении рукой почтительности к краю одежды Мухаммада Мустафа (с. а. в.) и в следовании по стопам великих последователей, да будет доволен ими Всевышний Аллах. На этом пути нас ввели в Ворота преимущества. Мы от начала и до конца утверждаем нашу практику, её преимущество. Даже небольшая практика на этом пути наполняет сердце мурита Божественным светом — «файзу футух», ибо следование Сунне есть великое дело».

Бейт: *«Будь другом ты в душе, а внешне —
оставайся безразличным,*

*Пути такого красота —
большая редкость в мире хаотичном».*

ГОВОРИЛИ: «Кто отвергает этот Путь, в религии того есть изъян».

СПРАШИВАЛИ: «Как можно обрести ваш Путь?»

СКАЗАЛИ: «Твёрдым следованием Шарияту и всецелым следованием Сунне Пророка (с.а.в)».

ГОВОРИЛИ: «Некоторые из участвующих в нашем «сухбате» — беседе таковы, что в их душе есть семена любви, однако из-за сорняков они не могут прорасти, нам же необходимо очистить их. Некоторые же таковы — в их душах нет семян любви, нам же должно заронить их».

ГОВОРИЛИ: «Если у кого в душе есть к нам склонность, будь он хоть далеко, хоть вблизи, ночью и днём через его отношение мы наблюдаем его, из родника нашей благосклонности и покровительства его постигнет благодать. Если этот человек осведомлен о своем «хале» — состоянии, он сохранит путь благодати в чистоте от всего мешающего ему».

ГОВОРИЛИ: «Чтобы не возникла завеса [препятствие], соискатель, идущий по этому Пути, не должен знать, на каком он «макаме» — стоянке. «Ман разийа би макамихи хужиба ан амамихи»⁶³.

ГОВОРИЛИ: «Муршид (наставник) должен быть осведомлён о трёх состояниях ученика — прошлом, настоящем и будущем, только тогда он может воспитать его».

ГОВОРИЛИ: «Муршид (наставник) должен каждодневно знать «халь» — состояние ученика, проницательностью или расспросами контролировать его состояние».

ГОВОРИЛИ: «Одно из необходимых условий для

⁶³ «У того, кто удовлетворен своим макамом, возникнет преграда перед следующим».

практики ученика таково, что он должен, будучи в постоянном общении с одним из друзей Всевышнего, постоянно контролировать своё состояние. Пусть он [соискатель] сравнит своё состояние во время «сухбата» (общения) со своим прежним состоянием: если ощутит в себе перемену к лучшему, то присутствие в общении с этим достопочтенным он должен сделать для себя обязательным для исполнения предписанием — «фарз айн».

ГОВОРИЛИ: «Как передают, Хазрат Азизон [Ходжа Али Рамитани] (к. с.) говорил,

*Бейт: «В беседе путь к сердцам найти стремись,
Хорошему — будь другом, дурного — сторонись,
Когда дурных бесед ты не спешишь покинуть вон,
Ты не заслужишь благосклонность
досточтимых "Азизон"».*

А также Хазрат Ходжа читал:

*«Три признака у Святости,
коль этого не знал ты, признак первый:
Коль лик его узришь — из сердца сгинет скверна,
Второй же: если речь он заведёт —
То за собою поведёт дорогой праведной народ,
И третий признак Святости,
что в целом мире чтим
Всего дурного сторонясь, он зла не делает другим».*

ГОВОРИЛИ: «К людям этого рода⁶⁴, совершившим проступок, есть соответствующее воздаяние, однако не подобает отворачиваться от них».

⁶⁴ Здесь имеются в виду соискатели, вставшие на путь духовного совершенствования.

ВТОРОЙ МАКСАД

ГОВОРИЛИ: «В присутствии «аулии» — святого — человеку очень трудно скрыть своё состояние. Будучи обладателем святости, «аулия» — властелин состояний людей. Если он (святой) не дозволит, никто не узнает о его качествах и его состоянии — «халь». Если в душе или из уст о нём прозвучит дурное слово, в этом будет большой изъян, ибо это подобно тайному пламени, сжигающему сердце:

وَأُولَٰئِكَ رِجَالٌ مُّؤْمِنُونَ وَنِسَاءٌ مُّؤْمِنَاتٌ لَّيَّمْنَ
تَعْلَمُوهُنَّ أَنْ تَطَّوُّوهُنَّ فَتُصَيِّبَنَّكُمْ مِنْهُنَّ مَعْرَةٌ بَٰعِيَةٌ بِعِلْمٍ
(سورة الفتح)⁶⁵.

Этот аят — указание к сказанному выше.

ГОВОРИЛИ: «Ищущие этого Пути должны придерживаться следующей практики: «Аттарикату куллуха адабун, бикулли халин адабун, ва бикулли макамин адабун, фа ман ла-замал адаба балага мубаллагир рижал»⁶⁶. Исполнять «адаб» (свод правил обхождения) — это сделать красивым поведение, гармонизировать речь и нрав. И говорят: «адаб» служения лучше великого счастья, его признак — принятие практик, подверженность же страстям есть испорченность «адаба». Сохранение «адаба» — результат любви, также и дерево любви, также и семя любви».

ГОВОРИЛИ: «Если немного отступить от "адаба" приличествующего, что бы ни делал — будет казаться непристойным».

⁶⁵ «И если б не было среди них
Благочестивых женщин и мужчин,
Которых вы совсем не знали.
И по незнанию могли бы погубить.
И из-за них бы впасть в грех».

Священный Коран, сура «Победа», аят № 25.

⁶⁶ «Путь тариката состоит из "адаба" (приличествующего), у каждого "хали" и каждого "макама" есть "адаб", — кто придерживается «адаба», тот достигнет зрелости среди зрелых». (Абдулла ибн Мубарак).

ГОВОРИЛИ: «Есть приличествующее — «адаб», которое уместно по отношению к Пресветлому Творцу, есть «адаб» уместный по отношению к Пророку — да благословит его Аллах и приветствует! ещё есть «адаб», уместный по отношению к шейхам. «Адаб» по отношению к Пресветлому Всевышнему в том, что соискатель внешне и внутренне — всем своим существом исполняет Его волю и отказывается от всего постороннего. «Адаб» по отношению к Пророку (с. а. в.) в том, что приводит соискателя на стоянку «фаттабиъуни» (повинуйтесь мне) и, в любой ситуации, сполна хранит правила уважения к нему и по воле Истинного и Пресветлого Вседержителя все сложности бытия разрешает, возложив голову на порог уважения к нему. «Адаб» по отношению к шейху (пиру) требуется потому, что они [шейхи] сполна соблюдая, практикуя Сунну, достигли Истинного и Пресветлого Бога».

ГОВОРИЛИ: «Бывает период у святых — «аулия», когда в их беседе неприличествующее самое есть приличное, бывает период, когда его приличие — сама неприличность».

ГОВОРИЛИ: «Фана» (отрешённость) бывает двух видов: отрешённость — от злого и тварного существа, другая же [отрешённость] — от светозарного и духовного существа. Ведь Пророк (с. а. в.) в хадисе говорит: «Инналлаха тагаля сабъийна алфа хижабун мин нурин ва зулматин»⁶⁷.

ГОВОРИЛИ: «Святые — «аулия» — люди чуда и наперсники Господа Величия. Они знают и исправляют все недостатки и погрешности, проявляющиеся у учеников. Однако ситуации разнятся. При ниспослании на них благодати Творца, в их глазах соломинка кажется горой».

*Бейт: «Пеши жуши лутфи бехади ту шох,
Тавба кардан аз гунох омад гунох».*

⁶⁷ «Свет и гнев Всевышнего за 70000 завесами».

ВТОРОЙ МАКСАД

*«Когда Властитель милости тебе ниспосылает,
Раскаянью в грехах не время,
ибо грех то порождает».*

В хадисах, произведениях сподвижников Пророка — да пребудет мир и благословение Аллаха с ними — и в словах шейхов приводится: «Таркуз занби занбун»⁶⁸. На ступени [испытываемого ими] милосердия, на их взгляд, соринка — это гора. Они видят в ученике каждую частицу и каждую каплю и истинно показывают им это положение и не оставляют этого неизменным».

*Бейт: «Агар бини, ки нобинову чох аст,
Агар хомуш бинишини гунох аст».*

*«Коль видишь,
что к обрыву приближается незрячий,
Предостережь его ты должен, будет грех иначе».*

Один мудрый человек спросил у Хазрата Ходжи: «Милость и гнев — эти два качества Всевышнего и Пресветлого Бога и они у Него в превосходной степени. Откуда появилась эта разница, если каждый удостоившийся качества Милости — принят, а каждый подвергшийся качеству Гнева — отвержен?» Хазрат Ходжа ответил: «Есть два содержания [понятия] подвергнуться гневу: первое то, что истинный гнев в нём проявляется и происходит, его признак: "Ла йудфаъу вал йуъаризу шайъун мин жумлатил ибади аслан". Нет сомнения, это — совершенное качество. Другое же, если истинный гнев проявится по отношению к нему и станет явным, это — качество изъяна».

У ХАЗРАТА ХОДЖИ спросили: «Какая разница

⁶⁸ «Отрицание греха — есть грех».

Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанда между «бала»⁶⁹ и «балва»⁷⁰? Сказал: «Бала» — это отсутствие явного, «балва» — отсутствие скрытого».

ГОВОРИЛИ: «С людьми Аллаха (святыми) могут жить только люди, полностью отрeksiвшиеся от себя». В одном месте прочитал вот этот бейт:

*«Йа макун бо филбонон дустий,
Йа бино кун хонае дар хурди фил».*

*«Ты дружбы не води с погонщиком слонов,
А коль завёл — под рост слоновий дом готовь».*

ГОВОРИЛИ: «Люди «иршада»⁷¹ (пиры) подобны ловцам: они с осторожностью берут дикое животное и доводят ученика от качества дикости до «макама» (стоянки) человечности. Этот разряд (люди «иршада»), применяя такое красивое средство как мудрость, так обходятся с подвластным страстям соискателем, что в итоге подчиняют его и, ведя его путём почитания Сунны [учения Пророка], доводят его до «макама висал» — стоянки соединения [с Богом]. Пророки и «аулия» (святые) — люди такого образа действия и обладатели мудрости».

ГОВОРИЛИ: «Люди такого рода [святые] строят общение с человеком в соответствии с его уровнем способностей. Если ученик из начинающих, то несут его ношу наравне с ним и делают его службу, ибо сказано: «Эй, Давид, если увидишь человека, следующего Мне, выполняй службу его»⁷². До тех пор, пока у ученика не появится способность осознания этого Пути, его нужно многому научить и многое ему объяснить».

⁶⁹ «Бала» — беда, напасть.

⁷⁰ «Балва» — шум, гвалт, бунт.

⁷¹ «Иршад» — документ, удостоверяющий право наставлять на Путь суфийского благочестия.

⁷² Имам аль-Байхаки «Шуаб ал-иман», хадис № 9295.

ВТОРОЙ МАКСАД

Бейт: *«То ту набини жамол ишк нагирад камол,
Мешинави васфи ёр рост бибояд шинид».*

*«Пока красы прелестной не узришь,
В любви своей ты не достигнешь совершенства,
Коль песнь любимой слышишь — ей внимай ты так,
Сполна чтоб ощутить её блаженство».*

ГОВОРИЛИ: «Все дела соискателя должны строиться на приближённости (доверии), дабы результат проявился через приближённость (доверие)». «Магрифати тафсили» (совершенное знание), будучи последней ступенью цели соискателей и учеников, достигается посредством упомянутого качества. «Хусни акида» (красивая вера, убежденность) в истину людей Аллаха (аулия) не возникнет без приближённости (доверия), убеждение же может меняться под влиянием самого незначительного повода».

У НАШЕГО ХАЗРАТА ХОДЖИ спросили: «Какова цель «сайру сулук» — следования по пути?»

Он ответил: «В том, чтобы краткое знание — «магрифати ижмали» — обратить в совершенное знание — «магрифати тафсили», то есть полученное от доверенного краткое известие познать на пути совершенства (полноты) и через степень документального свидетельствования достичь степени обретения и явности».

ГОВОРИЛИ: «Если захочу, пятьдесят раз подведя мой «нафс» [низменную сторону души] к кромке воды, опять возвращу его не утолившим жажды».

ГОВОРИЛИ: «Обучение «талкин зикру» (воспоминанию Творца) равносильно тому, чтобы дать кому-то в руки кремень — огниво. Исторжение огня с его помощью на практике зависит от ученика».

ГОВОРИЛИ: «Талкин зикру» (правилам воспоминования) нужно учиться у безупречного, совершенного пира. Дабы

проявилось влияние и появился результат. Стрелу нужно брать из колчана султана, чтобы стоило её отстаивать. Мы получили «талкин зикр» от святейшего шейха Ходжи Мухаммада Баба Саммаси — да сделает Аллах святыми его тайны».

ГОВОРИЛИ: «От Хазрата Азизон⁷³ передают два вида зикра. Один — «джахр» (громкий) и один — «хуфия» (скрытый). «Зикр хуфия» сильнее и предпочтительнее, поэтому мы выбрали его».

ГОВОРИЛИ: «Вукуфи адади» (нечётное число воспоминаний) — первая ступень «илми ладунни»⁷⁴.

Мудрец, прежде чем обучить соискателя⁷⁵ «вукуфу адади», рассказал о своей Силсиле⁷⁶ и довёл её до Хазрата Ходжи Юсуфа Хамадани (к. с.). Он сказал: «Однажды Ходжа Бузург, то есть Ходжа Абдулхалик Гудждувани, да будут святы его тайны и да удостоимся мы его благодати, читал своему учителю «тафсир»⁷⁷. Тут он дошел до аята:

ادْعُوا رَبَّكُمْ تَضَرُّعًا وَخُفْيَةً إِنَّهُ لَا يُحِبُّ الْمُعْتَدِينَ
(سورة الأعراف)

— Хазрат Ходжа Гудждувани спросил учителя Мавляну Имама Садриддина: «Какого рода и какую скрытность (тай-

⁷³ Хазрат Азизон — Хазрат Ходжа Али Рамитани.

⁷⁴ «Илми ладунни» — знание, нисходящее от Бога. Если Бог ниспосылает знание от Себя, человек может без помощи учителя достичь степени «вали» (святой) или «алим» (ученый).

⁷⁵ Здесь речь идёт о Хазрате Абдулхалике Гудждувани.

⁷⁶ Силсила — цепочка шейхов — предшественников, возглавлявших суфийский орден.

⁷⁷ «Тафсир» — комментарий, толкование (Священного Корана).

⁷⁸ «Взывайте к вашему Владыке со смирением и втайне, — Аллах не любит тех, кто преступает (Пределы, установленные Им)».

Священный Коран, сура «Преграды», аят № 55.

ВТОРОЙ МАКСАД

ну) повелевает Господь Истины? Если произносящий зикр будет вспоминать Аллаха вслух или во время зикра пошевелит одним из членов, другие узнают об этом и тайна раскроется. Если будет произносить в сердце, то, согласно указанию хадиса «аш — шайтану йажри фи ибни Адама мажрад дамми»⁷⁹, шайтан будет осведомлён (о тайной просьбе)». Учитель ответил: «Это "илми ладуни" — Божественное Знание, и подтверждение тому — вот этот священный аят из Корана:

وَعَلَّمْتَهُ مِنْ لَدُنَّا عِلْمًا (سورة الكهف ٥٦)⁸⁰

Если Всевышний и Пресветлый Господь пожелает, то ниспослёт тебе одного из святых, и тот обучит тебя». Хазрат Ходжа Абдулхалик Гудждувани все время ожидал такой благосклонности.

Бейт: *«Мунтазир бош, гуш бар дар дор,
Кав назарро дар интизор гумор».*

*«Будь бдителен, пусть будет слух всегда остёр
И ожиданьем встречи пусть исполнен будет взор».*

Наконец, пришел Имам миров, божественно Мудрый, Шейх шейхов Ходжа Юсуф Хамадани — да будет свята его могила! — и обучил его "вукуфу адади" (нечётному числу вспоминовений)».

ГОВОРИЛИ: «Постоянный диалог со святыми («аулия») — это средство, углубляющее понятие о потустороннем мире. У Хазрата Азизон, да будет с ним милость и довольство Аллаха, спросили о зикре «алония»⁸¹. Ответили:

⁷⁹ «Шайтан (нечистый) течёт вместе с кровью в детях Адама». Хадис Пророка Мухаммада (с. а. в.).

⁸⁰ «И обучили из того, что Нам известно».

Священный Коран, сура «Пещера», аят № 65.

⁸¹ «Зикри-алония» — громкий зикр, вспоминовение Всевышнего вслух.

«По словам ученых "улемов", при последнем дыхании необходимо громко читать и делать "талкин"⁸², для дервиша же каждое дыхание — это последнее дыхание».

ГОВОРИЛИ: «Ля илаха»⁸³ — слова, отрицающие бога природы, «илл Аллах»⁸⁴ же — свидетельство истинности Предвечного Бога. Цель «зикра» — осознание истинности «калимай тавхид», не обязательно много произносить «зикр».

ОДИН МУДРЕЦ спросил Хазрата Ишана: «В чем истина «калимай тавхид?»». Сказал: "Цель произнесения «калима-и тавхид» — полностью устранить из сердца всё, кроме Аллаха [Нет бога, кроме Аллаха]».

ГОВОРИЛИ: ««Вукуфи замани» (осознание времени) — это такая вещь для идущего по этому Пути, когда ученик должен всегда знать о своём состоянии, каковы его «халь» и качества, будь то благодатные времена, будь то затруднительные времена. Даже если не делать вдоха, нужно полировать не ручку, сторону или заднюю часть, но лицевую сторону зеркала (то есть сердца). Вам дано в руки кресало, нужно только действовать, дабы получился результат. Здесь цель не в том, чтобы многократно произносить «зикр», за одно дыхание нужно произнести трижды. Если счёт перевалит за 21 [раз], а результат не проявится, необходимо начать дело сначала. Одно из условий — задержка дыхания. Начинают «ля илаха иллАллах» справа, доводят до сердца и выводят слева. Без сильного прилежания это не получится. Надлежит практиковаться перед «субх»⁸⁵, после «магриба»⁸⁶, в уединении и в отдалении от людей.

⁸² «Талкин» — чтение «Калима-и тавхид» (свидетельствование единства Аллаха).

⁸³ «Ля илаха» — нет Бога.

⁸⁴ «ИллАллах» — кроме Аллаха.

⁸⁵ «Субх» — утренняя молитва.

⁸⁶ «Магриб» — четвёртая молитва, выполняемая после заката.

Бейт: *«Сад хазарон катраи хун аз дил чакид,
То нишони катраи зон ёфтам».*

*«Сто тысяч капель крови сердце исторгло,
Пока единственную каплю цели отыскать смогло».*

ГОВОРИЛИ: «Вукуфи калби» (осознание сердца) необходимо для ощущения у себя «джазба» — Божественного влечения — и для того, чтобы это влияние нашло место в сердце. Следование счёту в «зикре» — для концентрации внимания, ибо взгляд рассеян. Другое толкование этому то, что во время отрицания («нафи») забывается сущность тварного, во время же свидетельствования широко ощущается влияние всевластия Божественного влечения».

ГОВОРИЛИ: «Не позволяйте попусту исходить дыханию и остерегайтесь этого. «Ман заййаъа вактаху фавактуху мактун»⁸⁷. И должны стремиться осмыслить его, ибо сказано: «алвакту ла та лахазу ила ма кусима лака фил азали вала ила ма тасиру илайхил адаб ва тахфаз мурадал хакки байнан нафасайни»⁸⁸. Говорят, каждого, кто в нужное время занят исполнением своего долга, называют «сахибул ваqt» («повелитель времени»). Изъян и ущерб над этим временем не властны, однако новые ученики этого не ведают, они попадают в различные ситуации. Эти считают жизнью только вышеупомянутые ситуации. Однако, для достигших и выдержанных, то есть сумевших преодолеть себя, это время становится постоянным и вечным. Такой повелитель времени выходит из подчинённости времени, но напротив — подчиняет его себе, то есть тратит каждый миг на самое

⁸⁷ «Кто транжирит время, довольно, это время — враг ему».

⁸⁸ «Время таково — оно не считается с тем, что выделено изначально и не бережёт то, что приносит Вечность; между двух дыханий береги желание Всевышнего».

важное и предпочтительное дело. Его называют «абул вакт салик» («Соискатель, ставший отцом времени»). «Ибнул вакт» («Сын времени») — это такой соискатель, у которого «халь» проявляется как наваждение и опустошительное разорение и своим подчинением отдаляет от состояния, подчиняя своей власти».

ГОВОРИЛИ: «Как говорилось выше, его (соискателя) экстаз и качество находятся между величием «Джалал» и красотой «Джамал»⁸⁹.

ГОВОРИЛИ: «Приступая к изгнанию дьявольских и низменных помыслов, некоторые соискатели могут упредить их и избежать. Некоторые при появлении дурных помыслов не дают ему укорениться и изгоняют прочь. Но это не даёт достаточной пользы. Если же соискатели определяют его исходный источник и причину притока — это будет не лишено пользы».

ГОВОРИЛИ: «Очень трудно определить период перехода от одного качества к другому».

ГОВОРИЛИ: «Путь, который могут найти мудрые и не могут отыскать другие, делится на три части — «муракаба» (размышление), «мушахада» (созерцание) и «мухасиба» (контролирование своего состояния).

«Муракаба» — это «нисёну руъятал маълука бидавомин назари илал колики»⁹⁰. Или, говоря «давомун назари илал колики бинисёни руъятал махлуки»⁹¹, идущий по этому пути должен постоянно находиться в лицезнении прелести Всевышнего. На челе всего тварного нужно провести черту забвения, отсутствия и небытия. Длительное самосозерцание — редкостное состояние. Мы нашли в этом прок — это сопротивление «нафсу» (низменной стороне души).

⁸⁹ То есть не достигает ни того, ни другого.

⁹⁰ «В постоянном размышлении о Создателе, забвение людей».

⁹¹ «Забывая смотреть на людей, всегда смотреть на Создателя».

ВТОРОЙ МАКСАД

«Мушахада» — это получение тайных (неведомых простым людям) состояний. Время преходяще, оно не может остановиться, и мы не в состоянии осмыслить этот «варидат»⁹² (привходящее состояние). Мы можем ощутить это через состояния нашего существа — «кабз» (сжатие) и «баст» (радость, расширение). В состоянии «кабза» мы созерцаем качество величия — «Джалал», в состоянии «баст» созерцаем качество красоты — «Джамал».

«Мухасиба» — это контроль и анализ каждого нашего прожитого часа. Прошёл ли каждый наш час с пользой либо с ущербом? Если все часы прошли с дефектом, возвращаемся и начинаем практику с самого начала. От Хазрати Азизон — да будет с ним милость и согласие Аллаха — передают: нужно применять практику, размышлять о не сделанных своевременно деяниях, осознать себя виновным и начать практику сначала.

Путь состоит из этих трёх составных; человек, ищущий другой путь, исключаящий эти три составные, не найдёт его».

*Бейт: «Мумкин набувад хусули максуд,
Бебадракаи инояти ёр».*

*«Цель, что желанна так, не будет достижимой
Без благодатной помощи, идущей от любимой».*

ГОВОРИЛИ: «После достижения соискателем зрелости (совершенства) между сердцем и языком не остаётся различия, то есть внешнее занятие не препятствует внутренней устремлённости, явное занятие не может быть завесой тайной практике. Тогда ему [соискателю] дозволяется призывать людей к Истинному и Пресветлому Богу. Зрелость соискателя

⁹² «Варидат» — полное видение людьми Духовного Пути всей полноты состояний Потустороннего (скрытого) мира.

проявляется в том, что им овладевает состояние «фана» — отсутствия, отрешённости, и он достигает стоянки экстаза — «сайр фаллах». Когда соискатель ощутит на себе власть «джазба», влияние просветлений на своём существе, став средоточием проявленных качеств Божественных экстатических влечений, тогда он [соискатель] качеством своего внутреннего экстаза может оказывать влияние на других и это его подчинение [окружающих] считается подчинением Истинного и Пресветлого Творца. И, говорят также, истина святости, являющаяся внутренним содержанием Пророчества (Посланников), — есть подчинение людей своему влиянию. Поистине, «вали» (святой) есть проявление влияния Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! — и признак полноты состояния святости есть подчинение своему Пророку (с. а. в.).

Хранящий уединение «аулия» (святой), даже если он достаточен и совершенен, но к нему не обращаются другие люди, то такому «аулии» не открывается блаженство пути «нубувват» (Пророчества). «Аулия» же, подчиненный влиянию Посланника Аллаха (с. а. в.), и призывающий народ к Истинному и Пресветлому Аллаху, удостоится блаженства пути Пророчества. Вот этот хадис: «Манн истава явмаху фахува магбунун ва ман гадуху шаррун мин явмихи малъунун ва ман лам якун физзийадати фахува финнуксани ва ман кана финнуксани фал мавту хайрун лаху»⁹³ — указание стремиться приумножить благодеяния идущего по пути Истинного.

Пояснение к сказанному в сообщениях, произведениях и словах шейхов: «Иза ахаббаллаха абда лам язурруху занбун»⁹⁴

⁹³ «Тот, чьи два дня одинаковы, довольно, тот обманулся; чей день завтрашний хуже дня сегодняшнего, довольно, тот проклят; кто не улучшил, тот в убытке; тот, кто в ущербе, довольно, смерть для него предпочтительнее».

⁹⁴ «Кого любит Аллах, для него нет вреда от греха».

ВТОРОЙ МАКСАД

таково: зная в этом прощение своего греха, уметь испросить неполучение вреда от греха. Свидетельство верности этого пояснения — аят из Корана:

إِنَّ اللَّهَ يُحِبُّ التَّوَّابِينَ وَيُحِبُّ الْمُتَطَهِّرِينَ⁹⁵
(سورة البقرة)

Затем прочитали: «Инналлаха юхиббул мутаххийна фид-дуаи вас савали миналлахи тагаля хатал мулахху ликудурикум вашшабъул лийаликум». Смысл этого в том, что если хотят чего — то от Аллаха, пусть так молят и просят, дабы достигли цели, затем и другие вещи просят тем же способом и в таком же состоянии».

ЕЩЁ ГОВОРИЛИ: «Приличия, выполняемые в присутствии людей, необходимо также выполнять и в уединении».

ГОВОРИЛИ: «Истина зикра — выход из площади неведения в пространство мушахада (видения)»⁹⁶.

ГОВОРИЛИ: «Молитва — вознесение правоверного на небо»⁹⁷. Указание на истинную степень молитвы — «намаз». «Такбир тахрим» (Аллаху Акбар)⁹⁸ читающими молитву должно произноситься с таким ощущением «акбарията» (величия) Истинного и Пресветлого Творца, с такой степенью осознания бренности и убогости своего существа, дабы появился «истиграк» (отделение от мира). Совершенство этого качества было проявлено у Пророка — да благословит его Аллах и приветствует!

⁹⁵ «Аллах ведь любит тех, кто обращается к Нему,

И тех, кто в чистоте себя содержит».

Священный Коран, сура «Корова», аят № 222.

⁹⁶ Шейх ибн Ата Аллах аль-Искандари «Аль-кафд уль-мужарад фи маарифатиль исмиль гуфрат», с.78.

⁹⁷ Хадис Пророка Мухаммада (с. а. в.).

⁹⁸ Аллаху Акбар — Аллах Велик.

ГОВОРИЛИ: «Хадис «Ассамву ли ва ана ажзи бихи»⁹⁹ — это истинное указание на пост, это полное отречение от всего, кроме Аллаха».

ГОВОРИЛИ: «Насиби уммати мин нари жаханнамма канасиби Ибрахима мин нари Намруда»¹⁰⁰.

ГОВОРИЛИ: «Ла йажтамигу уммати алаззалалати»¹⁰¹ — хадис, указующий на цель смиренности последователей Ислама.

У Хазрата Ходжи спросили: «Если Истинный и Пресветлый Творец отнимет у какого-либо дервиша «халь» (состояние), что должен тот делать?» Хазрат Ходжа сказал: «Если даже душа дервиша подступит к его горлу, он должен умолять Аллаха вернуть назад «халь», обращаясь с мольбами к престолу Дарующего. Если у дервиша осталась хоть капля «халя», значит, он будет просить у Аллаха терпения и согласия».

У Хазрата Ходжи спросили: «Дервиши полностью отреклись от удовольствий, зачем же они ещё и читают молитву «Аллахуммагфирли»¹⁰². Хазрат Ходжа сказал: «Они вместе с очищением своего существа желают очищения существам других».

ГОВОРИЛИ: «Искать Бога значит искать беды, священный хадис гласит: «Ман ахаббани абталийху»¹⁰³.

Как приводится в благой вести, один человек, придя в присутствие Хазрата Покровителя Пророков, — да благословит его Аллах и приветствует! — сказал: «О, Посланник

⁹⁹ «Пост — "руза" — для Меня и благодарность за него воздам Я».

¹⁰⁰ «Предназначение моей умме (последователям) от пламени Ада подобно предназначению Ибрахима (Авраама) от пламени Намруда» (хадис).

¹⁰¹ «Мои последователи (умма) не собираются для совершения низости» (хадис).

¹⁰² «О, Всевышний, прости меня».

¹⁰³ «Кто меня любит, Я провожу того через страдание (испытаю)».

ВТОРОЙ МАКСАД

Аллаха, я люблю тебя». Посланник Аллаха (с. а. в.) отвечал: «Будь готов к трудностям». Другой человек сказал: «Я люблю Аллаха». — «Приготовься к беде», — сказал ему Пророк (с. а. в.)».

ГОВОРИЛИ: «Все чары развеиваются с чтением «Калима-и тавхид». «Асхабул карамати куллухум махжубуна вал арифуна ании назари илайхи мабъудуна»¹⁰⁴. У нашего Хазрата Ходжи попросили показать чудо. Он отвечал так: «Наше чудо само собой очевидно, ибо, несмотря на столько грехов, мы ещё ходим по земле». У Абул Аббас Кассаба также потребовали чуда, он сказал: «Я — не более чем сын свежевателя коз, разве само по себе не чудо, что столько людей собралось вокруг меня?»

ГОВОРИЛИ: «Муктад» (могущество) проявляющегося у шейха «халя», будучи чудом для «мурида» (последователя), осуществляется Истинным и Пресветлым Творцом для укрепления убежденности и веры мурида и, благодаря этому, мурид ещё сильнее усердствует.

СПРОСИЛИ: «Откуда у дервишей знание того, что в душе других?» Сказали: «Истинный и Пресветлый дарует это дервишам через открытость глаз и свет понимания и проницательности, «Фаиннаху янзуру би нуриллахи»¹⁰⁵.

Как передают от Шейха Абу Саида Абул Хайра (к. с.), он сказал: «Перед моим «табутом»¹⁰⁶ пусть прочитают вот этот бейт:

*«Чиз аз ин хубтар дар хама офок кор,
Дуст рассад назди дуст, ёр ба наздики ёр».*

¹⁰⁴ «Все обладатели чар за завесой — в покрывах, "арифы" же (совершенные) далеки от взоров».

¹⁰⁵ «Ибо он видит через сияние света Аллаха».

¹⁰⁶ «Табут» — погребальные носилки у мусульман.

*«Всех славных дел, что может быть прекраснее —
Это достижение другом друга
И влюблённым достижение возлюбленной удела».*

Хазрат Ходжа (к. с.) завещал: «Пусть перед моим «табутом» прочитают вот этот бейт:

*«Муфлисонам омада дар куйи ту,
Шайъалиллах аз жамоли руйи ту».*

*«Я в потрясении, лишь шаг ступив в Твою обитель,
От лика прелести Твоей, о дай мне сил,
Великий Вседержитель».*

ГОВОРИЛИ: «Слова: «Ва ла тасихху магрифатул ариффи хатта ятафаррагу илаллахи»¹⁰⁷ есть указание на существование подданного и постоянство (вечность) качества».

*Бейт: «То ту зи хастийи худ зеру забар накарди,
Дар нистийи мутлак мурз ду пар накарди.
Ин пардаи ниҳодат дархам шиканки харгил,
Дар парда рах наёби то пар дар накарди.*

*Пока ты не отринешь всё,
наличием чего так дорожишь,
В отсутствие на двух крылах не воспарить.
Знай, что иначе сквозь преграду не найти пути,
Отбрось завесы и как птица воспарить».*

ГОВОРИЛИ: «В богослужении есть поиск сущности, в самоотвержении есть разрушение существа (тварности), пока существо постоянно — никакая практика не даст результата».

¹⁰⁷ «Познание "арифа" (просвещённого) не будет верным, пока он не предаст себя Аллаху».

ВТОРОЙ МАКСАД

ГОВОРИЛИ: «В зеркале каждого шейха есть две стороны, у нашего же зеркала — шесть сторон. Вот уже сорок лет, как мы обладатель зеркала, зеркало нашего существа никогда не ошибалось. Мы безошибочно видим всё, что постоянно происходит в твоей душе».

Передают, что Полюс Святости Абдул Куддус сказал: «Хазрат Ходжа (к. с.) одновременно обозревал все уровни Неба и Земли».

ГОВОРИЛИ: «Мы не остаёмся в стороне: обо всём, что думает народ, о его делах, о проявленных состояниях его нам становится известно либо через вдохновение, либо доводят до нас через какого-то человека».

ГОВОРИЛИ: «Хазрат Азизон говаривал: «Земля, на взгляд людей этого уровня (суфиев), подобна скатерти». Мы говорим: «Земля подобна поверхности ногтя, ничто не укрыто от их (суфиев) взгляда. Все, что он (то есть Хазрат Азизон) говорил, говорилось сообразно широте охвата их святости, но широту сердца «арифа» (совершенного) невозможно описать».

ГОВОРИЛИ: «На ступень «тавхид» (свидетельствование единства Аллаха) можно подняться достаточно быстро, однако ступени «магрифат» достичь трудно. Если в ногу некого дервиша вонзилась колючка, нужно знать, откуда она взялась».

Хазрату Ходжа рассказали: «Такой-то человек сильно переживает, говорит, я поздоровался с Хазратом Ходжи, а он не ответил на приветствие». Хазрат Ходжа отвечал: «Передайте ему мои извинения, — когда он поздоровался, всё моё существо было занято вниманием указаниям Истинного и Пресветлого Господа, «шагалани каламул Хакки ан саламил халки»¹⁰⁸.

¹⁰⁸ «Мной владело внимание указаниям Истинного о мире для народа».

ГОВОРИЛИ: «Для каждого, кто полностью посвятил себя Повелителю всего сущего (Аллаху), молить кого-либо, кроме Аллаха, есть безбожие (неверность). Неверность прощительна для простых людей, однако для людей близких непрощительна».

ГОВОРИЛИ: «Ман арафаллаха ла яхфи алайхи шайъун»¹⁰⁹.

Ходжа Аляуддин Аттар говорил: «Смысл этих его (Хазрата Ходжи) слов в том, что для «арифа» (совершенного) раскрытие тайны вещей зависит от концентрации им внимания — «таваджух» — на определенном предмете».

ГОВОРИЛИ: «Нужно быть из уповающих, ибо они знают себя и своей практикой держат свои упования в тайне».

ГОВОРИЛИ: «Истинный и Пресветлый Господь создал меня для мира лишений, между тем люди хотят от меня обустройства мира».

Мисра: *«Ман аз кужо,
гами борону новадон зи кужо?»*
«Где я, а где забота жёлоба, спасающего от дождя?»

ГОВОРИЛИ: «Если б сущность была ещё более жалкой, нужда спрятала бы свои сокровища там».

ГОВОРИЛИ: «Цель принятия святыми тягот людей в том, чтобы очистить их нравы, людям нужно снискать расположение к себе святого. Нет ни одного святого, не пользующегося вниманием Истинного и Пресветлого Господа. Того, кто добьется этого расположения, того осенит Божественная благодать».

Бейт: *«Сад суфра ба душман бикашад толиби максуд
Бошад ки яке дуст биёяд ба зиёфат».*

¹⁰⁹ «Для того, кто узнал Аллаха, ничего не остаётся скрытым».

ВТОРОЙ МАКСАД

*«Стократно скатерти готов врагам стелить
Тот, кто живёт надеждой друга угостить».*

ГОВОРИЛИ: «Если замечать недостатки друга, останемся без друзей, никто в этом мире не безгрешен».

*Бейт: «Хосили дарё на хамин дурр бувад,
Як хунар аз одами пур бувад».*

*«Не то сокровище, что жемчугом река рождает,
Но ремесло, что человека смыслом наполняет».*

ГОВОРИЛИ: «Чтобы нести тяготы этого Пути, нужны истинные друзья, во имя веры принимайте больше тягот. Ходжа Абдулхалик Гудждувани (к. с.) говорит: «Вода приходит в ручей с помощью друзей», «Ар — рафик суммат тарик»¹¹⁰.

ГОВОРИЛИ: «Одна из польз — советоваться с людьми веры и почтенными людьми, тогда наверняка окончание дела увенчается хорошим успехом».

ГОВОРИЛИ: «Каждый возжелавший других, возжелал себя, тот же, кто возжелал себя, пусть знает, не возжелал себя».

Мисра: «Вар зи худ бигашти хама айшу хушист».

*«Когда себя сумеешь преступить,
Тогда ты будешь в радости довольства жить».*

ГОВОРИЛИ: «Уподобься свече — даруй свет всем, сам же будь в темноте».

ГОВОРИЛИ: «Мы выбрали на этом пути лишения, Аллах же воздал нам почести».

ГОВОРИЛИ: «Тяжела участь раздумывающего и сомневающегося человека».

¹¹⁰ «Сначала найди друзей, затем пускайся в путь».

Бейт: *«Гарчи хижоби ту аз хад беру наст,
Хеч хижобест чу пиндор нест».*

*«Пускай преграды кажутся тебе чрезмерны,
Коль нет сомнений, сгинут все они наверно».*

НЕКТО обвинил Хазрата Ходжи в гордыне. Хазрат сказал: «Наша гордость от Их (то есть Аллаха) Величия».

Бейт: *«Боди такаббур агарам бар сар аст,
хам дами уст, ки дар ман дамид».*

*«Коль ветерок надменности над ним гуляет,
Знай, сам Всевышний ветер этот вдохновляет».*

ГОВОРИЛИ: «Что бы ни говорил дервиш, он должен говорить это от души. Шейхи говорят, что если кто-то говорит о том, чего у него нет [в душе], Истинный и Пресветлый Господь никогда не удостоит его этой вещи».

ГОВОРИЛИ: «Истинное требование на этом Пути состоит из совершенного движения, оно делает подданного беспокойным и лишает равновесия».

Бейт: *«Ин талаб мифтохи мутлуботи туст,
хам сипоху, лашкару, роёти туст».*

*«Стремленье истовое — вот от цели твоей ключ,
И воин твой, и твоё знамя, всё, чем ты могуч».*

ГОВОРИЛИ: «Эти слова из речений упомянутой категории: «Не каждый бегущий завладевает мячом». Здесь бег — это указание на постоянное движение».

ГОВОРИЛИ: «Сны (сновидения) есть отражение желаемого, а значит, в сновидениях нет никакого проку».

ВТОРОЙ МАКСАД

Бейт: *«Чун гуломи офтобам, хам зи офтоб гуям,
На шабам, шабпарастам, ки хадиси хоб гуям».*

*«Я — солнца раб, всегда о солнце говорю,
Не ночь и не поклонник ночи,
Чтоб говорить о том, что вижу, когда сплю».*

ГОВОРИЛИ: «Благодатью молитв Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! — люди избавились от риска превратиться в диких животных, однако внутри (людей) это ещё живёт».

Бейт: *«Андарин уммат набошад масхи тан,
Лек масхи дил бувад, эй, зул фитан».*

*«Среди людей на оборотней внешне нет похожих,
Но в сердце кроется,
что в зверя обратиться каждый может».*

ГОВОРИЛИ: «Святым дано знать тайну, но не дано их раскрывать».

«Сир фош макун, ки хун биризи би замин».

*«Не раскрывай тайну,
дабы кровью не обзагрить землю».*

ГОВОРИЛИ: «Имеющий вещи — носит, не имеющий же — продаёт: «Ихфаул асарари мин сунъил абрари»¹¹¹. Однако, всё, что проявилось в нас, — мы о том осведомлены».

КАК-ТО один человек уставился в его благословенное лицо. Тогда Ходжа произнес: «Не смотри — надорвешь своё сердце!»

Мисра: *«Девона шавад хар ки бибинад рухи мо».*

¹¹¹ «Хранить тайну — удел чистых людей».

«Тот станет одержим, кто лик узрит наш».

ГОВОРИЛИ: «Что [есть] дервишество? Дервишество — быть внешне безучастным и внутренне бесконфликтным».

Бейт: *«То дарин сувратим керкас мо,
хам наранжиму, хам наранжомим».*

*«Вот вам наш нынешний портрет —
не обижаем никого, и нас обидевших на свете нет».*

Один из великих веры спросил: «Что есть дервишество?»
Сказали: «Жалкость».

ГОВОРИЛИ: «В выносливости и терпении надо быть как литавра: сколько бы не получала оплеух, по своей воле не издаст протестующего звука».

ГОВОРИЛИ: «Дервиши — люди наличия, то, что даёшь им — нельзя давать в долг».

Бейт: *«Имруз бин ба дийдаи ботин жамоли дуст,
Эй, бехабар, хавола ба фардо чи мекуни?»*

*«Заветной прелестью любимой ты
сегодня насладись, пока возможность есть,
Глупец, зачем на завтра хочешь это перенести?»*

«Слова «Асуфий ибнул вакт»¹¹² тому свидетельство».

Бейт: *«Хирадмандон аз он кас табарро кунад,
Ки у кори имрузо фардо кунад».*

*«Люд мудрый тех людей сторонится,
Кто дел сегодняшних сегодня не решив,
На завтра перенести стремится».*

¹¹² «Суфий — сын времени».

ВТОРОЙ МАКСАД

ГОВОРИЛИ: «Основа всех дел людей завистливых и подверженных низким страстям, «нафсу», состоит из заблуждений. Самое важное дело — выбор правильного намерения. Намерение — не есть вещь вырабатываемая, оно из мира иного. Истина намерения не подвластна прихоти. Если нет намерения — чаяние не осуществится».

ГОВОРИЛИ: «Семя способности каждого, испорченное противоречивыми беседами, очень трудно поддаётся мерам исправления. Ничто, кроме бесед святых, считающихся элитой, не может их исправить».

*Бейт: «Жуз сухбати ошикони мастон маписанд,
Дил дар хаваси кавми фурумоя мабанд.
Хар тоифаат ба жониби хеш кашанд,
Чузгад суйи вайронаву туги суйи канд».*

*«Бесед влюблённых кроме ничего не признавая,
Укорам окруженья сердцем не внимая,
Душ родственных повсюду ощущая притяженье,
Как тянет попугая к сахару,
стремиться к самоотреченью».*

ГОВОРИЛИ: «В начале «халя» мы считали себя искомым и ищущим других. Нынче мы бросили эту ошибочную дорогу. Истинный «муршид» (наставник) — Преславный и Милосердный Аллах».

ГОВОРИЛИ: «Каждого, у кого есть желание искать этот Путь, отправляйте к нам, что ему предписано, того удостоится».

ГОВОРИЛИ: «[Слова] «Алмажазу кантаратул хакикати»¹¹³ — свидетельство тому, что все явные и скрытые свершения, слова и нрав — для тебя преграда; пока идущий по этому Пути не отречётся от них — он не достигнет истины».

¹¹³ «Иносказание — мост истины».

ГОВОРИЛИ: «Начало этого пути — «Калима-и тавхид»¹¹⁴ и окончание этого пути также. «Калима-и тавхид» — первый и завершающий урок, и ключи от счастья. Никакая дверь без неё не откроется. Как повествуют, Хазрат Султан Арифов¹¹⁵ в последнее время надел доху и сказал: «Боже, знай же, я — турк, и пришел из Туркестана в поисках Создателя. Нынче я достиг счастья».

ГОВОРИЛИ: «Один из великих, отягощённый беседой с людьми, в одном состоянии уединился. Когда он вышел в другом состоянии, никто не смог беседовать с ним. Наша мера также похожа на это».

ГОВОРИЛИ: «Кто будет всю жизнь следовать одному хадису, ручаюсь, он достигнет цели. К примеру, он будет выполнять хадис: «Ман аслаха жавари хаху аслахаллаху жаванибахуху»¹¹⁶, ручаюсь, его дело завершится в вере и близком пути».

ГОВОРИЛИ: «Мавляна Зайнуддин Тайабади (к. с.) имел способность явно и скрыто влиять на окружающих. У него спросили: «Дозволительно ли разрешенными практиками исправлять людей?»

Он отвечал: «Некоторых людей дозволительно, некоторых же людей не подобает. Кого дозволительно исправлять, также в какие-то времена не дозволено, ибо нужно смотреть на место и на то, в каком состоянии путь искателя».

ГОВОРИЛИ: «Человек должен блюсти себя в определенном качестве (состоянии, нраве), дабы у людей не возник соблазн подчинить его себе».

ГОВОРИЛИ: «Кто говорит, что от созерцания появляется в душе ущербность для близости (веры), — это предрас-

¹¹⁴ «Калима-и тавхид» — формула свидетельства единства Аллаха.

¹¹⁵ Султан Арифов (Познавших) — почетный титул Баязида Бистами.

¹¹⁶ «Тому, кто будет правильно использовать руки-ноги, Всемогущий Аллах ниспошлёт прямой результат» (хадис).

ВТОРОЙ МАКСАД

судок, это мнение нужно устранять, его, безусловно, можно преодолеть. Несмотря на дозволенность этого действия в мире таинства, внутреннее наблюдение занимает место на «стоянке упования» («макам таваккуль»).

ГОВОРИЛИ: «От посещения могил великих святых, да сделает Аллах их души святыми, паломник может получить благодать постольку, поскольку знает качества этих величайших и, оказывая им почитание, может войти в это качество. Велика польза от непосредственного посещения и лицезрения святых могил, однако в реальности также нет препятствий для мысленного общения со святыми духами на расстоянии. Ибо сказано в хадисе Пророка (с. а. в.): «Саллув алайһа хайсу ма кунтум»¹¹⁷ — это может быть подтверждением и доказательством вышесказанных слов. Явления обитателей могил (то есть покойников) мало принимаются во внимание».

ГОВОРИЛИ: «Быть ближе к Истинному и Пресвятому Богу предпочтительнее и лучше близости к людям». Он [Хазрат Ходжа] часто читал своими благословенными устами вот этот бейт.

*Бейт: «Ки токай гурии мардонро парасти,
Ба гирди куйи мардон гарди расти».*

*Доколе будешь ты Учителей могилам поклоняться?
Куда полезнее живых Учителей
ученью следовать стараться».*

ГОВОРИЛИ: «Алфукараус субара жуласауллахи суб-ханаху айи л—мукарабуна гаятал курби»¹¹⁸. В священном ха-

¹¹⁷ «Посылайте мне «салават» (обращение к милости), где бы вы ни находились» (хадис).

¹¹⁸ «Терпеливые люди в нужде — рядом с Аллахом, то есть Его самые близкие».

дисе сказано: «Ана жалисун ман закарани»¹¹⁹ — это указание людям внутренним».

ГОВОРИЛИ: «Ли маъаллахи вактун, ла ясаъани фийхи малакун мукаррабун вала набиййун мурсалун», смысл этого высказывания таков: «Для меня есть такой "халь" (духовное состояние), в этот "халь" не вмещаются ни самый близкий ангел, ни посланник — пророк». Такое состояние иногда по причине подвластности [Богу] может проявляться у начинающего. Другой смысл таков: «Один мой "халь" [отличный от других] предпочтительнее и благороднее "халья" близких ангелов и посланников — пророков». И этот «халь» ниспослан святостью посланничества Пророка (с. а. в.). Ибо сказано: «Алвилаяту афзалу минан нубувати»¹²⁰, что является указанием на этот "халь". Ещё один смысл, вероятно, состоит в указании на то, что Истинный и Пресветлый Господь, каждый раз озаряя своё создание качеством "Джамал" (красота, великолепие), создаёт в его существе такое Величие, которое не способен вместить мир».

ГОВОРИЛИ: «Хазрат Расул»¹²¹ (с. а. в.) указали: «Инналлаха аzza ва жалла тисъа ва тисъийна исман миъатун гайру вахидин фаман асхаха дахалал жанната»¹²². Один смысл слова «Ахса» — считать Имена Истинного Господа. Ещё один смысл — знать эти Имена. Ещё один — пользоваться на практике этими Именами, например, если говорить «Раззак» (Кормилец) — никогда не будешь знать заботы о хлебе насущном, если повторять "Мутакаббир" (Величественный) —

¹¹⁹ «Кто вспоминает меня, Я с ним рядом».

¹²⁰ «Святость предпочтительнее посланничества (пророчества)».

¹²¹ Хазрат Расул — Его Святость Посланник (почётный титул Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует).

¹²² «У Предвечного Аллаха есть 99 (то есть, сто без одного) имён, кто считает (читает) их, тот войдёт в рай».

ВТОРОЙ МАКСАД

значит осознавать, что грандиозность и великость от Истинного и Пресветлого Творца».

ОТ ХАЗРАТИ ХОДЖИ [передают]: «Спрашивают: «Если было сказано "Тисъа ва тисъийна" (девяносто девять), зачем нужно было говорить [ещё и] "миъатун гайри вахидин" (сто без одного)? Ходжа сказал: "Это было для уточнения, арабы не были искусны в счёте, поэтому Пророк — да благословит его Аллах и приветствует! даже считая дни месяца, говорил: "Аш — шахру хаказа ва хаказа"¹²³, указывая пальцами, на третий раз показали девять пальцев. Арабы знали, что двадцать девять дней, но языком не называли».

ГОВОРИЛИ: «Амтил аза анит тарики»¹²⁴, что означает — на пути Истинного очищайте свой «нафс» (низменность).

*Бейт: «Зеро вужуди ту буд ганжи гухар,
Ганж зохир шавад аз ту зи миён бархизи».*

*Стена телесной оболочки прячет дивный клад,
Восстань из серой безучастности,*

и явным станет всем, насколько ты богат».

ГОВОРИЛИ: «Соискателя (идущего) этого Пути возвращают два качества — «Джалал» и «Джамал». «Джалал» (величие) становится для него «Джамал» (красотой), «Джамал» же (красота) становится «Джалал» (величием). Когда охватывает страх — он уповает, когда же воцаряется упование — он страшится».

ГОВОРИЛИ: «Причина отдаления людей от Бога в том, что они отдаляют себя сами и по собственной воле утяжеляют свою ношу, тогда как в приходе благодати Божией нет никакого недостатка...».

¹²³ «Такой-то и такой-то дни месяца».

¹²⁴ «Устраните с дороги всё мешающее».

ГОВОРИЛИ: «Шейх Абу Саъид Абулхайр (к. с.) говорил: «Агбабуз-зийарати маъа хузурил калби хайрун мин давамиха била хузурин»¹²⁵. И его Превосходительство Предстоящий из Пророков (с. а. в.) сказал Абу Хурайре, да будет доволен им Аллах: «Зур гиббан таздад хуббан»¹²⁶. Тот прошёл за колонну и, вновь возвратившись, сказал: «О, Посланник Аллаха, мне не по силам сделать больше». Хотя он и проявлял силу своей любви [к Пророку], однако было бы лучше подчиниться священному указанию».

ГОВОРИЛИ: «Если ученик (мурид) встретит трудности на пути достижения «муктад» (пира), он должен терпеть, сколько хватит терпения, до тех пор, пока не выяснится причина этого. Если он — «мубтади» (начавший путь), то может задать вопрос пиру. Если он — «мутавакксит» (в середине пути), пусть спрашивает изредка. Некоторые шейхи говорят: «Ассуфий гайру махлук»¹²⁷. Смысл этого выражения в том, что в какие-то периоды у суфия проявляется определённое качество и состояние, в указанном состоянии он бывает не в себе [то есть покидает своё телесное существо]. Эти слова сказаны применительно к такому состоянию, хотя на деле суфий — тварное существо».

У нашего Хазрата Ходжи спросили: «Как понимать слова Саййидут таифа Джунайда (к. с.): «Иктаил кариййина ва авсилис суфиййина»¹²⁸. Хазрат Ходжа ответил: "Чтец занят Именем, суфий — Носителем Имени».

¹²⁵ «Малое паломничество, сделанное от самого сердца, лучше многих паломничеств без участия сердца».

¹²⁶ «Совершай мало паломничеств, будет больше "мухаббат" (любовь к Всевышнему), здесь имеются в виду частые посещения Абу Хурайрой Пророка».

¹²⁷ «Суфий -- вне тварности».

¹²⁸ Откажись от «кариев» (чтецов Корана), приблизься к суфиям».

ВТОРОЙ МАКСАД

Спросили у него ещё: «Алфакиру ла йахтажу иллалахи таъала»¹²⁹, в чём смысл этих слов?» Сказали: «Значит, у него абсолютно нет потребности, просить [какие-либо] вещи».

У Хазрата Ходжи спросили: «Что означает «Иза таммал факру фа-хуваллаху»¹³⁰?

Отвечали: «Указание на достижение существом состояния "фана" и отсутствия, исчезновения внутри качеств».

*Бейт: «Чун ту набуди, ки буд жумла Худованд, бад,
Чун ту намонди, ки монанд,
жумла Худо, йа, гадо».*

*«И не было когда тебя, был Всемогущий Боже,
Тебя не станет, о, бедняга,
но пребудет вечно Боже».*

ГОВОРИЛИ: «Милость ко мне Предвечного Аллаха была такова, что я удостоился снискать момента истины этого сословия [суфиев], во время отдаления от них — я был далёк. Только человек, знающий их состояния и их время, может извлечь пользу: получение выгоды от их беседы иногда — дар, иногда же — беда».

ГОВОРИЛИ: «Я тот, кто влияет духовно [делает «та-сарруф»] на состояние других, захочу — могу дать кому-либо («халь»), захочу — отниму у него».

ГОВОРИЛИ: «Мы не ищем отношений для мира, ищем для небольшого знакомства, мы ищем возможности встать на этот суфийский Путь».

ГОВОРИЛИ: «Сухбат» (беседа) святых — чрезвычайно великое благо».

¹²⁹ «"Факир" (убогий) не нуждается ни в чём, кроме Аллаха».

¹³⁰ «Если "факр" (убогость, нужда) совершенна, значит это Аллах».

Бейт: *«Он касс биёфт давлате ёфт азим,
Он касс ки наёфт дар дунё ёфт бас аст».*

*«Тот, кто достиг — великое тот достояние обрёл,
Кто ж не достиг,
тому достаточно, что в мире он нашёл».*

«И остаться в стороне от этого достояния — большой недостаток для идущего по этому пути».

ГОВОРИЛИ: «Алистейнасу биннаси миналл ифласи»¹³¹.

ГОВОРИЛИ: «У Хазрати Азизон, да будет с ним милость и согласие Аллаха, спросили: «Когда встает пропустивший намаз для восполнения молитвы?» Отвечали: «Перед рассветом».

ГОВОРИЛИ: «Истина этого Пути в двух качествах: в отвержении тварного и в жертвовании имеющегося».

ГОВОРИЛИ: «Путь людей совершенства и жертвенности таков: привязывают младенца этого пути к люльке тариката и вскармливают грудью воспитания, таким образом, доводят до границы соединения — «висал», затем одним из способов отвращают их от самих себя, оборачивают их покрывалом единства (Бога). Итак, следующий этим путём искатель получает непосредственно от Аллаха «файз» (благодать) и, обретая вечную жизнь, ведущую к соединению (с Всевышним), пытается и не может выразить благодарность за это».

Бейт: *«Гар бигуям шукри лутфат бардавом,
Бигзарад умру нагардад ин тамом».*

*«Хоть, устали не зная, будешь ты благодарить,
Не хватает жизни,
чтобы благодарность всю излить».*

¹³¹ «Привыкнуть к людям — значит утратить».

ВТОРОЙ МАКСАД

ГОВОРИЛИ: «Путеводная нить и средство приёма на этом Пути — это отвержение существа тварности, жертвование имеющегося, мало видеть и отсутствие — суть великие дела. Я на этом пути прошёл через все слои сущего мироздания и сопоставил себя со всеми частицами частиц и воистину убедился, что они лучше меня, я сделал так, что побывал даже на ступени отходов, и в них я увидел какой-то прок, этого полезного во мне не было. Я достиг собачьих отходов, авось в них нет пользы, рассуждал я. Некоторое время я держал свой «нафс» в таком виде. После этого я увидел, что и в нём [собачьем навозе] тоже есть польза. Сколько ни размышлял, я не увидел в своем «нафсе» никакой пользы».

Китъа: *«Аз хечкасийи хештан бохабарам,
Ваз хеч каси бех наям, илло бадтарам.
Хар чанд ба холи хештан менигарам,
Як хабба наярзад зи кадам то ба сарам»*

*«То, что ничтожен я, о том известно мне.
Отнюдь не лучше, даже хуже я, чем остальные все.
Сколь ни смотрю я на себя, увя,
Не стою зёрнышка я весь — от ног до головы».*

ГОВОРИЛИ: «Длительный «файз» (благодать) приходит как молния и уходит мгновенно: для того, чтобы ощутить его, нужен «вакуф калби» (вспоминовение сердцем).

Мисра: *«Ногох ояд, бар дили огох ояд»,
«Придёт внезапно, однако,
придёт в бдительное сердце».*

Абдуллах Ансари (к.с.) говорил: «Орудие очищения сердца — это «зикр» (вспоминовение), для человека дорога

Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанда к Истинному и Пресветлому [Аллаху] — только через постоянное произнесение «зикра».

ГОВОРИЛИ: «Для того чтобы сердце стало говорить, нужно приложить много стараний, когда сердце станет говорящим, оно достигнет бессмертной жизни».

Бейт: *«Харгиз намирад он,
ки дилаш зинда шуд ба ишк,
Сабт аст бар жаридан олам ишки давоми мо».*
*«Чье сердце живо для любви, тот не умрёт,
Страница книги мироздания любви
той вечной отблески несёт».*

Когда сердце произносит «зикр», не должно прекращать произносить «зикр» и языком».

ГОВОРИЛИ: «Признак чистоты тайного (внутреннего) мира создания Божьего от всего, кроме Истинного и Пресветлого Господа, в том, что даже заблуждения людей он считает правильными».

У нашего Ходжи (к. с.) спросили: «Во время еды, каждый член тела занят каким-то делом; чем занято в это время сердце?» Он ответил: «Вспоминовением Всевышнего» и указал: «Цель "зикр" — не "Ля илаха илл Аллах", а ход размышления от причины к причине и осознание того, что достояние исходит от Создателя причин».

ГОВОРИЛИ: «Наш путь в Тарикате очень созвучен словам Имама Кушайри и Шейха Аттара, да будет с ними милость Аллаха».

В конце болезни для некоторых друзей прочитали вот этот хадис: «Ла юьмину ахадукум хатта такуну хаваху табъан лима жиъту бихи»¹³².

¹³² «Никто из вас не станет правоверным, если не подчинит свой "нафс" упомянутым вещам».

ВТОРОЙ МАКСАД

Также читали вот этот бейт:

Бейт: *«То насузад барнаёяд буйи уд,
Пухта донад, кин суханро хом не».*

*«Не обгорев, не источает благовонье уд
Те, чьи сужденья не сыры, сии слова сполна поймут».*

Тренинг
накара

Максад, повествующий о проявившихся
в различных местах чудесах
и сверхъестественных событиях в пору,
когда преисполнилось сущностью море святости.

КАК ПОВЕСТВУЮТ, «Однажды Хазрат Ходжа шёл по дороге, на плечах его была старая доха. Это было время начала проявлений (дара ясновидения и чудотворчества). Элита и «улемы» (богословы) Бухары тогда ещё не удостоились чести внимать его благословенным речам. В это время ему повстречался Мавляна Хисамиддин Ходжа Юсуф с группой соискателей «гилм» (божественного знания). Наш Хазрат Ходжа перешёл на обочину и продолжил путь. Ходжа Юсуф отделился от группы и, сделав несколько шагов в сторону Ходжи, с большой почтительностью приветствовал его. Ответив на приветствия, Ходжа обратился к Аляуддину Аттару: «Из всех известных нам "алимов" (учёных) наипервейшим станет сей "бузург" (величайший)».

Это благословенное предсказание Хазрата Ходжи навсегда запало в душу Аляуддину. Только через семь лет это святое предсказание воплотилось в явь, и Ходжа Юсуф удостоился чести стать приближённым Хазрата Ишана.

ПОВЕСТВУЮТ, что во время начала проявлений «зухура» (божественного просветления) у нашего Хазрата Ходжи, да сделает Всевышний благоуханной его могилу, Ходжа Аляуддин Аттар видел в отношении Мавляны Хамидуddина Шоши следующее, а именно: когда всем стало известно о праведности и красоте пути Хазрата Ишана, многие мудрецы стали приходить на его благословенный «сухбат» (беседу). Сам Хисамиддин Ходжа Юсуф, проанализировав ситуацию, оставил уроки и распродал всё имущество и владения, что составило двенадцать тысяч динаров. Он решил пожертвовать все эти средства.

Многие мудрецы, последовав за Ходжи Юсуфом (к. с.), начали посещать благословенные «сухбаты» Хазрата. Некоторые из великих людей и улемов Бухары говорили: «Уже недолго осталось, чтобы медресе полностью опустели». Некоторые же считали: «Ходжа Юсуф — мудрый человек, в его посещениях и оказывании почтения есть смысл».

В один из дней ученик Мавляны Хамидуддина Шоши по имени Мавляна Хурд Захири, придя в присутствие нашего Хазрата Ходжи, заявил: «Мавляна Хамидуддин Шоши велел, чтобы вы направили свои благородные стопы к нему, они хотят вести с вами дервишский "сухбат" (разговор) во время "субха" (предраусветной молитвы)». Хазрат Ходжа подумал, «в этом приглашении есть тайна», и во время «субха» состоялся диалог. Мавляна Хамидуддин спросил о причине визита. Хазрат Ходжа рассказал о приглашении.

«Такие слова и дела мне не присущи», — сказал Мавляна Хамидуддин.

По просьбе Хазрата Ходжи, Мавляна Хамидуддин собрал множество улемов и граждан Бухары. В этом собрании с группой учащихся был и Мавляна Хурд Захири, который с дерзостью заявил:

«Что это за дервишский путь, когда "мадарис" (учащийся) становится "мундарисом" (невежда), разоряются медресе и развенчиваются обители дервишей, не остаётся интереса и почтения к божественному знанию!» Он говорил много выходящих за дозволенную грань речей.

Хазрат Ходжа сидел молча. Мавляна Хамидуддин исполнился возмущения. Присутствующие настойчиво пытались остановить Мавляну Хурда. Тут Хазрат Ходжа поднял голову и заговорил:

«Мы — ученики Истины (эпитет Аллаха), наша цель в том, чтобы, подчиняясь «Сунне» (учению Пророка), сле-

довать путём Пророка, да будут мир и благословение Аллаха с ним. Мы хотим очистить истину от лжи. Вы — предводители века, улемы, стоящие сейчас здесь, мы предлагаем вам наш путь, если он соответствует Шариату и Сунне, мы вместе последуем ему; в противном случае — мы свернём с него!» Затем, обратившись к Мавляне, сказал: «Мы — такое общество, которому Истинный Создатель своей безупречной благосклонностью заложил в душу радение за веру!»

Бейт: *«Рузу шаб толиби кабули вайим,
Пайраву уммати Расули вайим».*

*«И днём, и ночью мы приёма жаждем,
Стези последователей Пророка жаждем».*

Мы отнюдь не чужды «илма» (божественного знания). «Фасъалу ахлаз зикра инкунтум ла таъламун»¹³³. — Сообразуясь с этими словами, мы обращаемся к продвинутым улемам (теологам — богословам), делая их слова своей практикой. Если же наш путь не верен, что же, — скажите!»

Мавляна Хамидуддин отвечал: «Мы считаем ваш путь — "тарика" — достойным восхищения и соответствующим Сунне, люди Ислама должны держаться этого пути». Ещё Хазрат Ходжа добавил:

— «Зная эти наши устремления, из великой щедрости почтенный Ходжа Юсуф изредка удостаивает нас своим визитом и разрешает затруднения в вопросах религии, возникающие у последователей. Как вы оцените его действия?»

— «Очень подобающе», — ответил Мавляна Хамидуддин.

Собравшееся общество безмолвно констатировало, что для разногласий не осталось места.

¹³³ «Довольно, если вы не знающие — спросите у людей зикра».

По случаю, Хазрат Ходжа был одет в «намад» (шерстяную одежду). Собравшиеся люди выразили мнение: «Такая одежда не подобает, ибо сказано в хадисе «Наха Расулуллахи саллаллаху алайхи васаллам ан либсиш шухратайни»¹³⁴. Этот «намад» — повод для гордыни. Ходжа Юсуф сказал: «Это не одежда гордыни, ибо одежда гордыни, будучи в высшей степени изысканной, привлекает внимание людей. Этот "намад" — средняя одежда». Хазрат Ходжа сказал: «Этот "намад" стал причиной спора, лучше будет не носить его!» Он отдал «намад» присутствующему в собрании нищему.

После этого присутствующие сказали: «Дервишей знают дервиши». Есть один дервиш Ходжа Нуриддин по прозвищу «Ходжа Гариб» (бесприютный Ходжа) из рода Ходжи Аулия Кабир; давайте позовём его, пусть он продолжит полемику. Отыскали названного дервиша и велели ему высказаться. Господь Истины вложил в уста шейха Нуриддина слова: «Я буду говорить правду». Обращаясь к собравшимся и Мавляне, спросил: «Знаете ли вы Ходжи Кутбуддина — отца вашего недостойного слуги?» Все в один голос отвечали: «Он был предводителем людей «Тариката». Тогда Шейх Нуриддин поведал: «Я был при отце, когда приехал и сошёл с коня Ходжа Бахауддин, одетый как приближенный султана. Он поздоровался с отцом этого недостойного. Досточтимый отец указал мне: «В таком-то месте есть круглый "навват" (кристаллический сахар), я храню его уже достаточно долго, принеси его!» Я немедленно принес его. Отец, разделив его на две части, дал одну часть Хазрату Ходже, а другую часть мне, заявив: «Он — такое же моё чадо, каким являешься ты». Свяжав нас узами братства, он сказал: «Обнимите друг друга!» После этого досточтимый отец сказал мне: «Знай же, от Хаз-

¹³⁴ «Пророк, да пребудет с ним благословение Аллаха и приветствие Его, порицали ношение двух одежд гордыни».

рата Ходжи проявятся великие состояния и таинства!» Нынче настала пора проявления этих тайн».

После прозвучавших слов Шейха Нуриддина очевидцы пришли в замешательство и осознали величие его [Хазрата Ходжи] святости. «Фа-вакаъал хакку ва батала ма кану яъламун фагулибу хуналика ванкалабу сагирийн»¹³⁵. Истина восторжествовала. Хазрат Ходжа попросил прощения у Мавляны Хамидуддина, говоря: «Мы причинили вам беспокойство». Компенсацию за хлопоты представили пред Мавляной Хамидуддином. Мавляна обратился с просьбой к Хазрату Ходжа: «Дозвольте приготовить это блюдо в честь вашего визита». Хазрат Ходжа принял. Тотчас же вместе с дервишами принялись готовить.

Мавляна Хамидуддин восседал с группой улемов. Хазрат Ходжа, временами подходя к ним, вновь возвращался к дервишам, занимаясь готовкой.

Как бы невзначай, Хазрат Ходжа присел рядом с Мавляной Хурдом Захири. Тот изменился в лице. Ходжа же, поднявшись с места, направился к дервишам. Мавляна Хурд потерял сознание и рухнул наземь. Мавляна Хамидуддин с друзьями захопотали над ним, затем велели мне недостойному [Ходже Аляуддину]:

— «Оповести Хазрата Ходжи, что Мавляна Хурд умирает». Я сказал об этом Хазрату Ходже. Он отвечал:

— «Не стоит беспокоиться, однако нельзя обижать Мавляну Хамидуддина».

Хазрат Ходжа приблизился и возложил благословенную руку на плечо Мавляны Хурда. Мавляна Хурд пришёл в сознание и много плакал, прося прощение за свои поступки, затем сказал:

¹³⁵ «Довольно, истина восторжествовала, их устремления оказались несостоятельными. Потерпев сокрушительное поражение, они отступили с позором».

— «Я нуждаюсь в вас так же, как глазное яблоко нуждается в зрачке — дабы видеть свет!»

СОСТАВИТЕЛЬ книги «Иддатус саликин» Мавляна Салахиддин Бухари в своей книге «Анисут талибин» пишет: «Впервые, когда я удостоился встречи с Хазратом Ходжи, он был в Касри Арифоне. Между прочими речами он сказал: «Во времена начала проявлений "зухура" (Божественного просветления) шейха Нажмиддина Кубра (к. с.), в Хорезме слова шейха достигли ушей Мавляны Фахруддина Рази». Призвав шейха, он спросил: «Бима арафталлаха?»¹³⁶ Шейх отвечал: «Я познал Аллаха через знание, идущее из "гайба" (тайного мира), неподдающееся разумению людей сомневающихся». Мавляна Хамидуддин был поражен этими словами.

КАК ПОВЕСТВУЮТ об убеждённом приверженце Хазрата Ходжи — Мавляне Абу Бакре Авшанаджи, в один из дней он сидел в селении Афшана. Несколько молодых людей и приверженцев, изучающих «гилм» (духовные знания) брали у него уроки. В одном собрании зашла речь о Хазрате Ходже. Один из учащихся категорично заявил:

— «У Хазрата Ходжи нет подвижничества — "риязат" и ночных бдений». Другой же заявил: «Нет у него к тому же и "самаг" (вспоминования в форме напева или стихов) и "хилват" (уединения)».

Мавляна Абу Бакр, возмущившись этими словами, воскликнул:

— «Вы не знаете достоинств этого мужа; почему же, не зная, говорите эти слова?»

В ту пору некто по имени Шейх Ибрагим Маджзуб из окрестности Бухары бродил в тех местах, он пас несколько коз. Куда бы он ни направлялся, козы следовали за ним. Случайно придя в Афшану, он вышел на Тали Рег. Мавляна Абу

¹³⁶ «Посредством чего ты узнал Аллаха?» (араб).

ТРЕТИЙ МАКСАД

Бакр обратился к ученикам: «Идите — посмотрите, что исходит от этого "диваны" (блаженного, юродивого)». Ученики последовали указаниям. Ибрагим Мазджуб взглянул на них и с улыбкой прочитал бейт Мавляны:

*«Ту накши накшбандонро чи дони,
Ту шакли пайкари жонро чи дони?»*

*«Что можешь об узоре накшбанди ты знать,
Где линии движения души тебе понять?»*

Затем, глядя на ученика, говорившего дерзкие речи, прочитал следующий бейт:

*«Дарахти сабз донад кадри борон,
Ту хушки, кадри борон чи дони?»*

*«Дождя цену цветущее лишь древо может знать,
Ты ж, сухостой,
как можешь оценить его ты благодать?»*

Ученики поразились этим словам Ибрагима Маджзуба — их отрицание превратилось в признание.

ПОВЕСТВУЮТ, что однажды Хазрат Ходжа (к. с.) находился в махалле¹³⁷ «Дарвозаи Самарканд» (Самаркандские ворота) в гостях у Мавляны Сайфуддина Хоразми. Хозяева дома были заняты приготовлением трапезы. Когда еда была готова, Хазрат Ходжа сказал: «Мавляна Сайфуддин, отложи одну чашку еды, если же отложишь две — будет еще лучше». Затем добавил: «Трое путников находятся в пути, они идут издалека. Из троих один поест и удовольствуется нашим "тарика" (путём). А двое путников не станут есть и не воспользуются нашим "тарика"».

¹³⁷ «Городской квартал».

Первое блюдо закончилось, начали готовить другую еду. Время затянулось, собравшиеся гости ожидали предсказанного Ходжи события. Некоторые же начали расходиться. Наконец появилось три человека, на лицах их видны были следы дорожной усталости. Поздоровавшись, они сели. Хазрат Ходжа обратился к Мавляне Сайфуддину: «Знаешь ли ты, кто из троих будет есть пищу?» Мавляна Сайфуддин отвечал: «Не знаю, однако человек этот не сокрыт от вашего внимания». Тут Хазрат Ходжа сказал: «Принесите еду!» Внесли и поставили перед ними. Один из них начал есть и повёл разговор, это был Мавляна Таджуддин Бадахши. Он удостоился благосклонного внимания Хазрати Ходжи. Один из оставшихся двух заявил: «На что мне эта пища, я пришёл по делу, сначала покажите мне ожидаемое». Другой же сказал: «Мы пришли издалека, дорога нас утомила, еда не пойдет нам впрок, сначала позвольте нам отдохнуть». Хазрат Ходжа отпустил этих двоих отдыхать. После этого он сказал своим «асхабам» (последователям): «Эти два человека больше к нам не вернуться». Воистину так и было. Собравшиеся гости остались в изумлении.

ПОВЕСТВУЮТ, что наш Хазрат Ходжа был в Карши. Когда он сидел в собрании шейха Шамсуддина Кулала, работник того заявил: «Я потерял скотину», Хазрат Ходжа сказал: «Чтобы найти — стань пастухом». Тот принял. Ещё сказал: «Выйди наружу и посети руины». Работник выполнил сказанное. Когда он вернулся, скотина была с ним. Ходжа сказал: «Заплати за то, что мы охраняли скотину». Тот спросил: «Сколько я должен дать?» — «Один динар», — был ответ. Принесли один динар. Шейх Шамсуддин сказал: «Дай мне», Ходжа же сказал: «Скотину охранял я». Шейх Шамсуддин пошутил: «И владелец скотины, и ясновидец, и его видения находятся в моих владениях». Ходжа улыбнулся и оставил ему динар.

ОДИН из великих мудрецов Мавераннахра поведал: «В пору молодости мне посчастливилось знать Хазрата Ходжи (к. с.), и от его благодати во мне возникло удивительное состояние. Наставляя меня, он сказал: «Никогда не забывай о нас». Я ни на мгновение не забывал Хазрата Ходжи. В это время отец решил ехать в Хиджаз и взял меня с собой. Достигнув Герата, мы стали знакомиться со здешними порядками, и в это время во мне исчезло качество, переданное Хазратом Ходжи. Приехав в Исфаган, мы увидели там одного досточтимого. Множество людей шло к нему, в нём проявлялись различные знамения и чудеса. Отец попросил этого досточтимого оказать мне благосклонность, я же боялся, что Хазрат Ходжа почувствует и обидится. По возвращении из паломничества я чувствовал великий страх при встрече с Хазратом Ходжи. Хазрат сказал: «Не бойся, это было нашим деянием». Затем добавил: «Ты — наше чадо, никто не может взять тебя под своё влияние». Ещё укорил: «Ты позабыл нас, достигнув Герата».

Мисра: *«Фаромуший на шарти дустон аст»*

«Предание забвению не свойственно друзьям».

ЭМИР МАХМУД Симнони повествовал, что он родом из Касри Муганда. Он удостоился быть принятым Хазратом Ходжи (к. с.) и от благодати его бесед наблюдал удивительные события. Он повествует:

— Причина моего сближения с Хазратом Ходжи в том, что, по милости Аллаха, я увидел во сне Пророка, да будет мир и благословение Аллаха с ним! В этом присутствии был один светозарный достопочтимый из великих представителей общины Пророка (с. а. в.). Я спросил Пророка (с. а. в.): «Чем проявил себя этот "азиз", что удостоился благодати слушать ваши священные речи?» Пророк — да благословит его Аллах

и приветствует! — наставляя: «Хочешь заслужить расположение Аллаха и Посланника его? Для этого исполняй службу у этого "азиза"!» Затем сказал мне его благословенное имя. Проснувшись, я записал в одну книгу качества и описал образ этого «азиза». Указал также месяц и число. По прошествии семи лет я сидел в мануфактурной лавке, когда в неё вошёл этот светозарный «азиз» с печатью величия и значимости во всём облике. Тут я вспомнил свой сон, и моё состояние изменилось. Придя в себя, я почтительно попросил его удостоить своим визитом дом сего недостойного. Приняв (приглашение), он отправился в путь. Первым чудом от него было то, что, никогда не видя мой дом ранее, он, не блуждая, направился прямо к нему. У меня была отдельная «худжра» (комната для уединения и молитв), Хазрат направился напрямиком в эту «худжру». На полочке в комнате было несколько книг, выбрав среди них одну, он спросил: «Что вы записали в этой книге?» От этих действий я пришёл в окончательное потрясение. Тогда Хазрат удостоили меня чести стать его сподвижником».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа (к. с.) в сопровождении Мавляны Сайфуддина шёл по одной из улиц Бухары. Навстречу попался враждебно настроенный к Хазрату Ходжа Шейх Мухаммад Халладж, который из соображений приличия сделал пять или шесть шагов, сопровождая Ходжи. Затем направился своей дорогой. Мавляна же Сайфуддин замешкался между двоими, затем, оставив Хазрата Ходжи, несколько шагов сопровождал Шейха Мухаммада Халладжа. После этого возвратился к Хазрату Ходжа. Ходжа воскликнул: «Сопроводив Халладжа, ты своим безрассудством разрушил и себя и Бухару, превратив всё в руины!» После этого и других событий вскоре Мавляна Сайфуддин умер. Пришли захватчики и осадили Бухару, погибло много людей, и катастрофа достигла апогея.

ТРЕТИЙ МАКСАД

Один из близких друзей Хазрата Ходжи (к. с.) поведал: «В год, когда из Кипчакской степи пришли захватчики, погибло множество народу, и многие были угнаны в плен. Моего брата также угнали. Отец очень горевал о брате.

— «Ступай в Кипчакскую степь!» — велел он мне. Я поделился этим с Хазратом Ходжи. Он сказал:

— «Иди, выполни волю отца, в этом много блага, поспеши в дорогу, если столкнёшься с какими тяготами путешествия, сердцем обратись к нам».

Я отправился в путь. Благодаря благословлению Хазрата в этом путешествии из малой торговли я извлёк большую прибыль. Без всяких трудностей в Хорезме я отыскал брата. Вместе с пленниками мы сели на корабль и отправились в сторону Бухары. На корабле было много народу. Неожиданно окреп встречный ветер. Возникла опасность затопления судна. Вдруг до моих ушей донёсся голос: «Нужно вспомнить Ходжи!» Я вспомнил упомянутые слова Хазрата. Я обратился к нему. В тот же миг появился Хазрат Ходжа. Я поприветствовал его. От его благодати — «барака» ветер мгновенно стих. Вместе со всеми на корабле мы благополучно прибыли в Бухару. Спустя немного времени, в добром здравии мы вместе с братом пришли к Хазрату Ходже. Ходжа улыбнулся и произнёс: «Когда ты поздоровался с нами на корабле — мы ответили, однако ты не расслышал!»

После этих событий моя к нему любовь и почитание умножились».

ПОВЕСТВУЮТ, что когда из Дашти Кипчак (Кипчакские Степи) на Бухару совершило набег большое воинство, в крепости погибло много людей. Однако неисчислимый вред был нанесён домашнему скоту. У одного из дервишей Хазрата Ходжи (к. с.) был захудалый бычок. В один из дней Хазрат Ходжа сказал дервишу: «Присматривай за бычком прилежно,

через десять дней эта беда минет». Один мудрец рассказал: «Я посчитал — через десять дней последователи Ислама избавились от врага».

ОДИН дервиш поведал: «Когда совершало нашествие упомянутое войско, люди Ислама испытали большие тяготы. У меня был раб — турок, он сбежал. Я пришёл в смятение, опасаясь, что властьпредержащие осудят меня. Я обратился к Хазрату Ходже (к. с.). Он отвечал: «Успокойся, если возникнут трудности, я возьму их на себя. Твой раб обязательно вернётся». О рабе у меня не было никаких вестей. С вопросом о нем я пришёл к Хазрату Ходже. Он сказал: «Нынче на наших плечах лежит бремя не только раба, но бремя мира.

*«Агар табох шавад мамлакат зи шох маранж,
Ки назди ахли хакикат гунохи дарвиш аст».*

*«Коли рушится страна, в том не вини ты шаха,
Вина в том дервиша перед людьми Аллаха».*

Если не вернётся твой слуга, я разорю весь дворец!»

Повествователь рассказывает: «Благословенным дыханием Ходжи этот раб вернулся и поведал: «Меня доставили в один дворец, я сбежал оттуда и возвратился сюда».

ПОВЕСТВУЮТ, что когда передовые части бухарского войска в замешательстве не знали, как отразить набег врага, правитель города направил к Хазрату (к. с.) группу людей с просьбой: «Мы в затруднении — как вести битву, благословите нас, дабы разрешить наше затруднение, сейчас самое время для вашего подкрепления». Хазрат отвечал: «Сегодня ночью, набросив на шею "полханг" (покрывало уединения), будем просить Всевышнего о возможном разрешении».

После «субха» (предрассветной молитвы) Ходжа заявил: «Через шесть дней беда отвлратится».

Воистину так и было. Население Бухары получило избавление.

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «В пору, когда народ Бухары оказался в безысходном положении, в один из дней Хазрат Ходжа (к. с.) изрек: «Не осуждайте предпринимаемые мной нынче действия, я буду без "намаза" [исламская молитва], буду совершать молебен за вас. Истинный и Пресветлый Создатель, если будет на то Его Воля, избавит вас от этой катастрофы». Ещё сказал в этот день: «В эту ночь мы накинем на шею "варза" и будем просить». Когда рассвело, народ Бухары обрёл избавление от тех варваров».

ШЕЙХ АБДУЛЛА ХОДЖАНДИ рассказывал: «Причиной моего сближения с Хазратом Ходжи (к. с.) стали следующие события. В начале «халя» я испытал «джазба». Я ощущал смятение и сильный душевный трепет. В этом состоянии я метался в разные стороны. Неожиданно я поехал в Термез. Я предстал перед светозарной могилой Ходжи Али Хакима Термези (к. с.). Мне приснился сон. Во сне сказали: «Я — Ходжа Мухаммад Али Хаким Термези». Рядом с ним был светозарный старец: «Это — Хызр, да приветствует его Аллах. Однако ты не обременяй себя хлопотами и не впадай в отчаяние, поиски твои увенчаются успехом через двенадцать лет в Бухаре у "Кутба Замана" (Полюса Времени) нашей эпохи — Ходжи Бахауддина Накшбанда», — сказал он.

Через какое-то время я увидел в мечети двух плачущих тюрок, беседующих между собой. Прислушавшись, я понял, что они говорят о «Тарикате». В душе моей появилось сочувствие к ним. Поднеся им угощение, я выказал свой интерес к их беседе. Они решили между собой: «Он — соискатель, этот дервиш должен служить нашему повелителю — Исхакходже, сыну Сахл Ата».

От этих слов в сердце моем возникло воодушевление. Я расспросил. Сказали: «Исхакходжа находится в Испид-

Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанда жабде». Я направился туда и достиг этого места. Выразив своё душевное расположение, Исхакходжа оказал мне много милостей. Я начал исполнять им службу.

Однажды я услышал, как сын говорил ему:

— Этот дервиш сильно нуждается, хорошо бы оставить его у вас в услужении. Он отвечал сыну: «Он — чадю появившегося в Бухаре "муршида" — наставника своего времени Ходжи Бахауддина Накшбанда. Мы не вправе распорядиться им». От их слов надежда моя укрепилась. Я всё время находился в томительном ожидании исполнения указания этих двух достопочтенных. Через некоторое время мне открылась дорога в Бухару. Приехав в Бухару, я встретился с Ходжи. Он заговорил так: «Добро пожаловать, Абдулла Худжанди; осталось три дня до истечения предсказанных двенадцати лет». От этого напоминания я получил сильнейшее впечатление. Наступил рассвет благодати любви к Хазрату. Он принял меня, я стал его сподвижником».

ПОВЕСТВУЮТ, что Шейх Умар Ташкенти рассказывал: «Причина моей любви к Хазрату Ходже (к. с.) то, что в моих "сухбатах" — беседах с почитающими его дервишами Ташкента, я много слышал о его достоинствах. У его дервишей я также наблюдал присутствие великих качеств. В один из дней мне пригрезился образ Хазрата Ходжи и раздался голос: «Ты должен прийти в Хорасан». Во мне появилось одно побуждение. Я вознамерился идти в Кеш, к Мавляне Арифу и Мавляне Джалалуддину аль Халиди аль Кеши. Они были близки с Ходжи. Отыскав их местонахождение, я высказал свою потребность.

Я много плакал, умоляя содействовать уделению мне немного внимания Хазратом Ишаном. Мавляна Джалалуддин сказал так: «Если бы я знал, что осуществление твоей цели зависит от меня, я бы не чинил тебе препятствий, однако, знаю —

ТРЕТИЙ МАКСАД

твое чаение осуществится у Ходжи Бахауддина. Упомянув полноту его совершенства, он сказал: «Все страстно желают "халя", "халь" же страстно желает Ходжи». Затем добавил: «Отправляйся к Ходже Бахауддину». Они оповестили меня о происшествиях и событиях, ожидающих меня в путешествии.

Я отправился из Хорасана в Бухару. В Ходжахайроне я сел на корабль, с приближением «зухра» (полуденной молитвы) прочитав «азан» (ритуальный призыв к молитве), я занялся чтением «намаза» (молитвы). Ни один из находящихся на судне не стал молиться. Мои увещевания не были приняты. Я пришёл в отчаяние. Я вознамерился броситься в воду. Я опустил ноги на поверхность. От благодати «таваджуха» (мысленного внушения Хазрата Ходжи) я пошёл, ступая по глади воды. Люди на судне, увидев это, принялись рыдать и произносить «тавба» (раскаянье). Я возвратился на корабль. Полуденную молитву мы прочитали единодушно.

Когда я достиг города Амул, произошло удивительное событие. Я в одиночку вступил на Реги Мурда (Мёртвые Пески), в дороге я встретил караван. Они предупредили: «В этих песках много троп, если заблудишься — ступай в правую сторону, слева находится Биёбони Зардак». После отдаления от них мне подумалось: «Ты идёшь к Ходжи, ты взыскуешь истины — какое может быть заблуждение!» Я направился в сторону Биёбони Зардак. Пройдя немного, я вспомнил, что голоден. Подумалось: хорошо бы сейчас — еда в котле, хлеб и вода на столе. В тени бархана появилось именно то, о чём я грезил. Увидев это, я был потрясен и долго плакал. Затем воскликнул:

— «О, Карим алал итлак!»¹³⁸ Взыскующий Тебя получает всё, чего захочет, могу ли я искать иного?» Произнеся эти слова, я ощутил ещё более усилившуюся «джазбу». Я не

¹³⁸ «Властитель всех даров» — эпитет Всевышнего Аллаха.

прикоснулся к еде. Я направился в пески. Пройдя немного, я повстречал антилоп. Они бросились прочь от меня. Подумалось: «Если моё стремление истинно, антилопы не должны бежать от меня». Тотчас же они возвратились и стали тереться об меня. Вновь, потрясённый, я долго плакал. По достижении Махона благодатью «таваджуха» (мысленно переданного внушения) Хазрата Ишана проявилось чудесное явление. Приблизившись к Сарахсу, я подумал: «Нет ни одной местности и края, где не были бы друзья Истинного Всевышнего, пока не будет благословения властьпредержащего, я не войду в этот город». Немного погодя ко мне приблизился один «дивана» (блаженный). Я поздоровался. Он ответил на приветствие и сказал: «Добро пожаловать, туркестанский дервиш!» Затем обнял меня. Достав одну почку, половину протянул мне, говоря: «Отдаю тебе половину этого добра, заходи». Войдя в город и достигнув Сарахского Чорсу, я увидел человека, которого забрасывали камнями дети. Я спросил причину. Мне ответствовали: «Его кличут Дивана Чахардарвар». Мне пришла мысль испросить дозволения у этого «диваны». Посреди этого гвалта «дивана» сказал мне: «Эй, туркестанский дервиш, слова, сказанные Давудом, — это истинные слова».

В это время у меня появилось чувство голода. Про себя подумал: «Будь в этом городе поклонник Хазрата Ходжи, я бы принял пищу из его рук». Не успел я так подумать, ко мне подошёл водонос и сказал: «Я — человек Хазрата Ходжи». Он отвёл меня к себе домой и сказал: «Ходжа уехал в Герат, до его возвращения живите здесь».

Прошло несколько дней. Ходжа возвратился. Я вышел встречать его. Ходжа ехал верхом. Его сопровождало множество людей. Из-за большого скопления народа я не смог его поприветствовать. В душе подумал: «Ходжа Бахауддин занят народом, я столько времени терпел тяготы пути, а мне

ТРЕТИЙ МАКСАД

не оказали милости, буду заниматься своими делами». Только я подумал так, Хазрат Ишан спешился с коня и, подойдя, сказал: «Добро пожаловать, туркестанский дервиш, нам было известно о твоем прибытии, я хотел встретиться наедине, но ты решил сделать недействительными свои достижения, ты не усвоил посланных тебе ясных знамений — мне пришлось заниматься тобой посреди этого общества!»

Возвратившись в свой дом, он вошёл в свободную комнату и послал за мной. Затем сказал: «Мне возвещали обо всём, начиная с того дня в Ташкенте, когда в доме такого-то дервиша в тебе появился экстаз — "джазба" и до нынешнего дня; всё, что ты пережил, какие испытал состояния, всё это было благодаря нашему "таваджуху" (духовному предстоянию, наставничеству). Когда ты удостоился беседы и всяческих почестей от Мавляны Джалалуддина Халиди Кеши, я также находился в том собрании. Когда ты сошёл с корабля и ходил по воде, я был твоим лодманом. Состояния "халя", испытанные тобой в Амуре, также инициированы нашим "таваджухом". Появившаяся в пустыне трапеза — также дело наших рук. Погонщиком стада антилоп был также я. Повесть диваны Давуда и стена Чахардарвара, слова водоноса — все эти события также от нашего "таваджуха". Захотим — возьмём, захотим — оставим». Затем воскликнул: «Крепись, отнимаю!» Прошло мгновение, я ощутил пустоту, от «халя» не осталось и следа. Ещё сказал: «Хочешь, чтобы я возвратил?» Я отвечал: «Да, хочу!» Я ощутил, что вновь нахожусь в состоянии «халя». Это действие повторилось несколько раз. Я был поражен происходящим. Хазрат сказал: «Этот "халь" у тебя появился через "джазбу" (экстаз от духовного просветления), поэтому можно принять тебя на "гасарруф" (воспитание, даваемое учителем соискателю, передаваемое духовно), однако на "халь", достигнутый следованием либо

Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанда через "сулук" (путь суфиев), обладатели "тасарруфа" не могут оказывать "тасарруф"».

В этот момент у меня проявилось новое состояние, я расстроился и долго плакал. — «Почему ты плачешь?» — спросил Ходжа. Я отвечал: «Как долго я пребывал в невежестве». Указал: «Не говори так, всё, что было тебе доселе известно, так же истинно, однако открывшееся сейчас — превыше того». Затем спросил: «Хочешь этот "халь" или прежний?» Я ответил: «Хочу нынешний "халь". — «Это не достигается без покорности», — сказал Хазрат. Я отвечал: «Принимаю покорность, всякое ваше, Хазрат, указание исполню». После этого Хазрат сказал: «Благословляю».

ПОВЕСТВУЮТ, что это событие произошло тогда, когда Мавляна Ариф (к. с.) был «халифом» (наместником) Хазрата Саида Амир Кулала (к. с.) и собеседником — «сухбатдашем» Хазрата Ходжи (к. с.). Мавляна находился в Хорезме. Однажды Хазрат Ходжа сказал о Мавляне Ариффе: «В этот час у Мавляны Арифа возникла необходимость пойти из Хорезма в Сарай. Сейчас он выехал из Хорезма и достиг такого-то места». Спустя немного времени добавил: «В душе Мавляны возникла мысль не идти в Сарай. Он повернул и возвращается в Хорезм». Была записана дата этого высказывания. По возвращении из Хорезма Мавляна Ариф поведал об этом событии так, как о нём говорил Хазрат Ходжа.

ХОДЖА АЛЯУДДИН АТТАР, да будет благоуханна его могила, поведал: «Однажды Хазрат Ходжа (к. с.) сказал мне: «Настало время "зухра" (полуденной молитвы)». Была пасмурная погода. Я сказал: «Ещё рано». Он возразил: «Посмотри на небо». Глянув в небо, я увидел, что небесные ангелы заняты исполнением полуденной молитвы. Мне стало стыдно из-за своих слов. Я принёс раскаяние, и некоторое время простоял под дождём».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа (к. с.) с группой дервишей был в одном из районов Бухары. В ближайших окрестностях людей не было. Дервиши проголодались и попросили у Хазрата Ходжи поесть. Хазрат Ходжа обратился к одному дервишу: «Иди в такой-то кишлак, в саду есть "хауз" (водоем), в "хаузе" осталось немного воды, в этой воде есть большая рыба, поймай её и принеси сюда». Согласно указаниям дервиш нашёл упомянутый сад и принёс рыбу. Её сварили. Все дервиши досыта поели.

ПОВЕСТВУЮТ, что в одном путешествии Хазрата Ходжи (к. с.) сопровождала группа дервишей. Запас провианта закончился. Спросили поесть у Хазрата Ишана. «О чём вы мечтаете?» — спросил Ходжа. Дервиши отвечали: «Хорошо бы в Талли Бузурге оказалось жаркое». Хазрат велел направляться в Талли. Там появился всадник, который привёз и дал дервишам жаркое, соль, уксус и зелень.

ПОВЕСТВУЮТ, что Имам Араби (к. с.) на первой странице «Рисалайи кудсийа»¹³⁹ написал: «Года 796-го, в понедельник месяца Рамадан, Шейхуль Алам¹⁴⁰, аль Имам-ул алламул ариф¹⁴¹, воплотивший в себе все знания и добродетели Мавляна Амир Бузург Ходжанди (ещё до кончины Хазрата Ходжи (к. с.)), призвал меня из Чадирруда в Занджир Рабат. Здесь нужно было развеять сомнения вставших на путь разногласий и споров. Я отправился в путь. Перед дорогой я сделал «тавадджух» (мысленное обращение, предстояние перед наставником) к Хазрату Ходже Бахауддину Накшбанду. Был четвёртый день пути, когда, благодаря «тавадджуху», внезапно появился гонец, расспрашивающий лю-

¹³⁹ «Трактат о святости, написанный Мухуммадом Парса-ал-Бухари, известным богословом-ханафитом, идеологом братства Накшбандия».

¹⁴⁰ Шейх-Уль-Алам — Шейх Вселенной.

¹⁴¹ Предводитель отмеченных печатью арифов (Совершенных).

дей обо мне. Я призвал гонца к себе и спросил, какую весть он принёс. Гонец сказал: «Я — посланец Хазрата Ходжи Бахауддина, он направил меня к вам, четыре дня минуло с тех пор, как я выехал». Он передал мне футляр и гребень, сказав, что это передал Хазрат Ходжа, наказав при этом: «Наша симпатия направлена в вашу сторону».

СО СЛОВ ОДНОГО дервиша повествуют: «Ходжа (к.с.) проводил посев. В Бухаре стояла засуха. Однажды, придя на бахчу, Хазрат сказал: «Настало время полива, полей её». Я отвечал: «В реке нет воды». — «Во власти Всевышнего дать воду, ты же подготовь русло», — велел он. Я, как было велено, подготовил подводящие пути к бахче и стал ждать прихода воды. Наутро поступила вода и оросила бахчу. Рядом с бахчой были посева моркови и лука, которые также оказались политыми. Достоверно то, что в ручье не было и следа воды, а плотина так и оставалась закрытой».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Я был в услужении Амиру Кулалу, да будут святы его тайны. Как известно, в его обычаях был «зикри джахр» (вспоминовение вслух). Иногда я следовал зикру Хазрата Ишана Бахауддина. В те времена мои симпатии привлекала одна женщина. Уподобляясь заклинателю — магу, я закрывал глаза и повторял: «Так угодно духам».

Однажды Хазрат Ходжа (к.с.) прибыл в дом Саида Амира Кулала (к.с.). По случаю в это время было собрание «зикри джахр». Когда подготовились к зикру, Хазрат Ходжа вышел из дома и направился к дому Амира Бурхана, сыну Амира Кулала. Я также направился за ним следом. Моей целью было спросить, почему в произнесении «зикра джахр» Хазрат не последовал Амиру Кулалу. Когда Хазрат Ходжа пришёл в дом Амира Бурхана, он обратился ко мне: «Если ты не стыдишься этого благословенного дервиша, говоря «так угодно духам», постыдись Всевышнего. Почему не скажешь,

что ты расположен к такой-то женщине?» Я был потрясён этим его провидением и, прикоснувшись к подолю его, промолвил: «Я достиг своей основной цели». Хазрат Ходжа коснулся меня своими благословенными руками — я потерял сознание, затем снова пришёл в себя. Я привязался к Хазрату Ходжи и стал часто бывать в его окружении. Позже, прослышав об этом событии, Саид Амир Кулал (к. с.) стал укорять Ходжи. Амир Кулал говорил: «Он обратил к себе моего сына Амира Бурхана и дервиша Некруза». Когда весть об этом достигла благородного слуха Ходжи, он прогнал меня и Амира Бурхана из своего благородного собрания и воскликнул: «Да охранит меня Аллах от противоречия воле человека, которому благоволит Господин Истины!»

Спустя некоторое время после этого события я повстречался с Хазратом Ходжи. Он сказал: «Эй, несчастный, что же это такое — стоило немного приблизить тебя, как ты опять прогневил Всевышнего». Я взмолился: «Вам известна причина этого гнева». Велел: «Ступай к Амиру Кулалу и поведай начало, середину и конец этого дела». Следуя указанию, я предстал перед Амир Кулалом. Было много народу, я без утайки рассказал о своём состоянии. Саид Амир сказал: «Ступай туда, где твоя цель осуществится». Я немедленно направился к Хазрату Ходжи и достиг счастья Истинного Пути».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Продвинутость Амира Бурхана была выше моей, при каждой встрече с ним он разрушал мой внутренний настрой. Я решил пожаловаться на это Хазрату Ходжи — да будет свята его могила! Когда я пришёл к нему, Хазрат спросил: «Пришёл жаловаться?» Я ответил утвердительно. Он сказал: «Когда Амир Бурхан начнёт делать «таваджух» (мысленное внушение, воздействие посредством духа), ты скажи: «Не я, но он». После этого при моём приближении Амир Бурхан хотел произвести свои обычные

внушения на меня. Я воскликнул: «Не я, но он». И указал на Хазрата Ходжи. Амир Бурхан преобразился и упал без чувств. После этого он не мог больше оказывать на меня влияние «тасарруф» как прежде.

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрат Ходжа — да будет благоуханна его могила! — повстречавшись в Бухаре с дервишем, дающим наставления людям на берегу водоёма у старой мечети с западной стороны Шуристана, сказал ему: «Я слышал — вы собираетесь в Хорезм». Тот дервиш отвечал утвердительно. Хазрат Ходжа сказал: «Мы не позволим вам уехать в Хорезм». Дервиш возразил: «Оставьте эти разговоры, у вас нет такого средства». Случайно в это время подошёл Мавляна Хамидуддин Шоши с группой своих учеников. Хазрат Ходжа, поведав Мавляне об этом разговоре, сказал: «Будьте свидетелем, я не позволю этому дервишу уехать в Хорезм».

После этого тот дервиш стал готовиться к путешествию и отправился в Хорезм. По достижении им Афшаны прибыли посланцы правителя и перекрыли дорогу на Хорезм. Дервиш, сговорившись с людьми из каравана, нашёл возможность и тайными тропами направился в сторону Хорезма. Узнав об их побеге, стражники пустились в погоню за дервишем и его спутниками. Они были возвращены на землю падишаха. Когда весть об этом достигла Мавляны Хамидуддина Шоши, он произнёс: «Такими качествами "тасарруф" (обладания) отличаются люди, приближённые к Истинному Творцу».

ПОВЕСТВУЮТ, что однажды Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — вместе с дервишами сидел в Бухаре в доме уважаемого человека. Несколько дервишей отправили за угощением. Эта группа разделилась на две части, одна из которых направилась в сторону рынка Саррафон и увидела там Ходжи. После этого они беседовали в дороге с Шейхом Мухаммадом Дарахани. Он сказал: «Хазрат Ходжа спраши-

вал, почему задержались друзья». Это сообщество рассказало дервишу, что они видели Ходжи на рынке. Тот сказал: «До сего времени Ходжа сидел в доме и никуда не отлучался». Дервиши были поражены и в этом смятении пришли к Хазрату Ходжи. Хозяин дома, услышав об этом событии, долго плакал, и любовь его к Хазрату приумножилась. Тогда Ходжа сказал: «Хазрат Азизон (к. с.) в месяц Рамазан был приглашён на вечернее угощение в девятнадцать мест одновременно и, приняв все приглашения, присутствовал во всех местах».

КАК ПОВЕДАЛА группа дервишей, Хазрат Ходжа (к. с.) рассказывал: «С преданным дервишем Мухаммадом Захидом мы вышли в поле. У нас возникло удивительное состояние, и, оставив костёр, мы отправились в пустыню. В дороге мы говорили о различных вещах. Наконец речь зашла об «убудият» (самоотверженное служение) и «фана» (отрешение от земного мира). Мухаммад Захид спросил: «Доколе простирается "фана"?» Я отвечал: «До такой степени, что если сказать дервишу: «Умри!» — он умрёт». Говоря это, я вдруг почувствовал удивительное состояние и, глядя на Мухаммада Захида, сказал: «Умри!» Он тотчас же упал запертво, и душа его покинула тело. Таким образом, прошло некоторое время, после отделения души он пролежал на спине лицом к небу до полудня. Солнце находилось в созвездии Весов, стояла сильная жара, от происшедшего я сильно встревожился и был подавлен смятением. Рядом была тень, и я некоторое время посидел в тени. Я вновь возвратился к Мухаммаду Захиду. Взглянув в лицо, я увидел, что оно почернело от солнца. Моё удивление возросло. В этот момент у меня возникло просветление: «Скажи: "Мухаммад Захид, оживи!" Я трижды повторил эти слова. У него появились признаки жизни, и он пошевелился. Затем он полностью ожил и вернулся в нормальное состояние».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Хазрат Ходжа — да будет благоуханна его могила! — отправил одного дервиша с поручением. По своему обыкновению, обняв дервиша, он связал воедино с ним «халь» (состояние) и «сифат» (качество). Неожиданно один из великих почитателей Хазрата Ходжи — Ахи Мухаммад Дервиш, сопровождая уходящего, сделал несколько шагов вслед, тогда дервиш упал наземь и дух его отделился от тела. Увидев это, Ахи Мухаммад подошёл к Хазрату Ходже и оповестил его о случившемся. Ходжа подошёл к дервишу и поставил свою благословенную ногу ему на грудь. Тот пошевелился, и дух его вернулся в тело. Хазрат Ходжа сказал: «Я нашёл его на Четвёртом небе и вернул». Это происшествие усилило любовь дервишей к Хазрату Ходже».

ОДИН ИЗ благородных «сейидов» (потомков Пророка) поведал: «В пору, когда Хазрат Ходжа (к. с.) совершал паломничество в Байтул Харам (Мекка), «хаджи»¹⁴² занимались обрядом жертвоприношения. Хазрат Ходжа сказал: «У нас тоже был один сын — мы жертвуем его». Бывшие вместе с ним дервиши записали день и месяц, когда прозвучали эти слова. По возвращении в Бухару, стало известно, что в день, когда из его благородных уст прозвучали эти слова — его сын скончался».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — находился с группой дервишей в одном доме. В этот день у него [Хазрата] появились великий «сифат» (качество) и огромный «гайрат» (духовный подъём, взлёт). Этот «сифат» повлиял на всех присутствующих. Когда Хазрат Ходжа поднял голову и надел «кулах» (дервишский колпак), присутствующие, последовав его примеру, надели свои

¹⁴² «Хаджи» — паломники, совершающие обряд посещения Мекки и Медины (хадж).

ТРЕТИЙ МАКСАД

«кулахи». Тогда Хазрат Ходжа произнёс: «Мы возложили на голову венец правителя людей, теперь же мы должны подчинить самого правителя; к какому из них направим себя?» Один из дервишей назвал имя правителя, владеющего государством Мавераннахр. Хазрат Ходжа согласился: «Хорошо, направимся к нему». Была записана дата произнесения этих слов. Один из присутствовавших на этой беседе людей отправился в Кабульский вилайет. Один из эмиров Бухары скрывался там, ему написали послание: «Произошло такое событие, ты должен ради получения расположения дервишей отправить пятьсот динаров». Через несколько дней пришла весть о смерти правителя Мавераннахра. Когда проверили — оказалось, что это произошло в день, который был записан.

ПОВЕСТВУЮТ, что Шейх Амир Хусайн сказал: «Причина моего приближения к Хазрату Ходже (к. с.) следующая. Я жил в Касри Арифоне неподалеку от Хазрата Ходжи. По достижении двадцати лет моими занятиями было лишь поесть да поспать. Я не знал ни Корана, ни мусульманских правил. Каждый день Хазрат Ходжа (к. с.), проходя в мечеть, шёл мимо дверей моего дома, смотрел на меня и посмеивался. В душе моей стала возникать тоска, почему я не читаю «намаз». В одну из ночей я уснул с этой печалью. Во сне я увидел Хазрата Ходжи. В его руках было большое светлое зеркало, это зеркало он передал мне. Я увидел себя в зеркале. По пробуждению меня охватило рыдание, мне хотелось кричать всё время — я едва сдерживался. Когда я был в таком состоянии, в дверь вошёл Ходжа. «Что с тобой случилось?» — спросил он. Я молчал. — «Кто дал тебе зеркало?» — спросил он. Я ответил: «Вы». Он сказал: «Я обучу тебя мусульманским обрядам, я дам всё, что необходимо для твоего воспитания». Воистину, благодатью его священного внимания я удостоился счастья двух миров».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — находился в Хорасане. Он направил оттуда письмо, призывая к себе шейха Амира Хусайна. Когда тот достиг Сарахсы, выйдя ему навстречу, Ходжа ожидал его. Затем Хазрат сказал ему: «Ночью мне дважды был глас: "Выходи, идёт Амир Хусайн — дервиш, встречай!"»

АМИР ХУСАЙН повествует: «Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — послал меня из Карши в войско эмира Баянкули к своему отцу. Его отец был в том войске. Было очень холодно, шёл снег. Хазрат Ишан оказал мне почести, и все дервиши вышли провожать меня в путь. Мне дали много наказов. Затем сказал: «При всех обстоятельствах я буду с тобой — внешне идёшь ты, однако на самом деле иду я!» С упованием я двинулся в путь. Мной владело удивительное чувство. К вечеру я пришёл к сооружению с двумя куполами, снаружи были привязаны верблюды. Шёл сильный снег. Здесь я присел перевести дыхание. В это время прибыли трое всадников. Меня учтиво ввели вовнутрь. Расспросили о моем самочувствии. Я сказал: «Еду к войску эмира Баянкули». — «По какому делу?» — спросили меня. Я отвечал: «Я на службе у достопочтенного господина, его отец в этом войске, меня послали к нему». Спросили: «Где твои дорожные припасы, верховое животное и твои друзья?» — «Меня отправили пешком и одного», — ответил я. Один из них сказал: «Пославший его достопочтенный — воистину из друзей Аллаха, он наперёд знал, что этот дервиш поедет вместе с нами».

Перед рассветом отправились в путь. Накануне сбежал их слуга. — «Я — ваш слуга», — сказал я. Сорок пять дней я шёл с ними. Когда до Оварда было совсем близко, мы услышали, что эмир уехал на охоту. Сообщество, прибывшее со мной, направилось в сторону эмира. Как они не уговаривали меня, я отказался, сказав: «Ходжа отправил меня в Овард».

В это время подъехали два всадника, направляющиеся в сторону войска. У них было много верховых животных, одно из них дали мне. В пути они оказали мне много уважения и почестей. Меня доставили в расположение войска. Отца нашего Ходжи там не оказалось. Он был с эмиром на охоте. Я направился в сторону Термеза. Туда направлялся караван, захватили и меня. При переправе через реку Чаганруд большинство людей упало в воду, течение унесло их ослов. По достижении берега мой ослик упал — я оказался в воде, мои сапоги и одежда промокли. Бывшие здесь в это время бухарцы, потеряв меня из виду, решили, что я утонул. Вернувшись в Бухару, они говорили: «Амира Хусайна унесла стремнина Чаганруда». Супруга, услышав эту весть, пошла к Хазрату Ходжи с упрёками: «Мой супруг из-за вас утонул». Ходжа же заявил: «Супруг твой — попади он в воду, войди он в огонь, всё равно вернётся живым и здоровым». Достигнув Термеза, я пошёл в Термезский Сесуй, было время «магриба» (молитва после захода солнца). Было очень холодно. Один дервиш, подойдя, взял меня за руку и повёл в свой дом. Дом был красив, там было ещё четыре человека, с меня сняли одежду и высушили. Мне оказали большие почести. Во время намаза «иша» (последняя вечерняя молитва) меня поставили «имамом» (предстоящим). Как я ни отказывался, всё равно не уступили. Я был вынужден стать «имамом». Затем начались расспросы. Я рассказал, они много плакали. Перед рассветом я направился в Чарсу, где увидел высокого тюркского юношу. Достав из рукава большую лепёшку и поцеловав её, он передал её мне. Я, также поцеловав, принял. Я вошёл в мечеть, долго проплакал. Поел этого хлеба. Выйдя из мечети, я увидел всадника. В душе захотелось расспросить его. Поздоровавшись, я спросил о вестях. — «Прибывшие с вами спутники передали отцу вашего Ходжи весть о вашем приезде, они с нетерпением

ожидают вас, я возвращаюсь через два дня, поедете со мной, посмотрите мой дом», — сказал он и показал своё жилище. Обрадованный, я возвратился к себе. Рассказав тамошним о новостях, через два дня я отправился с этим человеком. Разыскал отца Ходжи. Передал приветы Ходжи. Он спросил: «Что сказал мой сын Бахауддин?» Я отвечал: «Он сказал, возьми то, что у них в руках — тогда они возвратятся, если не приедут — это уйдет из их рук». После этого меня повели в присутствии правителя Бухары, я передал приветствия Ходжи. Я стал служить ему [правителю]. Он не читал «намаз» (не совершал пятикратных обязательных молитв). Я сделал «амри магруф» (призыв к добродетели). Все стали совершать молитвы. Я стал «муэдзином» (читающим формулу призыва на «намаз»). Я не ел их еды. Я добывал деньги на пропитание продажей дров. Каждый раз, встречаясь с отцом Ходжи, я говорил: «Ходжа очень сильно скучает по вас».

Однажды ко мне пришли придворные правителя Бухары и спросили: «Появился враг нашего эмира, чем завершится дело?» — «Потерпит поражение», — вырвалось у меня. Они были удивлены, затем сказали: «У нашего эмира — шестьдесят тысяч воинов, а у врага — всего десять тысяч, как же эмир потерпит поражение?» Я отвечал: «Что можно поделать, если такова воля Божья?» Мои слова передали правителю. Помолчав, он поднял голову: «Этот человек ещё молод, у него нет "илма" (знаний), он не знает также ни "рамал" (гадание на песке), ни "нужум" (астрологию), на его словах невозможно строить действия». Отозвав в сторону отца Ходжи, я уговаривал его уехать, но он не принял. Через несколько дней пришёл враг эмира с войском, разгромил и разорил его. Я увидел эмира в стареньком шерстяном чекмене. Он воскликнул: «О, шейх, не послушав тебя, мы оказались в этом положении». В это время отец Ходжи сказал: «Еду с торговлей в Кабул, у меня есть три

тысячи динаров». Я возразил: «Не говорите так, вы же видите — Ходжа с нетерпением ожидает вас». Он не прислушался ни к одному моему слову и отправился в Кабул. На следующий день правитель города Саф разграбил и увёз с собой товары отца Ходжи и его сотоварищей, принеся им множество тягот. Все были потрясены. После этого я сказал ему: «Ваши вещи добродетелью Хазрата Ходжи возвратятся к вам, незамедлительно отправляйтесь в Бухару». Все приняли моё предложение. «Не задерживаясь, отправимся в путь», — решили они.

Я направился к победившему правителю и рассказал ему о происшедшем. Он велел возвратить всё, что было отнято. Он отправил со мной своего посланца. Всё, отнятое у отца Ходжи и его сотоварищей было сполна возвращено. Затем они отправились в Бухару. На Иранской дороге они остановились в Дарбанди Оханине. Я пас на лугу коня отца Ходжи, когда внезапно в сердце у меня возникла тревога. Оглядевшись кругом, я увидел, что на караван покушаются воры. Я предупредил своих спутников. Воры не смогли победить. По достижении Карши отец Ходжи остановился там. Там находилась мать Ходжи. Меня переполняло желание увидеть Хазрата Ходжи. Испросив разрешения, я отправился в Бухару. Предвкушая удовольствие встречи с Хазратом Ходжи, я радостно ехал. Не было предела моему воодушевлению, когда я увидел его благословенное лицо. Он расспросил меня о состоянии отца и матери. Я отвечал: «Алхамдулиллах! (Хвала Всевышнему)». Тогда Хазрат сказал: «Сам расскажешь о событиях, происшедших с тобой в поездке или рассказать мне?» Я отвечал: «Для вас открыто всё».

Воистину, Хазрат подробным образом поведал обо всех перипетиях, испытанных мной в пути. Слова напутствия перед моей поездкой: «Не ты уезжаешь, но уезжаю я», — оказались истинной правдой.

ПОВЕСТВУЮТ, что в одну из ночей в Касри Арифон, прочитав вместе с обществом молитву «иша» (последняя вечерняя молитва, читаемая через полтора часа после захода солнца), Хазрат Ходжа (к.с.) поручил Амиру Хусайну: «Поезжай в город, привези для нас "таранджабин" (сладость из комочков янтака)». Затем отправился домой.

Амир Хусайн рассказывал: «Я тотчас же отправился в путь. Как раз в то время развелось много волков и многих путников погубили эти хищники. На мосту Али Салман на меня напали три волка, мордами они коснулись меня. Однако никакого вреда они нанести не смогли. Когда я достиг города, люди ещё не успели прочитать вечерний намаз — «иша». Войдя на базар, я всюду спрашивал: «О, рабы божьи! Кто продаст «таранджабин» этому рабу божьему». Купив «таранджабин», я возвратился к присутствию Хазрата Ходжи. Войдя в мечеть, вместе с обществом я прочитал молитву «субх» (утренняя молитва). «Таранджабин» я отнёс к Хазрату. Спросили: «Повстречались ли в дороге тебе волки?» — «Да, однако, не смогли нанести вреда», — отвечал я. Он сказал: «Ясно, что не могли навредить — мы завязали им пасти». Люди начали перешёптываться. Ходжа спросил: «О чём разговариваете?» Друзья отвечали: «Мы удивляемся: всю ночь лил дождь, одежда же его — совершенно сухая». Я сказал: «Дождь начался, когда я приблизился к нашему кишлаку». Люди собрания удивлённо говорили: «Дождь пошёл сразу же после ночной молитвы «иша». Я заявил: «Мне открыли Врата блаженства, что мне до хождения туда-обратно и дождя!»

КАК ПОВЕСТВУЮТ со слов Амира Хусайна, он рассказал: «Как-то Хазрат Ходжа (к.с.) отправил меня по Фатхабадской дороге в город. Когда я немного прошел, на меня нашло удивительное состояние, я принялся плакать, упрекая свой «нафс» (низменную сторону души) и говоря:

«Эй, негодный «нафс», скажи, когда ты станешь мусульманином, чтобы я избавился от твоей низости!» В этом моём состоянии предо мной появился лучезарный, исполненный совершенства человек и спросил: «О чём так горюешь?» Сказав так, он поведал о своих мытарствах и аскетизме, а также в пути рассказывал о житии и подвижничестве многих шейхов. Я взмолился о милости. Он достал из-за пазухи кусок теста, дал мне и сказал: «Испеки из этого хлеб и съешь».

Я пришёл в город и, исполнив поручение Ходжи, пошёл в пекарню пекаря Ата. Увидев тесто, он долго восхищался и сказал: «Я никогда не видывал такого теста». Он расспросил о моем происхождении, я отвечал: «Из людей Хазрата Ходжи». Он со всем усердием испёк из теста два хлеба. Один был большой, другой — поменьше. Когда он принёс их мне, меньший я отдал ему, большой же — забрал себе. В сумерках я вошёл в одну мечеть. Мне послышался запах яблок. В душе возникло желание поесть плодов. В тот же миг с потолка мечети упало четырнадцать яблок. Небольшую часть хлеба я съел с яблоками. Немного подождал наступления ночи. Ночью я добрался до Касри Арифона. Вошёл в мечеть. Молитву «субх» я прочитал вместе с Ходжи. Когда я поздоровался с ним, он спросил: «Знаешь ли ты, кто тот человек, что дал тебе тесто?» — «Нет», — отвечал я. — «Что он сказал?» — Я рассказал о происшедшем и о яблоках. Хазрат сказал: «Это был Хызр, да благословит Всевышний нашего Пророка, семью и его!» Ещё добавил: «Какой счастливец и этот пекарь!» Поистине, пекарь Ата и все его близкие обратились в людей, преданных Хазрату Ходжи и до конца жизни любили его».

СО СЛОВ Амира Хусайна повествуют, что он рассказал: «Как-то Хазрат Ходжа в Касри Арифоне дал мне поручение. Я был занят этим делом, когда увидел, что к Хазрату Ходжи подошёл лучезарный человек и присел на краешек

водоёма — «хауза». Немного побеседовав, он ушёл. Затем Хазрат, подойдя ко мне, сказал: «Амир Хусайн! Видел ли ты благословенного Хызра, мир ему». Я отвечал: «Я был занят делом».

Через несколько дней Хазрат Ходжа отправил меня по делу в Бухару. Я ходил по базару. Гляжу, возле перекрёстка Саррафон в мечети сидит этот «Азиз» (достопочтенный). Я решил подойти к нему. Сделав два-три шага, я вспомнил, что Ходжа поручил мне дело; вернувшись назад, я исполнил порученное. По возвращении к Хазрату Ходже я не успел промолвить и слова, как он сказал: «Эй, старый осёл, если бы ты ступил ещё хоть шаг в сторону, то пустил бы на ветер свою веру».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа (к. с.) и дервиши шли по дороге. Они подошли к большой воде. Поднялись на мост. Ходжа изрёк: «Амир Хусайн, время служения». Амир Хусайн бросился в воду и скрылся из виду. Хазрат Ходжа, сойдя с моста, спустился вниз и посидел немного. Затем велел: «Амир Хусайн, выйди из воды». Тот вышел, однако одежда его была сухой. Ходжа спросил: «Как у тебя «халь» (состояние)?» — «Халь» — прекрасный, я был в одном доме, очень красивом, когда вы меня позвали — в стене дома открылась дверь, выйдя из неё, я пришёл к вам», — отвечал он.

КАК ПОВЕСТВУЮТ, во время прокладки канала Тароб население Бухары испытывало большие тяготы. На плечи Хазрата Ходжи (к. с.) легла тяжесть хлопот и беспокойств за муьминов (правоверных). Хазрат велел Амиру Хусайну: «Иди, торопи свой шаг в Тароб, может быть, мусульмане освободятся».

Согласно указанию, Амир Хусайн приближался к Таробу. Внезапно среди людей поднялся гвалт и шум. От правителя города пришёл приказ распустить людей по домам. Когда люди разошлись, Амир Хусайн также возвратился назад. До-

стигнув присутствия Хазрата Ходжи, Амир Хусайн поведал ему об увиденном в Таробе. Ходжа воскликнул: «Эх, если бы ты пошёл пораньше».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа (к.с.) наказал Амиру Хусайну: «Мы направляемся к нашему другу, возвратимся через пятнадцать дней, коли на то будет воля Аллаха».

Амир Хусайн рассказал: «С наступлением сумерек во мне возобладала потребность видеть Хазрата Ходжи, я стал нетерпеливым, обратив стенания к Всевышнему Творцу. На рассвете возвратился Ходжа — да будет свята его могила! — и внушительно посмотрел на меня: «Разве я не сказал тебе, что вернусь через пятнадцать дней?! Куда бы я ни пошёл — ты предо мной, ни на мгновение невозможно скрыться от тебя. Что же мне всё время быть с тобой, это — твоя цель? Брось эту привычку!» — сказал он. Затем произнёс: «Чувство любви "мухаббат" — это великое качество. Благословенные "сахавы" (последователи Пророка — да благословит его Аллах и приветствует!) обладали этим качеством, они ни на мгновение не хотели лишиться общения с Пророком, да будет мир и благословение Аллаха с ним. Тем не менее, ради их ублажения Пророк (с. а. в.) не отказывался от диалогов со старейшинами Курейшитов».

ШЕЙХ АМИР ХУСАЙН поведал: «Во время праздника Курбан (жертвоприношения) перед рассветом Хазрат Ходжа (к.с.) в Бухаре в доме Мухаммада Хаффафа рассказывал о тонких материях — «илми назик». Мне подумалось: «Если бы Хазрат Ходжа позволил, я бы навестил и поздравил с праздником его матушку. Затем он, угостив меня наедине, дал бы мне три дирама миндаля, три дирама руста и три дирама «шурданак» (солёных косточек)». После этого Хазрат Ходжа направился в мечеть, где читалась праздничная молитва «гаит курбан». Уходя, он сказал: «Ступай поздравить

мою матушку с праздником «гаит». Достигнув дома Мухаммада Хаффафа, Хазрат обратился к нему: «Освободи комнату». Мне же велел: «Войди в комнату». Тут Хазрату Ходжи принесли еду. Передав мне, он сказал: «Никто не будет тебе сотрапезником». Я досыта поел, осталось еще достаточно много еды. Затем один человек принес «руста» (засахаренные ядра урюка) и поставил перед Хазратом Ходжи. Хазрат Ходжа спросил: «Сколько дирамов это весит?» — «Три дирама», — отвечал тот. Другой человек принёс в чаше «шурданак». Ходжа спросил его: «Сколько дирамов здесь?» — «Три дирама», — отвечал тот. Немного погодя, кто-то принес три дирама миндаля. Хазрат Ходжа указал в мою сторону. Затем сказал: «Ты сегодня хотел от нас три вещи, разрешение на поздравление и различную еду — возьми эти три вещи». Затем сказал: «Не подобает дервишу просить такое, для этих вещей нам пришлось вернуться из того мира в этот мир; дабы исполнить твоё пожелание, мы обременили мирской работой одну сторону души».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, шейх Шамсуддин Кулал (к. с.), приехав из Карши в Бухару, остановился в Фатхабаде. Хазрат Ходжа (к. с.) решил навестить его. Его сопровождали Амир Хусайн и другие. Когда началась беседа, Хазрат Ходжа занялся воздействием на внутренний настрой — «батин» Амира Хусайна.

Сам Амир Хусайн рассказывает так: «Я почувствовал, что Хазрат Ходжа благосклонно и великодушно воздействует на мой внутренний мир. После этого Шейх Шамсуддин стал делать мне «таваджух» (внутреннее внушение). Он решил привести меня в смятение. Я сердцем обратился к Хазрату Ходжи. Хазрат Ходжа направил «таваджух» на Шейха Шамсуддина. У Шейха появились признаки тревожности. Немного погодя Шейх спросил Хазрата Ходжи: «Как имя

этого вашего дервиша?» — «Амир Хусайн», — отвечал Ходжа. Поднявшись с места, Шейх прижал к груди Амира Хусайна, выказал много учтивости и попросил прощения. В это время вошёл человек и, положив перед Шейхом Шамсуддином один динар, сказал: «Я потерял осла, мне посоветовали обратиться к вам». Шейх сказал: «Обратись своей просьбой к Ходжи». Спустя немного времени Ходжа поднял голову и сказал: «Твой осёл забрёл в такое-то место к западу от Фатхабада». Упомянутый человек нашёл в указанном месте своего осла и радостно возвратился.

Затем Шейх поднялся с места и вышел из присутствия наружу. Наш Хазрат Ходжа сидел с дервишами, когда один из «муридов» (учеников) Шейха Шамсуддина решил вызвать смятение в душе одного из дервишей Хазрата Ходжи. Дервиш сердцем сделал «таваджух» к Хазрату Ходже. Хазрат Ходжа направил взор на «мурида» Шейха. В одно мгновение тот преобразился, побледнел, став похожим на бурдюк, наполненный водой. Оповещённый об этом Шейх сказал: «Мурид поступил нехорошо, пусть покается. Хазрат Ходжа простит — удар, достигший рогов, сотрясает копыта». Проявив милосердие, Хазрат Ходжа возвратил невежду в прежнее состояние.

Позже речь зашла об истории с рыбой, происшедшей между Шейхула Аламом и Шейхом Булгари. Шейх Шамсуддин задал вопрос: «Есть ли в наше время люди, способные сделать такое?» Хазрат Ходжа ответил: «Есть такие люди, по велению которых вода реки Фатхабад потечёт обратно». С произнесением этих слов вода Фатхабада потекла в обратную сторону. Все присутствующие видели это своими глазами. Хазрат Ходжа произнёс: «Однако я этого не хочу». Только он произнёс это, вода вновь потекла по привычному течению вниз.

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрат Ходжа — да будет благоуханна его могила! — был в Касри Арифоне. Несколько

человек из дервишей селения Гадъют пришли, дабы послушать его благословенные речи. Амир Хусайн работал на хлопковом поле. Хазрат Ходжа сделал ему внушение и спросил: «В этих словах истина на нашей стороне или на твоей?» Тот ничего не отвечал. Внезапно все увидели, что Амир Хусайн рухнул как подкошенный — голова и шея его смешались с землей, он рассекал землю как плуг, не издавая ни единого звука.

Хазрат Ходжа стоял, прислонившись спиной к дереву. Шейх Шоды обратился к одному дервишу: «Ты на этом Пути более продвинутый, чем мы, твоё слово для Хазрата Ишана весомее нашего, уговори простить Амира Хусайна». Дервиш попросил. Хазрат Ходжа ради него простил Амира Хусайна. Вынув свою благородную ногу из «кавуша» (тапочка), поставил её на грудь Амира Хусайна. Тот зашевелился, зарыдал и попросил прощения. Тогда Ходжа сказал: «Войди в эту воду». Он указал на воду у «мазара» (могила). Амир Хусайн спустился в воду, нырнул и не появился. Хазрат Ходжа подошёл к краю водоёма. — «Амир Хусайн, выйди из воды, иначе это состояние повторится вновь», — велел Хазрат. В одно мгновение Хусайн выскочил из воды. У него спросили: «В чём причина того, что ты оставался в воде?» Отвечал: «Когда я нырнул в воду, глаза были у меня открыты, я не видел ни воды, ни неба и ни земли, ни луны и ни солнца, ни ночи и ни дня — куда бы я не смотрел, всюду я видел безграничный свет!»

АМИР ХУСАЙН рассказывал: «В Касри Арифоне я занимался обработкой земли Хазрата Ходжи (к. с.). Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — всегда говорил: «Эй, Амир Хусайн, какое бы дело я ни поручал тебе, истинный его исполнитель — это я». Благосклонной щедростью Хазрата Ишана я ощущал в себе его великие воздействия, но соотносил их не с собой, а с Хазратом Ишаном.

Однажды у меня возникла дурная мысль. Я утратил покой, Хазрат был в городе, незамедлительно я отправился в город на поиски. Добравшись до Хазрата Ходжи, я поздоровался, но он, улыбаясь, молчал. Я почувствовал сильнейшее стеснение — «кабз», бразды терпения выскочили из моих рук. Выйдя на улицу, я потерял сознание, состояние моё было тяжёлым. Дервиши рассказали о моём положении Хазрату Ходже. Ходжа заявил: «Он не избавится, пока не откроет свою тайну!» Несмотря на невыносимую тяжесть, мой «нафс», направленный на худое, не давал мне открыть тайну. Состояние моё стало невыносимым. Я рассказал о происшедшем, покаялся и молился об отпущении грехов, попросил заступничества дервишей, тогда Ходжа, смилостившись, простил и вновь открыл для меня двери великодушной благосклонности».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, в один из дней в Касри Арифоне Хазрат Ходжа (к. с.) выговаривал Шейху Амиру Хусайну: «Разве я не говорил тебе, чтобы ты выровнял середину такого — то поля, дабы земля хорошо оросилась, ты же — не сделал сказанного!» Бывший в Касри Арифоне человек по имени Хасан попросил простить его. «Помолчи, — сказал ему Хазрат Ходжа, — я оказываю милость Амиру Хусайну, ты не понимаешь этого». Разговор повторился, Хасан каждый раз просил его [Амира Хусайна] простить. Наконец, Хазрат Ходжа внушительно посмотрел на Хасана и сказал: «Оставляем Амира Хусайна тебе, что будет — возлагаем на тебя». В то же мгновение с Амиром Хусайном произошло странное: он поднимал голову и бился об землю, словно колотушка, которой выбивают из колосьев рис. Собравшихся обуяли страх и паника. Ни один из сидевших людей не посмел просить Хазрата Ходжи. В этом собрании были Хазрат Ходжа Юсуф и группа «улемов», поднявшись с места, они попросили Ходжи. Хазрат Ходжа сказал: «Из уважения к вам, прощаю

Амира Хусайна». В то же мгновение состояние Амира Хусайна изменилось, и он пришёл в нормальное положение.

ПОВЕСТВУЮТ, что однажды в Касри Арифоне в саду «ханак» (обители дервишей) было большое собрание. Присутствовали «улемы» и граждане. Среди них была группа противников Хазрата Ходжи. В этой группе был проповедник из сыновей имама Абубакра Фазла, отрицающий Хазрата Ходжи. Вдруг в калитку сада вошёл Амир Хусайн. Направив на него свой благословенный взгляд, Ходжа сделал ему «таваджух» (мысленное обращение): «Амир Хусайн, доколе ты будешь противиться — с ростом твоей веры возрастает и твоё противоречие!» — «В чём моя вина?», — спросил Амир Хусайн. Ходжа отвечал: «Разве я не поручил тебе выровнять землю под редьку, чтобы полив был обильным, а что сделал ты?» Амир Хусайн отвечал: «Сделал, как было велено». Ходжа отправил несколько человек, дабы проверить указанную землю. Пойдя и увидев, что середина участка оказалась выше и поэтому вода не оросила его и редька там не взошла, вернувшись, они рассказали об этом. Хазрат Ходжа грозно взглянул на Амира Хусайна. В тот же миг Амир Хусайн рухнул наземь, из горла его раздавался хрип, лицо его переместилось назад, а затылок свесился на грудь. Это происшествие потрясло очевидцев — такое положение продолжалось длительное время, никто не решался просить за Хусайна. Наконец Ходжа Юсуф, «улемы» и упомянутые противники — проповедники встали с мест и униженно стали просить о прощении. Хазрат Ходжа принял просьбу. Затем погладил шею Амира Хусайна, тот вернулся в прежнее состояние. Таким образом, отрицание противников сменилось признанием.

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет благоуханна его могила! — был в Бухаре. Амир Хусайн прибыл из Касри Арифона и приветствовал Ходжи. Направив на него свой благословенный взгляд, Ходжа спросил: «Амир Хусайн,

что произошло?» Тот безмолвствовал. — «Сколько лет ты наш собеседник?» — спросил Ходжа, тот отвечает: «Семнадцать лет». Ходжа: «За столько лет ты хоть раз почувствовал неправоту наших слов?» — «Нет» — был ответ. — «Почему же тогда ты не отвечаешь?» — спросил Ходжа. Тот опять молчал. Ходжа воскликнул: «Если ты не скажешь, скажу я — ты засматриваешься на одну женщину!» Едва Ходжа произнёс эти слова, как из горла Амира Хусайна вырвался крик, лицо его переместилось назад, затылок же его прилип к груди. Лицо Амира почернело, и он долгое время пролежал в таком виде. К счастью, здесь присутствовал один достопочтенный человек, поднявшись с места, он стал просить. Ходжа отвечал: «Помолчи, ты не знаешь пути дервишей, он [Хусайн] приближается к тому, чтобы сказать правду». Амир Хусайн поведал правду о происшедшем. Хазрат Ходжа сказал: «Видя силу, данную нам Истинным Творцом, зная, что сказано в хадисе: «Ит-таку фарасатал муьмини фаиннаху янзуру бинуруллахи»¹⁴³ — ты доставляешь нам хлопоты. Почему сразу не говорил правду?» Хусайн пролепетал: «Я поступил дурно, раскаиваюсь». Ходжа провёл своей благословенной рукой по шее Амира Хусайна. Тот вернулся в исходное состояние.

ПОВЕСТВУЮТ, что после смерти Амира Хусайна один дервиш увидел его во сне. Он задал вопрос: «Эй, шейх, как ты отвечал на вопросы «Азизон» (великих предшественников — шейхов)?» Тот (Хусайн) отвечал: «Пришли Азизон и хотели задавать мне вопросы, однако, прежде чем вопросы задали, пришёл Хазрат Ходжа, взял меня за руку и увёл».

ХОДЖА АЛЯУДДИН АТТАР, да будет благоуханной его святая могила, поведал: «Саид Амир Кулал (к. с.) в начале «халя» Хазрата Ходжи (к. с.), оказывая ему благо-

¹⁴³ «Вы вооружены чуткостью муьминов(правоверных), ибо они видят светом Аллаха».

склонность, говорил: «Я вскормил тебя сполна молоком воспитания и взрастил из яйца птицу духовности твоей, однако она оказалась более высокого полёта». Сказав так, он позволил ему призывать людей к Господу Истины [Аллаху]. В своём присутствии он повелел установить «тасарруф» (духовную связь) со своим сыном Амиром Бурханудином. Когда он [Амир Кулал] повторно повелел сделать это, Хазрат Ходжа подчинился, об этом повествовалось выше.

Однако «макам» (высшая ступень) идущих к светозарному Аллаху — это любовь, и все высшие проявления связаны с любовью. Один из атрибутов любви это ревность. Без ревности любви не бывает. По этой причине иногда Амир Кулал в начале «халя» Хазрата Ходжи не позволял своим сторонникам следовать ему. Тому пример Шейх Хосров, который поначалу был в служении Амира Кулала, практикуя «зикри хуфия» (скрытое вспоминание) и «алания» (громкое вспоминание). Во время служения Шейх Хосров заговорил о Хазрате Ходже, Амир Кулал же запретил это. Заставил поклясться в том, что Хосров не станет подданным Хазрата Ходжи. И даже называл того «чародеем».

В начале «халя» Хазрат Ходжа Бахауддин своими благородными устами часто читал этот бейт.

Бейт: *«Тарсидани мо зи рузибадномий буд,
Зи чи тарсим, ки бадном шудим».*

*«Боялись раньше мы
под именем «плохой» прослыть,
Чего ж теперь бояться нам,
коль это имя стали мы носить».*

Хотя, казалось бы, в отношении Амира Кулала к Хазрату Ходже произошли перемены, однако, нет никаких со-

ТРЕТИЙ МАКСАД

мнений в том, что «файз» (чистый свет), дарованный Хазрату Ходже, возник также благодаря участию Амира Кулала, в чем нет сомнений:

*«Богбон гар бикуюшояд дари дарвиш ба бог,
Охир аз бог биёяд бар дарвиш насим».*

*«Коль дверь откроет дервишу садовник в сад,
Подует ветер из двери на дервиша,
ведь ветру больше нет преград».*

Когда Хазрат Ходжа (к. с.) занимался установлением истинности обрядов Тариката, Ходжа Юсуф (к. с.) отправил в Сухар Амиру Кулалу более пятидесяти человек «улемов» и людей другого звания для того, чтобы отвратить его от «зикра алания» (громкого вспоминовения), говоря: «Улемы» не позволяют этого». Хазрат Амир Кулал ответил: «Не отвращусь».

ПОВЕСТВУЮТ, что Шейх Хосров сидел в сапожной мастерской «тима» (торгового ряда) Калабад в Бухаре. В это время в его руках было четыре или пять тысяч динаров наличных денег, он помогал нуждающимся. В один из дней в его лавку явился Хазрат Ходжа (к. с.). Шейх Хосров, войдя в лавку, затворил дверь, говоря: «Между вами и мной — стальная стена, Амир Кулал заставил меня поклясться, что я не сяду с вами». Хазрат отвечал: «Выходи сюда, можешь не садиться со мной, торгуйся со мной стоя». Тот вышел наружу. Хазрат Ходжа покупал болгарские сапоги для Масуд Шаха Кушки Хиндувани. Амир Хосров заявил: «Меньше чем за одиннадцать — не продам». Наконец спустился до девяти, затем до восьми. Хазрат Ходжа сказал: «Каждый день продаёшь сапоги, чтобы сбыть каждую пару сапог — ты противоречишь своим словам и говоришь ложь, а ещё претендуешь на

Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанда святость!» Сказав так, он удалился. В душе Шейха Хосрова усилилась тяга к нему. Он утратил покой. Заперев лавку, он пустился вслед. В этот день не нашёл его. Наутро он снова сидел в лавке, когда пришел Хазрат Ходжа. В разговоре он обмолвился: «Султан Арифов Абу Язид (к. с.) говорил: «Если я пошевелею концом чалмы или своего кушака, люди потеряют покой и ввергнутся в смятение, желая меня. Мы же говорим, что если пошевелим кончиком рукава, то население целого города потеряет покой, разыскивая нас».

*«Имруз дар ин шахар хамегардам чист,
Межуям окиле, ки девона кунам».*

*«Прихода моего в сей город цель одна:
Хочу найти я умного и сделать его «дивана».*

Сказав так, удалился. Смятение Шейха Хосрова усилилось и полностью овладело им. Таким образом, Хазрат Ходжа воспитывал его, тот же утратил покой, нуждаясь в Хазрате Ходже, однако к общению [его] не допускали.

Однажды шейх Хосров с желанием найти Хазрата побывал во многих местах, но нигде не нашёл его. Вечером он прослышал, что Хазрат Ходжа со своими приближёнными сидит на крыше дома одного человека. Когда он достиг этого места, дабы не дать ему подняться, Хазрат Ходжа велел подтянуть лестницу на крышу, тот до полуночи оставался внизу:

*«Хама шаб чун жарас нолида бар дар,
Зи кас нашнида овози «даройид».*

*«Ночь напролёт под дверью он стенал, молил.
Никто не внял мольбам
и не сказал «войди» и дверь не отворил».*

ТРЕТИЙ МАКСАД

Он был в ожидании милостивого снисхождения. В конце ночи, потеряв надежду, он ушёл. Позже Ходжа сказал ему: «Если бы тогда ты вытерпел до утра, то достиг бы цели».

В нём проявилось чудесное вдохновение. Эту боль желания он усилил болью слов:

*«Дар дили манн ба дид донист,
Душвори манн дил шуда, осон донист,
Гуфтам, саномо, зи васл навмид шавам,
Гуфто ки, машав, хануз натвон донист».*

*«Услада в сердце у меня желанье встречи распознала,
Страданье сердца моего легко расшифровала.
Сказал: «Возлюбленная, отказаться ль от мечты?»
Ответила: «Зачем, ужели ничего не понял ты?»»*

КАК ПОВЕСТВУЮТ, когда Шейх Хосров не находил себе места в поисках расположения Хазрата Ходжи (к. с.), многократно возросла потребность принятия. Однажды в тщетных поисках Хазрата Ишана, сколько не искал его в городе — не нашёл. Взяв лук, хлеба и масла, пришёл в Касри Арифон. Однако, не нашёл его и там. Оставив принесённую еду в доме Хазрата Ходжи, снова возвратился в город. В конце дня, проходя мимо базара, в медресе¹⁴⁴ Харчаг увидел Мавляну Абдулазиза (к. с.). Тот был последователем Хазрата Ходжи. У ворот сада дервиша по имени Шоды Намак он выполнял работу жестянщика. Здесь был сад, у новых ворот сада готовилось угощение. В то время Хазрат Ходжа обменивался с ними визитами. Кстати, в этот день Хазрат Ходжа был здесь в гостях, шейх Амир Хусайн готовил тут же плов. Мавляна Абдулазиз колот дрова. Ходжа Аляуддин и Шейхзада Муаннул фукара были поглощены беседой с Хазратом

¹⁴⁴ Медресе — духовное учебное заведение.

Ходжи. На благородном теле Хазрата не было рубахи. Шейх Хосров вошёл и, поздоровавшись, сел. В начале Хазрат Ходжа не обратил на него внимания, затем, вырвав клочок шерсти из своей благословенной шубы, протянул шейху Хосрову, как бы говоря, возьми. Когда тот пытался взять, Хазрат Ходжа отдёргивал руку, таким образом, несколько раз повторив это движение, он воздействовал — сделал «тасарруф» на внутреннее состояние Хосрова.

Говорят, это было первое явленное Хазратом Ходжи воспитание «халя» Шейха Хосрова. Когда Хазрат Ходжа первый раз отдёргнул руку и не дал шерсть, Ходжа Аляуддин и Шайхзада впали в транс — в тот же миг они покатались по земле. Из рта у них пошла пена.

КАК ПОВЕСТВУЮТ, во время лихорадочных поисков Шейхом Хосровом Хазрата Ходжи (к. с.), Хазрат сидел в келье Мавляны Арифа (к. с.) в квартале Гаукушон в окружении своих последователей, беседуя с ними. Наконец Шейх Хосров услышал, что Хазрат Ходжа с учениками находится у «мазара» (могилы) Мухаммада Турка Ходжанди. Шейх Хосров направился туда, и там он увидел Хазрата Ходжи, который сидел на пороге. Ходжа Юсуф, ученики Хазрата Ходжи и группа «улемов» сидели выше Ходжи. Когда благословенный взор Ходжи упал на Шейха Хосрова, он сказал: «Входи, мы получили благословение от «улемов», в руках которых право решить твой вопрос, теперь же спросим снова, чтобы ответ слышал ты сам». Затем Ходжа обратился к «улемам»:

«Если некий соискатель на пути Всевышнего удостоился беседы одного шейха, обрёл, либо не обрёл в нём духовное просветление; затем удостоился беседы другого дервиша, где обрел духовное просветление и почувствовал раскрытие внутреннего мира посредством бесед его; и стал исполнять служ-

ТРЕТИЙ МАКСАД

бу этого дервиша, упомянутый же шейх взял клятву с этого соискателя в том, что он не сядет больше с тем дервишем, какого пути должен придерживаться сей соискатель? что говорят об этом «имамы» (лидеры богословов), да будет доволен ими Аллах».

Ходжа Юсуф и собравшееся сообщество «улемов» ответили:

«Выбор за самим соискателем, пусть практикует там, где достигнет большего духовного роста. Если же дана была клятва, предпочтительно её нарушителю совершить искупление вины. В подтверждение этого можно привести хадис Пророка (с. а. в.): «Фал яттиллазий хува хайруху валукаффир ан яминихи валлаху таъала аъламу¹⁴⁵».

Услышав сказанное, Шейх Хосров почувствовал, что перед ним открылись двери счастья, сильно возрадовался, упования его ещё более окрепли, и желание быть в услужении Хазрата Ходжи ещё более усилилось.

Можно привести много высказываний шейхов Тариката, да будут святы их тайны, подтверждающих ответ Ходжи Юсуфа (к. с.) и других «улемов». Ещё аргумент — речения Аллаха:

قُلْ فَاتُوا بِكِتَابٍ مِّنْ عِنْدِ اللَّهِ هُوَ أَهْدَىٰ مِنْهُمَا أَتَّبِعُهُ إِن كُنْتُمْ صَادِقِينَ¹⁴⁶
(سورة القصص)

ПОВЕСТВУЮТ, что Шейх Хосров рассказал: «В один из дней Хазрат Ходжа (к. с.) шёл по дороге. Я шёл¹⁴⁵ «Довольно, принесите лучшее от него, и да будет клятва его искуплена. Аллах Великий всеведущ».

¹⁴⁶ «Скажи: «Так принесите Книгу от Аллаха, Что будет лучшим вам водительство, чем эти, И буду следовать я ей, Если вы правду говорите».

Священный Коран, сура «Рассказ», аят № 49.

по его благословенным следам. Обращаясь к другому человеку, он сказал, указывая на меня: «Этот человек поднимется на небо». Несколько дней я удостоивался его благословенных «сухбатов» — бесед. Я хранил в памяти его святые слова. Он [Хазрат] направил меня в Кармину. Благодаря великой милости, оказанной им, в пути у меня проявилось великое качество — «сифат». Однажды, читая молитву поминовения усопших, во мне начало проявляться чудесное изменение. Я увидел, как поднимаюсь на небо, я достиг такого места, которое невозможно описать языком, это было ни небо, ни земля, ни солнце, ни луна и ни звезды; куда ни глянь — был только бескрайний свет».

ПОВЕСТВУЮТ, что когда Хазрат Ходжа (к. с.) отправился из Каршинского вилаята в Сарипул, Шейх Хосров и группа дервишей Кармины направились туда для встречи Хазрата Ходжи. По достижении Тойкента они услышали, что Хазрат Ходжа отправился в Сарипул. Тогда Шейх Хосров сказал: «Сердце подсказывает мне, что Хазрат Ходжа в Кашоне». Отправившись туда, в дороге повстречали дервиша, принесшего в «качкуле» (сосуд из тыквы) халву. Дервиши решили: «Отнесём эту халву Хазрату Ходжи». Когда приехали в Кашон и удостоились счастья увидеть благородное лицо Ходжи, тот, подозвав голого юродивого ребенка, сказал: «Возьми халву, которую просил». Окружающие рассказали, что в конце дня этот юродивый мальчик просил у Хазрата Ходжи халву. Он отвечал: «Потерпи, утром придут друзья Всемогущего Аллаха и принесут халву».

ПОВЕСТВУЮТ, что когда Хазрат Ходжа (к. с.) прибыл в Кармины, Шейх Хосров, справляя его службу, был в состоянии сильного духовного вдохновения. Взглянув в его сторону, Хазрат Ходжа сказал: «Не сможешь сделать». Соратники спросили его [Хосрова] о причине этого. Он поведал: «Не в си-

лах совладать с охватившим меня воодушевлением, я подумал: «Когда наш Пророк — да благословит его Аллах и приветствует! — приходил в дом к своим последователям, они показывали множество примеров преданности и самопожертвования, у меня же нет ничего, кроме единственного сына — пожертвовать бы им». Тогда Ходжа сказал: «Не сможешь исполнить».

ПОВЕСТВУЮТ, что однажды Шейх Хосров, взмолившись, пожаловался Хазрату Ходжи (к. с.): «Воды Харомкома зачастую смывают створ Кармининского оросительного канала, приходится заново копать русло. Это доставляет много тягот народу. В эти дни разлив опять грозит разрушением его. Развелось очень много волков, люди сильно напуганы. Много хлопот жителям Кармины доставляют разбойники». Тогда Хазрат Ходжа сказал: «Отныне воды Харомкома не будут разрушать створ Кармининского оросительного канала. Волки также не будут досаждать никому. Разбойники больше не причинят страдания народу Кармины».

В дни, когда из благословенных уст прозвучали эти слова, пришёл указ падишаха: «Проезжие не должны обременять народ Кармины». Прошло вот уже более тридцати лет, как не было разливов в начале Кармининского оросительного канала. Эти слова Хазрата известны и почитаемы в народе.

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Шейх Хосров рассказал: «Однажды Хазрат Ходжа в Касри Арифоне беседовал с одним старцем. В это время я вошёл и поздоровался. Упомянутый старец поднялся с места и направился в сторону сада. Хазрат Ходжа сказал: «Это — Хызр, да приветствует его Аллах». Он дважды повторил эти слова. Я, не сказав ничего, стоял безмолвно. Спустя два или три дня, я опять увидел этого старца. Они стояли внутри дервишеской обители, Хазрат Ходжа беседовал с ним. Спустя два месяца я встретился на базаре в Бухаре с этим старцем. Увидев меня, он улыбнулся; я по-

здоровался, ответив на приветствие, он прижал меня к своей груди. В любезной форме расспросил о моём состоянии. По возвращении в Касри Арифон Хазрат Ходжа сказал: «На базаре ты повстречался с Хызром, мир ему».

ПОВЕСТВУЮТ, что однажды вечером Хазрат Ходжа (к. с.) находился в доме Шейха Хосрова. Вельможи Кармины почтительно стояли в готовности служить ему. Хазрат Ходжа, обратившись к Шейху Хосрову, сказал ему: «Выйди, посмотри, кто стоит у дверей». Выйдя, Шейх увидел человека по имени Юсуф с блюдом полным груш. «Я пришёл удостоиться чести увидеть лик Хазрата Ишана», — сказал он. Он вошёл в дом, поприветствовал Хазрата Ходжи и поставил перед ним блюдо с грушами. Хазрат Ходжа надолго задумался об истинном значении этих груш. Это длилось очень долго, затем, взяв одну из груш своей благословенной рукой, отдал Юсуфу. После этого сказал Шейху Хосрову: «Отнеси эти груши в укромное место, раздели между присутствующими, но никто не должен есть их». Обратившись к Юсуфу, Хазрат спросил: «Мы размышляли об истинном значении этих груш, сказав, чтобы никто их не ел; скажи правду — в чём секрет того, что ты замыслил в душе?» Юсуф ответил: «Я прослышал, что в Кармины прибыл один властьпредержащий. Я решил испытать его. Выбрав одну грушу, я спрятал её под остальными. Пусть выберет и даст её мне, подумал я». Ходжа сказал: «Посмотри хорошенько — эта груша?» — «Да, та самая», — был ответ.

После происшедшего Хазрат Ходжа дал ему наставление: «Нехорошо испытывать творения Великого и Славного Господа: если бы я не нашёл эту грушу, ты бы распустил язык и отдалился от нас; какая нужда испытывать человека, исповедующего веру Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует!»

ПОВЕСТВУЮТ, что в Кармине жил один вельможа. Однажды он оказал несправедливость в отношении одного из дервишей Хазрата Ходжи (к. с.), допустив непозволительные речи, задел также достоинство Хазрата Ходжи. С тяжестью на душе дервиш поведал об этом Шейху Хосрову. Присутствующие дервиши высказались: «На этом Пути происходит много подобных событий, множество притеснений претерпели святые и угодники, может быть, благодатью Хазрата Ходжи Всемиловитый Господь ниспошлёт ему прозрение...»

Наутро этот вельможа, придя в присутствие дервишей, выказал раскаяние и сожаление, говоря: «Ночью я видел сон, будто бы оказался в водовороте. Я был на волосок от смерти, внезапно появился Хазрат Ходжа. Потянув меня за руку, он спас меня. Я искренне раскаялся и истово просил прощения». Дервиши воскликнули: «Ты удостоился почёта и счастья, поздравляем».

Он отправился домой. Спустя время пришёл человек, рассказавший, что вельможа лишился рассудка — разорвал одежды и бегаёт по полю. Дервиши пошли в его дом. Посадив его на коня, привезли к себе. Ноги его были изранены. Он был в сильном душевном волнении. Увидев дервишей, он немного успокоился. «Что с тобой случилось?» — спросили его, он ответил: «Увидев меня в том состоянии, близкие стали порицать меня, дали мне чашу водки, едва я взял её в руку, как увидел гневно ворвавшегося Хазрата Ходжи, который хотел чем-то ударить меня. Видя это, я потерял сознание». Затем он попросил дервишей: «Отведите меня к Хазрату Ходжи». Он был в таком состоянии, словно ему в ногу впились палка, и, не в силах её выгащить, он испытывал страшные мучения. Положив на паланкин, его отправили в Бухару. Достигнув присутствия Хазрата Ходжи, он удостоился милостивого взгляда, исцелившись внешне и внутренне, отрёкся от власти и правления.

КАК ПОВЕСТВУЮТ от Шейха Хосрова, он рассказал: «Как-то вечером Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — отправил меня из Бухары в Кармины. Из любезности он отправил спутниками своих людей. Ночью мы достигли Кармину. Почему-то я потерял покой и был в смятении. Пошёл в баню. Выйдя из бани, я вошёл в мечеть. В мечети не оказалось циновки. Снова пошёл домой. Разбудил спутника. На берегу реки Харомкон мы набрали один выюк соломы, привезли и расстелили в мечети. Ещё не наступил рассвет, как благодатью Хазрата Ишана, мы нашли его здесь».

ХОДЖА АЛЯУДДИН АТТАР — да будет благоуханной его могила — поведал со слов нашего Хазрата Ходжи (к. с.): «Однажды я ехал верхом, вдруг животное, без видимых причин оставив дорогу, направилось в другую сторону. Сколько я ни дёргал поводья, [оно] не останавливалось и продолжало идти. Я почувствовал, что здесь есть некая тайна. Его ведёт благодатное дело, подумал я. Смотрю — в степи один человек провеивает зерно, подметает землю, подбирает оставшиеся зерна. Сойдя с коня, я сел напротив него. В соломе у него было четыре дыни, быстро сходяв, он принёс их мне. Я сказал ему: «Оставив большие две дыни, ты принёс две маленькие». Он снова сходил и принёс остальные две». Немного погодя, Ходжа сказал ему: «Между нами появилось хлебосольство, пойдём в твой дом — твоя жена готовит в «тандыре» (печи для хлеба) голову барана». Шейх Шоды рассказывает: «Когда его [Хазрата] благородные стопы достигли моего дома, поистине оказалось так, как он говорил». Таким образом, благодать любви Хазрата Ходжи появилась в доме Шейха Шоды. Они всегда очаровывались беседами Хазрата Ходжи.

ПОВЕСТВУЮТ, что любовь и почитание Хазрата Ходжи (к. с.) безраздельно властвовали в семье Шейха

Шоды. Однажды, сильно желая увидеть Хазрата, Шейх Шоды и его близкие, находясь в земном поклоне, воскликнули: «О, великий Аллах, во имя величия Твоего, доставь к нам Ходжи Бахауддина». В это время стояла зима, было очень холодно. Прошло мгновение, Хазрат Ходжа вошёл и заговорил: «Если бы не ваши заслуги, дело было бы трудным. Разве в такое время кто-нибудь беспокоит дервишей, прося Всевышнего?! Я сидел, облокотившись, сказали, этот «факир» (бедняга) желает видеть тебя. Как ни старался, не было возможности остаться, в такой холод пришлось прийти из Касри Арифона!»

ПОВЕСТВУЮТ, дервиш Мухаммад Захид Ревартуни был в доме Шейха Шоды. Он сказал Шейху Шоды: «Я жертвую тебе мою жену, я дал ей развод, возьми её». Шейх Шоды тоже сказал Шейху Мухаммаду Захиду такие же слова. Произнося эти слова, оба потеряли сознание, упали наземь и стали «фани» (отсутствующими). Долгое время пролежали так. Бывшие в доме подумали, что они умерли. Все были в смятении. В это время Хазрат Ходжа (к. с.) приспел из Касри Арифона и вывел их из этого состояния. Затем сказал: «Я был в Касри Арифоне, когда вы вошли в состояние жертвенности, и, когда были в нынешнем состоянии, мне был глас: «Проведай наших рабов!» И я ночью прибыл сюда».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в Касри Арифоне, когда Шейх Шоды пришёл из Гадъюта. Он начал просить прощения за свои преступления. Хазрат Ходжа сказал: «Говори о возмещении». — «У меня есть бык, я предназначаю его», — отвечал тот. Ходжа заявил: «Такое возмещение не принимается, у тебя есть сорок восемь динаров, ты спрятал их в щели стены и замазал сверху, сейчас это место почернело от дыма — ты должен принести эти деньги». Шейх Шоды изменился в лице. Быстро сходяв, он принёс эти деньги. Взяв один динар, Хазрат Ходжа дал

его Шейху Шоды и спросил: «Этот один динар — «харам» (запретный), где ты взял его?» Шейх Шоды вспомнил, что выиграл его ещё до того, как последовал за Хазратом Ходжи. «Этот динар — оттуда», — и рассказал об этом Хазрату. Хазрат сказал: «Вот на эти сорок семь динаров купи быка, паси его и служи рабам Божьим».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в Карши. Однажды он сказал: «Один из наших дервишей Шоды Гадьюти совершил прегрешение, через три дня он будет здесь». На третий день прибыл Шейх Шоды, Ходжа не допустил его на «сухбат» (беседу). Прошло несколько дней. После многих просьб он был прощён. На вопрос приближённого он отвечал: «Я в Касри Арифоне принёс дрова в дом Ходжи, где допустил одну ошибку, впад в смятение. И я отправился к Хазрату Ишану, сюда я прибыл за три дня».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в Гадьюте. Шейх Шоды, войдя к Хазрату Ишану, поздоровался. Он был в хорошем настроении. Ходжа спросил: «Шоды, ты кажешься весёлым?» Тот, поклонившись, отвечал: «Я рад вашему приезду». Ходжа сказал: «Эта твоя радость — от другого человека, не от нас, ты нашёл на дороге несколько монет, однако — не посмотрел на них».

Позже дервиши спросили: «Какое событие имело место?» Шейх Шоды отвечал: «Я спешил к Хазрату Ишану, когда увидел на дороге несколько золотых монет. В душе возникла мысль: «Спрячу их от людей». Тут же я раскаялся. Себе же сказал: «Что мне за дело до монет». Я сделал три-четыре шага, и у меня появилось состояние радостного подъёма».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Я был в Гадьюте. Благодаря Шейху Шоды я удостоился любви Хазрата Ходжи.

Шейх Шоды часто говорил: «Не вытягивайте ноги в сторону, где находится Хазрат Ходжа». Как-то в дороге в жаркое время я сидел в тени, прислонившись к дереву. Что-то дважды ужалило мои ноги. Появилась сильная боль. Поднявшись с места, я стал искать. Ничего не было. Я снова сел, прислонившись к дереву. В третий раз повторилось также. Я задумался, мне вспомнились наставления Шейха Шоды, смотрю, мои ноги вытянуты в сторону Касри Арифона, я понял что это — урок мне».

ПОВЕСТВУЮТ, что когда Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — направлялся в Хорезм, Шейх Шоды следовал по его благородным стопам. По достижении берега Харомкома Хазрат сказал Шейху Шоды: «Ступай по воде и перейди её». Тот ступил на воду и перешёл на другую сторону. Ходжа спросил: «Посмотри-ка, промокла твоя обувь или нет?» Посмотрел — нигде не было влаги. После этого велел Шейху Шоды вернуться назад. Сколько тот ни умолял: «Позвольте идти вместе с вами!» — Ходжа всё равно не принял просьбу. Ему сказал: «Мне было указание, возврати Шоды назад, он для тебя "хиджаб" (завеса)».

Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — рассказал: «После возвращения Шоды назад, пришло Божественное повеление, мне открылись восемнадцать дверей "вилаят" (святостей), я один отправился в Хорезм. В конце дня я достиг Ямана. Ночью в мечети этого кишлака моих ушей достигло: «Твоя мать просит тебя у Нас, вернись назад к матери». К слову, люди этой мечети не собирались в мечети [на молитву]. Во время ихнего сбора я сделал наставления. Они все покаялись. Взяв четыре изюмины, я направил стопы упования в Карши — в направлении матери. Когда достиг Банундака, относящегося к рубежам Бухары, было время намаза "иша" (последней молитвы после захода солнца)». Со стороны На-

сафа приближался в спешке караван. Караванщики говорили друг другу: «Что с нами случилось, мы должны были остановиться во время молитвы "аср" (молитвы перед закатом солнца), однако гоним караван до молитвы "иша"». Услышав эти слова, я сказал себе: «Я — не из этого сообщества, чтобы есть из их пищи». Затем быстро направился в сторону Насафа. Я удостоился чести посетить мою родительницу».

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ рассказывает: «Мне было мало лет, я бесцеремонно спросил Хазрата Ишана: «Вы ещё в Пути?» — «Да», — был ответ. Я спросил ещё: «Посредством кого-то или без посредника?» Сказал: «Ты хочешь раскрыть мою тайну?» — Я замолчал».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сидел в Гадьюте в доме одного дервиша. Шейх Шоды прислуживал ему. Когда их благословенный взгляд упал на Шейха Шоды, тот вдруг упал и переменялся состоянием. Среди присутствующих появились признаки паники. Сидящие принялись умолять о прощении вины. Ходжа сказал: «Сначала надо спросить — почему случилось это событие».

Сколько ни спрашивали Шейха Шоды, он не отвечал. Хазрат Ходжа сказал: «Он с нежеланием дал нам саман, поэтому его живот царапают рога; из-за этого он не может говорить; что мы можем поделать — он сам это натворил». Затем добавил: «Мы просили у него саман, он дал его неохотно. Когда принесли саман — наши быки не стали его есть».

Дервиши попросили простить его проступок. Ходжа, приняв просьбу, привёл его в чувство. Собратья спросили у Шейха Шоды: «Что ты говорил, когда давал саман?» Он ответил: «О, мой Господь, я беден, у меня совсем немного самана. Вы же, Хазрат, где бы ни попросили, вам дадут с удовольствием, а раз так, почему просите у меня?»

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Шейх Шоды рассказывал: «На рассвете Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — шёл в сторону Бухары. Этот недостойный [так именуется себя повествующий] и Шейх Мухаммад Захид сопровождали его. Когда рассвело, остановились у Шейха Мухаммада Рохани. Хазрат сказал ему: «Принеси для нас с базара провизию, однако в таком-то и таком-то дуканах не бери. Тот принёс провизию. Ходжа спросил его: «Я говорил тебе не брать в таком-то дукане, почему же ты взял?» Когда проверили, оказалось, что деньги этого дукана получены от разбойников.

КАК ПОВЕСТВУЮТ со слов Шейха Шоды, он рассказал: «Когда я удостоился чести быть принятым Хазратом Ходжи — да будет свята его могила! — мне стало легко жертвовать и быть жертвенным. У меня было сто динаров, мои близкие сказали мне: «Эти деньги мы спрячем». Я согласился; пойдя в город, я купил сапоги из ослиной кожи и несколько других вещей. Про себя я решил, что пройду в Гадьют через Касри Арифон. Когда я пришёл в присутствие Хазрата Ходжи, он спросил: «Шоды, для чего ты ходил в город?» Я отвечал: «Было небольшое дело». — «Покажи сапоги из ослиной кожи и другие вещи». Я показал. Ещё он сказал: «Принеси также оставшиеся сто динаров». Затем заключил: «Хочешь, милостью Аллаха обращаю гору в золото? Однако, мы в этом мире «факиры» (нищие) и выбрали нищенство, мы не признаем таких вещей. Действия такого рода — из другого мира, тебе ни в чём не будет нужды, зачем заботишься о деньгах? Впредь никогда не делай этого!»

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — иногда бывал в Гадьюте в домах других дервишей. Семья же Шейха Шоды хотела, чтобы его благородные стопы всегда направлялись только в их дом.

В один из дней, вечером, Хазрат находился в Гадьюте в доме одного дервиша. Семья Шейха Шоды стала умолять

Всевышнего Аллаха, говоря, что Хазрат Ходжа в нашем кишлаке, пусть бы он пришёл в наш дом. Перед рассветом Хазрат Ходжа пришёл в дом Шейха Шоды и сказал: «Пресветлый Создатель привёл меня в этот мир, чтобы я наставлял людей на путь истинный, ты же просишь Творца, чтобы Бахауддин, придя в ваш кишлак, бывал только в вашем доме и не ходил в другие места. Куда годятся такие слова? Нужно быть великодушным, нельзя все время думать только о себе!»

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — велел Шейху Шоды: «Продай быков». Шейх Шоды выполнил это указание — продал быков, однако, одного быка красной масти оставил. По прибытии в Гадъют Хазрат не оказал милости Шейху Шоды. Немного погодя Шейх Шоды переменялся, из его живота раздавался звук, похожий на звук маслобойки. Хазрат Ходжа несколько раз повторил: «Что мы можем поделаться, тебя лягает этот красный бык».

Дервиши стали просить за него прощения. Хазрат Ходжа простил Шоды и вернул его в прежнее состояние.

ПОВЕСТВУЮТ, что однажды Шейх Шоды отвез на базар и продал козлёнка. Когда он вернулся домой, Хазрат Ходжа взял из его рук вырученные деньги, затем сказал: «Когда вернёшься домой — скажи жене, что деньги за козлёнка забрал Ходжа и использовал их».

Шейх Шоды пришёл домой и сказал жене: «Деньги за козлёнка я завязал в пояс и выронил их». Только он произнёс это, у него появилась подавленность и тоска, он утратил душевное спокойствие. Немного погодя, приехал из города Хазрат Ходжа и спросил у домочадцев Шейха Шоды: «Что сказали вам Шоды?» Они отвечали: «Он утверждает, что деньги за козлёнка он завязал в пояс и выронил их». Ходжа возразил: «Он говорит неправду, я велел ему: «Скажи домашним, что деньги забрал и истратил Ходжа. Его состояние тоски появи-

лось по этой причине», — затем, смилостившись, вывел его из этого состояния.

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в доме у Шейха Шоды. Он оказывал благосклонность нуждающимся людям, в это время вошёл Шейх Шоды. Он вступил с левой ноги. Ходжа спросил: «Шоды, почему ты невежественноходишь в комнату, где мы сидим, что с тобой случилось?» Сказав так, упёр указательный палец в землю. Шейх Шоды упал вверх ногами и потерял сознание. У людей, увидевших это, возникло чувство панического страха. Все принялись плакать. В это время пришёл один дервиш, касаясь лицом земли, он долго молил о прощении Шейха Шоды. Ходжа простил Шоды. Затем сказал: Муршиду (наставнику) подобает с великодушием исправлять каждую частицу и каждую каплю недостатков мурида (ученика); если мы укажем тебе твою оплошность — насколько большее великодушие мы тебе окажем!»

ПОВЕСТВУЮТ, что однажды в доме Шейха Шоды дервиши готовили «татмач» (разновидность лапши), некоторые бросали «татмач» в котёл небрежно. Только они закончили бросать «татмач» в котёл, как из Касри Арифон прибыл Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — и, обращаясь к Шейху Шоды, гневно воскликнул: «Закрой крышку!» Затем, обращаясь к дервишам, упрекнул: «Как можно назвать то, что вы делаете; я был сильно занят, смотрю — вы небрежно бросаете «татмач» в котёл, в спешке я прибыл сюда».

Состояние общества вмиг изменилось, все были смущены. Шейх Шоды попросил прощения, Хазрат Ходжа простил. Затем велел Шейху Шоды: «Открой крышку». Открыли крышку, смотрят — еда превратилась в виноград. Это событие стало причиной для многих людей встать на истинный путь.

КАК ПОВЕСТВУЮТ, однажды дервиши Хазрата Ходжи — да будет свята его могила! — собрались в доме Шейха Шоды и готовили «ширбринч» (молочную рисовую кашу). Когда каша сварилась, разложили по косам (тарелкам), никто не смог съесть даже горсти. Все были в смятении: «У нас у всех спазм в горле, в этом есть какая-то тайна, мнение таково — еду собрать в котёл, будем ждать, что же произойдёт».

Немного погодя, появился Хазрат Ходжа (к. с.) и с душевным подъёмом сказал: «Когда я выходил из Касри Арифона, вы поставили котёл на огонь очага, я был уже близко, когда вы стали раскладывать еду по косам. Чтобы вы не съели всё, я перекрыл ваши глотки».

С большим воодушевлением дервиши принесли еду Хазрату Ходжи. В «сухбате» (беседе) этого дня были явлены удивительные состояния (халь).

ПОВЕСТВУЮТ, что в один из дней Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в доме Шейха Шоды. Было очень холодно. Был поздний час ночи. Хазрату Ходжи потребовался свет. В поисках огня Шейх Шоды вышел наружу и пошёл в дом одного дервиша. Для того чтобы принести огонь, попросил посуду. Жена дервиша дала для огня поломанную косу и выразила множество извинений. Принеся огонь, Шейх Шоды развёл костёр. Хазрат Ходжа согрелся. Затем спросил: «Эй, Шоды, откуда ты принёс огонь?» Шейх Шоды рассказал о бедной женщине. Ходжа велел: «Иди в дом несчастной женщины, расскажешь мне всё, что услышишь от неё».

Шейх Шоды быстро отыскал бедную женщину и по возвращении рассказал Хазрату Ходже её слова. Наутро бедная женщина пришла в присутствие Хазрата Ходжи. Собралось множество народу. Хазрат Ходжа обратился к этой женщине и сказал: «Говори, какая у тебя задумка?» Дело было так, ста-

руха, её дочь и зять были пленниками в Гадъюте. Рассказав о своей и дочери большой нужде, она взмолилась: «Мы две женщины не в состоянии служить этому обществу». Хазрат Ходжа ответил: «Ты и твоя дочь освобождаетесь от рабства. Однако ты проявила непомерную скупость, если бы ты попросила все население Бухары — я бы отдал его тебе».

Поистине было так — старуха, дочь, зять и их сын освободились от рабства и удостоились благ веры и мира.

ПОВЕСТВУЮТ, что как-то вечером Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сидел в доме одного из дервишей в квартале Калабад в Бухаре. В этой беседе Хазрат Ходжа, обращаясь к Мавляне Дадаку Куфини, сказал: «Признак любви в том, что мы выполняем то, что говорим». Мавляна Дадак заявил: «Всё, что поручит Хазрат — всё исполню, я повяжу пояс службы на поясницу души». Хазрат Ходжа перечислил различные дела и в конце добавил: «Готов совершить даже воровство?» Мавляна Дадак задумался, затем отвечал: «Перечисленное — "Хаккуллах"¹⁴⁷, нет предела Его щедрости. Однако, воровство — это посягательство на право людей».

Затем Хазрат Ходжа, обратившись к Амиру Хусайну, сказал: «Ступай в квартал Самарканд дарваза (Самаркандские ворота). Найди там дом с такими-то отличиями, пробей дыру, в комнате есть мешок с одеждой и тканями, возьми и принеси его». Амир Хусайн, вскочив с места, нашёл указанный дом, пробил дыру, взял указанные вещи и принёс. Хазрат Ходжа для проверки и принесения вестей послал в тот дом группу муридов. Когда группа подходила к дому, услышав какие-то голоса, топот ног, спряталась в сторонку. Увидели шайку воров, которые пришли в этот дом для кражи.

¹⁴⁷ Хаккуллах — право Аллаха. Оно включает в себя дела, вознаграждаемые либо караемые. Противоположность — Хакуннас — права людей, включающие грехи, которые вначале должны быть прощены людьми.

Увидев отверстие в доме, они сказали друг другу: «Наверное, это — лучшие хитрецы нашего времени, опередив нас, они утащили мешок».

Когда рассвело, Хазрат Ходжа, дав мешок одному дервишу и поручив отнести хозяину дома, сказал: «Передай ему, шайка воров покушалась на ваше добро, узнав об этом, дервиши унесли ваше добро и спасли его».

ОДИН ДЕРВИШ повествует: «Когда Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в Мерве, меня стало беспокоить состояние моих детей. Обратившись к Амиру Хусайну, я сказал: «Подобрав подходящий момент, попросите Хазрата Ходжи отпустить меня, сказав, что из Бухары пришла весть о гибели моего друга Шамсуддина».

Этот день был пятница. Когда Хазрат Ходжа выходил из соборной мечети, Шейх Амир Хусайн сообщил весть о смерти моего друга Шамсуддина. Хазрат Ходжа ответил: «Он не умер, сюда доходит его дух». Хазрат Ходжа произносил эти слова, когда Шамсуддин прибыл из Бухары и поздоровался с Ходжи. Хазрат Ходжа произнёс: "Амир Хусайн, вот пришёл Шамсуддин". Присутствующие были поражены. Это предание известно и знаменито в Мерве».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, дервиш Баба Сахиб Самарканди рассказал: «Когда слава о великих качествах Хазрата Ходжи Бахаул Хак вад Дине (Бахауддине) распространилась по всему миру, у меня появилось желание послушать его благословенный «сухбат». Я отправился в Бухару. У меня была мысль: придя в Бухару, первым делом удостоиться беседы с Хазратом Ходжи. По дороге я увидел группу и подумал, что это дервиши Хазрата Ишана. Я поспешил за ними вслед. Я представлял, что Хазрат Ходжа сначала должен подать мне воду, никто не должен пить вместе со мной. Сделав один шаг, я обратил внимание, что упомянутая группа остановилась. Из

их среды вышел один светозарный и достопочтенный человек, на его лице отражались знаки величия и святости. Подойдя ко мне, он прижал меня к груди и дважды повторил: «Добро пожаловать, Баба Сахиб Самарканди». Представьте себе, раньше я никогда не встречался с этим достопочтенным. Я был изумлён, откуда он меня знает? Он расспросил меня о самаркандских "алимах" (учёных) и "фазылах" (мудрецах). Достигнув места назначения, все собрались вместе. Собрание было великолепное, и состоялась наполненная великим смыслом беседа. Немного погодя, Хазрат Ходжа принёс хлеба и воды в чаше, сказав: «Пей, это — твоя "насиба" (предопределение), никто не будет тебе сотоварищем». Затем добавил: «Не надо так огорчаться сомнениями "азизов" (ближайших единомышленников)».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, при возвращении Хазрата Ходжи — да будет свята его могила! — из первого паломничества в Байтуллах (Мекку), человек по имени Мавляна Мухаммад Харави приехал следом за ним из Багдада. Он выражал нетерпеливую потребность и горячее желание в получении благодати от Хазрата. Ходжа сказал: «Время ещё не подошло».

В один из дней, когда собралась группа дервишей, Хазрат Ходжа (к. с.) заявил: «Настала долгожданная пора для соискателей и влюблённых!» Сказав это, он призвал Мавляну Мухаммада. Хазрат Ходжа сказал ему: «Будь готов, получишь от нас удовлетворение». После этих слов коснулся указательными пальцами его коленей. Состояние того преобразилось. Возвратив его в прежнее состояние, Хазрат Ходжа сказал: «Будь осторожен, время проходит», и вновь оказал ему милости. Мавляна вновь впал в упомянутое состояние, вновь, приведя его в чувство, сказал: «Будь очень внимателен, времени совсем мало». Вновь оказал ему благосклонность и милость. Затем спросил Мавляну: «Эй, мусульманин, время

Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанда
ли сейчас думать о Баги Загане?» Мавляна Мухаммад принялся плакать, разорвал в клочья на себе одежду и впал в глубокое смятение.

Позже собравшиеся дервиши спросили у него: «Какова повесть Баги Загана?» Он ответил: «Однажды с другом из единоверцев мы были вместе в местности Баги Заган, этот друг сказал мне: «Эй, дружище, когда ты повстречаешь одного из друзей Аллаха, благодатью беседы его ощутишь блаженство. В этот момент не забывай обо мне». В упомянутое время мне вспомнился тот друг».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, один дервиш рассказывал: «При возвращении Хазрата Ходжи — да будет свята его могила! — из великой Мекки, да приумножатся её слава и почитание, по достижении Мазандаранского вилаята ему сопутствовал Мавляна Сайфуддин Абхари из «улемов» (учёных-богословов) Герата. Хазрат Ходжа отправил Мавляну с вашим покорным слугой в Хорезм. Отпросившись у Мавляны, из Хорезма я отправился в Бухару. Достигнув Бухары, я узнал, что Хазрат Ходжа нынче в Мерве. Повязав пояс учтивости, я отправился в Мерв. Моим спутником стал один из дервишей Хазрата Ходжи — дервиш Тотканди. В пути этот дервиш говорил слова, в которых сквозило неуважение к Хазрату Ходже.

По достижении Мерва мы не знали, где остановиться. День клонился к закату. Спросить было не у кого. В растерянности мы подошли ко двору одного дома. В душе появилось чувство притяжения. Мы постучали в двери дома. Изнутри послышался голос Хазрата Ходжи, звавший меня по имени. Когда мы вошли, Хазрат Ходжа не поздоровался с дервишем Тотканди. Из-за слов, сказанных в дороге, это положение длилось десять дней. Наконец, отец Хазрата Ходжи вступил за него [дервиша]. Только после этого Хазрат простил его».

ПОВЕСТВУЮТ, что один из дервишей Хазрата Ходжи — да будет свята его могила! — спросил у Ходжи Алаул Хак ваддина (Аляуддина): «Какой он, на ваш взгляд, "халь" (состояние сердца)?» Он ответил: «Его состояние мне не известно». Дервиш сказал: «По моему мнению, состояние сердца похоже на трёхдневный месяц». Присутствующие рассказали об этих словах Хазрату Ходже. Ходжа сказал: «Дервиш поведал о своём состоянии». Затем призвал к себе Ходжи Аляуддина Атгара. Оказав ему много милости, наложил свои стопы на стопы Ходжи Аллауддина. От «тасарруфа» (духовного единения с наставником — Хазратом) того охватило великое состояние. Когда Ходжа Аляуддин пришёл в себя, Ходжа велел: «Изложи своё [пережитое] состояние». Тот ответил: «Я обозрел в себе всё сущее». Хазрат Ходжа спросил: «Такое состояние твоего сердца; если настолько грандиозно состояние твоего сердца — как ты можешь описать "халь" своего сердца?»

Мисра: *«Васфи дилдар баён намеояд».*

«Состояние сердца не поддаётся описанию».

«Ла йасаъани арзи ва ла самаи валакинна йасаъани калбу абдил муъмин»¹⁴⁸. Тайный смысл этого хадиса поймёт только тот человек, который знает, что такое сердце».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Стать последователем Хазрата Ходжи — да будет свята его могила! — меня побудила следующая причина: когда Хазрат Ишан (к. с.) захворал в Касри Арифоне, бухарские дервиши, собравшись вместе, пришли проведать его. Повстречавшись с Хазратом Ишаном, встали у его изголовья. Они были сильно подавлены болезнью Хазрата Ишана. Хазрат, поднявшись с места,

¹⁴⁸ «Состояние сердца не поддаётся описанию».

велел двоим крепко перетянуть ему поясицу. Затем вошёл в дом. Немного погодя, он пришёл в «ханаку» (обитель), неся на своих плечах козу. Это событие стало причиной возникновения у очевидцев любви к Хазрату.

После этого сказал мне: «Ступай в наш дом, скажи ребёнку, пусть даст тебе казан, чашу и всё, что необходимо для приготовления еды. Если же ребёнка не окажется — постучи дверным кольцом и потребуй перечисленные вещи, встань в сторонке, чтобы вынесли [вещи], затем, взяв вещи, принеси их сюда».

Придя в кишлак, я увидел у дверей одного дома сидящую старуху. Я не знал дома Хазрата Ишана, поэтому я спросил у этой женщины, который дом принадлежит шейху Бахауддину. Женщина начала ругаться. Затем сказала: «В этой местности нет никакого шейха, есть один грубый бессердечный злодей — вон его дом».

Я сильно расстроился от её слов. Согласно указаниям, взял вещи и принёс их в указанное место. Глядя на меня, Хазрат Ходжа спросил: «Ты пришёл другим, нежели когда ушёл от меня — в чём дело?» Я был вынужден рассказать о случившемся. Ходжа велел: «Иди, принеси "дастархан" (скартерть)». Я пошёл, ругательства женщины стали хуже прежнего: «Как можете называть его шейхом, у него нет ни "зикра", ни "самаг" (вспоминовения в форме напева, стихов), ни "хилвата" (отшельничества)!» Её слова уязвили меня ещё больше. Я принёс «дастархан» Хазрату Ходже. «На этот раз ты пришёл в ещё более удручённом состоянии», — сказал Хазрат. Я рассказал о причине. Ходжа сказал: «Вот в этом саду есть один дервиш, имя его Амир Хусайн, он занимается земледелием, позови его». Когда прибыл Амир Хусайн, сказал ему: «Иди, скажи этой женщине, что творя злодейство и бездушие, ты клеветешь на нас, согрешив с таким-то

в таком-то сарае, когда зародился ребёнок, ты изгнала его и закопала в таком-то месте». Затем, обратившись ко мне, сказал:

— «Ты иди вместе с Амиром Хусайном, погляди, что скажет эта женщина».

Амир Хусайн ушёл. Эти слова он передал несправедливой женщине. Женщина принялась плакать, стелая и моля:

— «Я раскаиваюсь, оказывается, творения Истинного Пресветлого Господа осведомлены о таких делах».

ПОВЕСТВУЮТ, что дервиши Хазрата Ходжи — да будет свята его могила! — делали в Баги Мазаре (Мемориальный сад) трубу для самовара. В это время затерялся серп Хазрата Ходжи. Сколько ни искали, найти не смогли. «Иншааллах» (Даст Бог), серп обязательно найдется», — сказал Хазрат Ходжа. Затем написал послание одному из дервишей Гадьюта. Смысл был таков: «Войди в Гадьюте в дом Кутбуддина. Войдя, посмотри наверх, на потолочной балке висит завёрнутый в бязь серп — возьми его и отправь к нам». Дервиш нашёл по этим признакам серп и отправил его.

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «До того, как удостоился бесед Хазрата Ходжи — да будет свята его могила! — я жил в Насафе. У меня гостил один термезец. У него была красивая дочь. Она понравилась мне. Однажды я застал её дома одну, обнял и поцеловал. С тех пор прошло достаточно времени. Как-то из Бухары пришёл один дервиш. Я захотел его беседы. Оказалось, он из дервишей Хазрата Ходжи. Когда он направился в Бухару, я пошёл вместе с ним. Дойдя до Касри Арифона, я нашёл Хазрата Ходжи.

— «С каким делом пришёл?» — спросил Хазрат Ходжа. Я отвечал:

— «Хочу достичь «сухбата» (беседы) дервишей».

— «Где эти слова, а где поступки; обнимаешь и целуешь девушку из Термеза, а говоришь, что жаждешь беседы

Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанда дервишей», — укорил Ходжа. Я оправдывался: «Я не знал, что делаю неправильно, ведь вас там не было». Ходжа сказал: «Мне сказал человек видевший». Я был поражён и привязался к его «сухбату».

ПОВЕСТВУЮТ, что один мусульманин потерял двадцать пять динаров. Он обратился с мольбами к Хазрату Ходже (к. с.). Хазрат Ходжа сказал: «Взяла домашняя служанка». Поймали служанку. Она сказала: «Я закопала в землю». Хазрат Ходжа сказал: «Зарыто всего три динара». Проверили, в действительности оказалось так, как говорил Хазрат Ходжа.

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сказал одному дервишу: «Отвези эти несколько тюков зерна на мельницу, скажи мельнику, чтобы дал тебе очередь. Ещё скажи, ничего, что погода холодная — зимой вода не замёрзнет и твоя мельница не остановится. Такое было во времена Шейхуль Алама (Шейха Вселенной¹⁴⁹). Мы также говорим, этой зимой вода не замёрзнет». Воистину было так, как сказал Хазрат Ходжа.

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в Гадьюте. Один дервиш с почтением принёс несколько плодов граната. Хазрат Ходжа велел Мухаммаду Захиду Ревартуни: «Раздели гранаты». В это время Мухаммад Захид в раздражении посетовал: «Пропал мой "гулям" (раб)». Хазрат Ходжа произнес: «Две ночи и два дня будь нашим собеседником, на третий день к твоему приходу "гулям" будет дома».

Мухаммад Захид на третий день пошёл домой, не успев он рассказать домочадцам о словах Ходжи, как открылась дверь, и вошёл «гулям». Все были поражены. Спросили у «гу-

¹⁴⁹ Здесь речь идёт о великом святом Абдулхалике Гудждувани (к. с.), носившем этот почётный титул.

ляма» о произошедшем. Тот отвечал: «Я шёл в Насаф, вдруг ноги перестали двигаться, я понял — это исходит из другого места, и вынужденно возвратился назад».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — отправился из Касри Арифона в Насаф. Одному дервишу он поручил принести в дом дров и намолоть муки.

В Насафе Хазрат Ходжа при единомышленниках сказал: «Этот дервиш — помощник сейчас несёт дрова в наш дом. Он подумал сейчас: «Было бы хорошо, если бы Хазрат Ходжа был здесь — он бы увидел моё усердие». Он без желания отнёс дрова к нам. Люди в доме, видя его недовольство, не приняли дрова. Сколько он ни молил, бесполезно. Дервиш впал в безысходность. Через три дня он прибудет сюда».

Община ожидала, когда сбудутся благородные слова Хазрата Ходжи. Спустя три дня явился этот дервиш — работник. Собратья спросили его о самочувствии. Он поведал о том же, что говорил Хазрат Ходжа.

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Однажды Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в Гадьюте. Он сказал мне: «Отнеси в наш дом в Касри Арифон немного дров из сладкой солодки». Гляжу, заготавливать солодку оказывается тяжело. Прибавив к солодке колючки, я заготовил дрова и принёс в Касри Арифон. Через три дня вернулся Хазрат Ходжа. «Принёс дрова?» — спросил он меня. — «Да» — ответил я. Он сказал: «Историю дров расскажешь сам или мне рассказать?» Я сказал: «Для вас — [всё] явно». Тогда Хазрат Ходжа сказал: «Сначала ты собирал дрова из солодки, затем подумал и, смешав с колючкой, принёс в дом».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в Мерве. Гадьютские и другие дервиши удостоились счастья лицезреть Хазрата Ходжи. Некоторое время Хазрат Ходжа был к их услугам. Когда Хазрат Ходжа

давал им благословение на возвращение, он сказал так: «Придя в Бухару, окажите почтение дому, находящемуся в саду Аляуддина, и проявите внимательность».

Через некоторое время Хазрат Ходжа прибыл в Бухару. Гадьютские дервиши посетили его. Увидев их, Хазрат Ходжа попенял им на их недостаток: «Вы не оказали почести дому в саду Аляуддина». Затем произнёс: «Дервиш должен знать и делать так, как говорит «пир» (наставник, учитель), это служит средством достижения блаженства — «саадата».

ХОДЖА АЛЯУДДИН АТТАР — да будет благоуханна его могила — поведал: «Однажды я массировал ноги Хазрату Ходжи — да будет свята его могила! В том кругу случайно присутствовал один отпрыск достопочтенного отца. Ходжа рассказывал о «фана» (отключение, утрата собственного «Я»). В разговоре Ходжа сказал: «Святым даётся в состоянии "фана" способность "тасарруф" (духовная связь с учеником — соискателем)». Упомянутый отрок спросил у Ходжи: «Как "аулия" в состоянии "фана" делает «тасарруф?» Хазрат Ходжа своими благородными ногами коснулся моей груди. У меня возникло такое состояние, что я потерял себя. Эта его благосклонность, начавшись перед молитвой «аср» (до заката солнца), продолжалась до пред-рассветной молитвы «субх». Когда, придя в себя, я приблизился к Хазрату Ходжи, он сказал так: «Произведенное с тобой действие было нужно, чтобы у этого сына благородного отца укрепились вера».

ПОВЕСТВУЮТ, что как-то Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сидел в лавке своего дервиша Мухаммада Турка Куфини в Бухаре. Находясь в высокой степени — «джазба», Куфини произносил высокопарные речи. Среди них были такие: «Что это за дервишество, когда кошка сядет на тонкий побег дерева в Багдаде, а дервиш этого не увидит?»

Эти слова достигли Хазрата Ходжи. Хазрат сказал так: «Что за польза тебе в этих словах; радей за мусульманскую веру, будь непоколебимым на великом пути шариата Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! — а от этих твоих слов дело не продвинется».

От такого его [Хазрата] великодушия присутствующие воспряли духом.

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в священной Мине в доме сына Султана Абу Саида Абулхайра (к. с.) Ходжи Муайида. Он испытывал к Хазрату Ходжи большую любовь.

Как-то в дороге Хазрат Ходжа увидел одного дервиша. «Он — из друзей Аллаха, но нас не знает», — сказал Хазрат. Придя в досточтимый дом, он сказал Ходжи Муайиду: «Сегодня в вашем городе я видел одного из истинных друзей Всевышнего, если позволите — пусть он придёт сюда». Затем отправил за ним одного дервиша. Когда пришёл приглашённый дервиш, между ним и Ходжи Муайидом начался спор о «Тарикате» (духовном пути суфиев). Хазрат Ходжа сидел безмолвно. Сколько ни просили дервиши Ходжи сказать что-либо значительное, Ходжа не стал этого делать. Тогда дервиш вышел из этого дома и, взлетев, приземлился на высокое место. Хазрат Ходжа улыбнулся на это и сказал: «Это легко». Спустя немного времени, дервиш снова пришёл к услугам Ходжи. Ходжа сказал: «Что это за поступок? К таким делам у созданий Истинного Пресветлого Господа нет никакого уважения. Если бы избранники Божьи продемонстрировали людям хоть малую часть того, чем их наделил Всевышний — человечество бы поверглось в изумление!» Дервиш отвечал: «Вот уже сорок пять лет, как я путешествую по земле, десять раз совершил «хадж», посетил могилу Пророка Мухаммада, да будет с ним мир и бла-

гословение Аллаха, однако не видел ни одного, хотя бы немного одарённого Всевышним Творцом». Ходжа возразил: «Есть в мире такое сословие!» Сказав это, он коснулся указательным пальцем колена дервиша. Преобразившись, тот свалился на землю — он побелел, жизнь в нём прекратилась. Какое-то время он оставался в таком состоянии. После этого Хазрат указательным пальцем коснулся его лба. Дервиш открыл глаза и пошевелился. Горячо взмолившись, он сказал: «Я совершил дурное дело, раскаиваюсь в этом, по невежеству своему я допустил неуважительное отношение к вам». Затем он коснулся руками смирения подола могущества Хазрата Ходжи и произнёс: «Я пойду в «хадж» (паломничество по святым местам), исполняя вашу службу». Ходжа отвечал: «Ты сказал, что десять раз совершил «хадж». «Те — не в счёт», — был ответ. Хазрат Ходжа сказал: «В тебе должно проявиться смирение — ты должен пойти в Герат».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Был день праздника «курбан гаит» (праздник жертвоприношения). Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — вышел из мечети. Следом за ним шло множество народу. Сын Саида Амир Кулала — Амир Бурхан, постигший духовную полноту посредством благородного внимания Хазрата Ходжи, также следовал за ним. Видя, как люди тянутся к Хазрату Ходжи, достигшему вершины почёта, Амир Бурхан тихонько произнёс: «Как было хорошо, когда в прежние времена Хазрат Ходжа не был хорошо известен, вот была сила «халя» (просветлённого состояния), вот было сознание [самости], вот было замечательно! Как же теперь люди досаждают ему».

Я был рядом с Амиром Бурханом. Хазрат Ходжа неспеша шёл впереди. Когда Амир Бурхан произнёс эти слова, Ходжа приостановился. Амир Бурхан приблизился к Ходже. Ходжа, взяв Амира Бурхана за ворот, слегка встряхнул. Ве-

ликое состояние овладело тем, и у него не было сил устоять на ногах. Хазрат Ходжа подхватил его. Некоторое время это состояние продолжалось. Затем Бурхан пришёл в себя. Тогда Ходжа спросил: «Что скажешь о «хале» и «карубе» (близость Всевышнему) — есть они сейчас или нет?» Амир Бурхан, извиняясь и раскаиваясь, произнёс: «Каруба» сильнее прежнего своего воздействия».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сидел у дверей мечети в Касри Арифоне. Из разных мест собрались дервиши, образовалось большое общество. Из Тоткана также пришёл один дервиш, дабы удостоиться чести быть рядом с Хазратом Ишаном. Ходжа отказал ему в милости. «Ты пришёл без нашего благословения, по твоей вине население Мохона пострадало», — сказал, строго глядя на него, Хазрат. Тот, преобразившись, потерял сознание и некоторое время лежал неподвижно. Один дервиш попросил простить его. Ходжа произнёс: «Разве ты сердечнее относишься к нему, чем я? Помолчи!». Пока был приготовлен «татмач» (разновидность лапши), прошло время. Пришёл отец Хазрата Ходжи и сказал: «Сочувствие общества обращено к провинившемуся дервишу». Ходжа отвечал: «Если он не пойдёт в Мохон и не повинится перед людьми, и народ не извинится от ущерба, нет ему [виновнику] к нам дороги». Сказав так, он коснулся дервиша благословенной ногой и произнёс: «Встань!» Тотчас придя в себя, тот повинился. Все дервиши были потрясены этим событием.

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — шёл по дороге. Тут же по дороге, взгромоздив на плечи большое бревно, шёл один мясник. Увидев Хазрата Ходжи, он попросил помочь ему. Когда Хазрат Ходжа хотел поднять одну сторону бревна, стоявшие за ним дервиши, попросив дозволения, подняли бревно. Хазрат Ход-

Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанджа произнёс: «Эй, бедняга-мясник, ты бы мог построить красивый дом из дерева, которое мы несём, но не останется ни твоего дома, ни твоей жизни!»

Наутро мясник стал «дивана» (юродивым), разорвав одежды, он метался по полю. На какое-то время скрылся от людей. Однажды, когда Хазрат Ходжа сидел, а к его услугам были Шейх Амир Хусейн и Шейх Шоды, внезапно появился этот безумный мясник. Смиренно и униженно он, стоя, выражая почтение Хазрату Ходжи, произнёс: «Благодаря вашей благосклонности я избавился от всех вещей!»

Хазрат Ходжа ненадолго вышел по делу, в это время между мясником и Шейхом Шоды началась полемика. Обе стороны разгорячились. Мясник, взлетев, сел на стену. Хазрат Ходжа велел Амиру Хусейну: «Пусть мясник придёт после молитвы «аср» (перед закатом)». Амир Хусейн передал слова Ходжи мяснику. Тот спустился со стены вниз.

После молитвы «аср» мясник пришёл к Ходже. Хазрат Ходжа, сделав несколько шагов вперёд, сказал Амиру Хусейну: «Быстро расскажи — о чём был спор». Амир Хусейн всё рассказал от начала до конца. Ходжа грозно посмотрел на Шейха Шоды. В тот же миг тот покатился по земле, в нём произошли разительные перемены. Некоторое время он пролежал в этом состоянии. Мясник был потрясён и взмолился к Хазрату Ходжи: «Что произошло?» Ходжа отвечал: «Это произошло из-за тебя, он спорил с тобой и смущал твою душу: если ты не будешь им доволен, он не вернётся в нормальное состояние». Мясник воскликнул: «Я доволен им!»

— «Приподними его голову с земли!» — велел Ходжа. Тот сделал так. Шейх Шоды открыл глаза и зашевелился. Благословенным взором и дыханием Хазрата Ходжи у мясника проявились великие качества, и он стал истинным другом Всевышнего.

МАВЛЯНА ЯКУБ ЧАРХИ (К. с.) ПОВЕСТВУЕТ: «До того как я последовал за Хазратом Ходжи — да будет свята его могила! получив благословение от великих шейхов Бухары, я собрался на родину. Я повстречал Хазрата Ходжи и долго умолял его принять в «муриды» (ученики). Он спросил: «Почему вы сейчас возвратились?» — «Буду справлять службу» — ответил я. — «Ради чего?» — спросил Ходжа. — «Ради того, что вы — великий человек и признаны народом» — отвечал я. Он отвечал: «Нужны более веские доводы, возможно, это — наущение «шайтана» (нечистого)». Я сказал: «В достоверном хадисе (предании от Пророка) сказано, что Всевышний Аллах, сделав кого-то другом, всегда наполняет чувством дружбы к нему сердца подданных своих». Хазрат Ходжа улыбнулся и сказал: «Мы — «мурид» (последователь) Азизон (благочестивых шейхов — предшественников)». Я был потрясен, поскольку месяцем раньше видел сон — во сне мне было сказано: «Стань чадом мурида Азизон!» Я позабыл об этом сне. Этот сон всплыл в моей памяти. После этого Ходжа сказал: «Обязательно найди Мавляну Таджуддина из Дашткулака, он — из угодников Аллаха — «Аулиуллах». Я подумал про себя: «Где я и где Дашткулак? Я двинусь в сторону Балха и оттуда на родину».

По достижении мной Балха, внезапно возникла необходимость ехать в Дашткулак. Вспомнив наставления Хазрата Ходжи, я был сильно изумлён. Я поспешил к беседе Мавляны Таджуддина. Моя любовь к Хазрату Ходжи усилилась. Позднее, по ещё одной надобности, я отправился в Бухару — в присутствие Хазрата Ходжи. Какое-то время находился в его досточтимом обществе. Когда во мне появились устремлённость и воля, я решил открыть будущность (погадать) по Корану. Я раскрыл Священную Книгу. Вышел аят из Корана:

أُولَئِكَ الَّذِينَ هَدَى اللَّهُ فَبِذَاهُمْ اَقْتَدِ
(سورة الأنعام) ¹⁵⁰

Желание мое усилилось. Я отправился в путь. Был один заслуживающий моего доверия «маджзуб» (безумец, переживший экстаз любви к Всевышнему). Я спросил его, идти ли мне. Он ответил: «Ступай». Безумец чертил перед собой линии. «Пересчитаю линии — если окажется нечёт, значит, цель моя верна. «Аллаху фардун, юхиббул фарда»¹⁵¹. Подсчитал — вышел нечёт. Таким образом, я удостоился чести слушать святые беседы Хазрата Ишана. Он говорил: «Человек такого рода [суфий] должен обладать преданностью и высоким благородством». Он процитировал: «Иза жала-стум ихванас сидки фажлисхум бис сидки, фа-иннаху жавасисул кулуби, йадхулуна фи кулубикум ва юхрижуна мин хукмикум»¹⁵². После этого он сказал: «Сегодня ночью будем бодрствовать, посмотрим, каким будет повеление духов Азизон, исходя из этого — будем действовать: мы исполнители, а исполнителям — снисхождение».

Ночь минула. После исполнения предрассветной молитвы «субх» Хазрат благосклонно сказал: «Тебя приняли. Поздравляю». Потом сказал: «Мы принимаем людей только по указанию [духов Азизон]». Затем поведал мне «Силсила» (цепочка шейхов — наставников ордена суфиев) доведя ее до Ходжи Юсуфа Хамадани».

¹⁵⁰ «То были те, которых вел Аллах,
А потому путем их следуй!

Священный Коран, сура «Скот», аят № 90.

¹⁵¹ «Аллах един и Он любит единство».

¹⁵² «Если вы сидите с обладателями преданности, то будьте преданными, ибо они — лазутчики, могущие проникнуть в ваше сердце и познать ваши побуждения».

ТРЕТИЙ МАКСАД

СЕЙ МУДРЕЦ поведал: «Ночью я был в тревожном беспокойстве. Я никак не мог прийти в состояние душевного равновесия, на рассвете я пошёл к Хазрату Ходже — да будет свята его могила! Хазрат рассказал: «Однажды я пошёл на «сухбат» к одному дервишу. Немного погодя, в это собрание пришёл один из людей Пахлавана Махмуда. Достав из «кавуша» (тапочка) один дирхам, он положил его перед дервишем. Дервиш сказал ему: «Ты увидел достойную презрения одну — мирскую сторону, однако не увидел другую сторону, на которой вязью написаны имена Всевышнего Господа и Пророка — да благословит его Аллах и приветствует!»

Упомянутый мудрец рассказывает: «От повести Хазрата Ходжи в душе моей возникло смятение. Прийдя домой, я задумался, под ногами у меня оказалось несколько монет. Я понял, что это было причиной моего состояния».

СЕЙ МУДРЕЦ поведал: «Когда Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — воспитывал во мне «адати вукуф» (дыхательно — медитативное упражнение, выполняемое по достижении высоких степеней духовности), мне приснилось во сне, что я упал в большую чистую воду. После этого, я пошёл к Хазрату Ходжи, рассказал свой сон. Сказал: «Это — свидетельство принятия твоих молитв, очищения через «зикр» (вспоминание Аллаха), воскрешения твоего сердца».

Бейт: *«Дил чу мохий, зикр чун об аст,
Зиндагийи дил ба зикри Ваххоб аст».*

*Подобно рыбе сердце, «зикр» для него — вода,
Жизнь сердца —*

вспоминание Дарующего, суть, всегда».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — отправил одного дервиша куда — то по делу.

На обратном пути дервиш заснул в тени дерева. Во сне он увидел Хазрата Ходжи, грозящего ему посохом. — «Здесь — не место для сна!», — восклицал он. Дервиш тотчас проснулся. Видит — десять волков приближаются к нему. Вскочив с места, он отправился в Касри Арифон. На подходе он увидел Хазрата Ходжи, стоящего на дороге. «Так бывает, когда человек спит в неподобающем месте!», — произнес Ходжа.

МАВЛЯНА АРИФ поведал: «В один из дней с группой бухарских дервишей мы отправились в Касри Арифон, дабы проведать Хазрата Ходжи (к. с.). Когда мы возвращались, один из дервишей помянул Хазрата Ишана непочтительными словами. Он допустил бестактность в отношении Хазрата Ишана. Мы все предостерегли его от этих слов и укорили. «Ты не знаешь Хазрата Ишана», — говорили мы. Он не внял нашим предостережениям. Внезапно в воздухе появилась оса, которая ужалила его в язык. От боли он был вне себя. Дервиши воскликнули: «Это — прекрасный урок виновнику». Дервиш покаялся и много плакал. После этого происшествия у общины появилось большое почитание Хазрата Ходжи».

ОДИН ДЕРВИШ из Гадьюта поведал: «У меня умерло десять детей. Взмолившись, я обратился к Хазрату Ходжи (к. с.): «У меня нет потомка, я очень надеюсь, что по вашей благосклонной милости Всемогущий Господь дарует мне наследника — долгожителя». Хазрат — да будет свята его могила! — отвечал: «Я не лишён надежды на щедрость Всевышнего — я попрошу Его».

По их благой милости Всемогущий Аллах послал мне дочь. Прошло несколько дней, она заболела. Я пошёл к Хазрату Ходжи. — «Ради жизни нужна жизнь», — отвечал Хазрат. Я отнёс ему барашка. Ребёнок поправился, и жизнь её продолжилась. Я снова пошёл к Хазрату Ходжи и попросил о рождении сына. Просьба была принята — через не-

которое время Всевышний даровал мне сына. Я отнёс сына к Хазрату. Попросил для ребёнка рубаху. Рубаху не дали. Я возвратился домой, и вскоре сын скончался. Я снова попросил у Хазрата сына. — «Есть упование, что молитвами дервишей Всевышнего Аллаха тебе будут ниспосланы два сына, жизнь этих сыновей будет долгой», — сказал Хазрат.

И правда, его молитвами Всевышний дал мне двух сыновей. Вскоре один из них заболел. Я взмолился к Хазрату Ходжи. — «Он — наше дитя, тебе незачем переживать за него! Будет много болеть, однако выздоровеет», — сказал Хазрат Ходжа. Так и произошло. После этого родился еще один мальчик».

Как упоминает Мавляна Салахул Милла ваддин (Салахиддин) в своей книге «Анисут талибин», когда описывались эти божественные проявления и милости (описанные в его книге), упомянутый дервиш и его два сына присутствовали в этом обществе.

ОДИН ИЗ ДЕРВИШЕЙ поведал: «Однажды у меня вышел спор с моими домашними, однако, спустя немного времени, мы опять помирились. Когда я явился к Хазрату Ходжи, он сказал: «Тяни крепко, притягивай в свою сторону». Затем, обращаясь к другому, сказал: «Надо жить с обществом в добрых отношениях». Я подумал про себя: «Если бы сказали с таким-то».

Ходжа — да будет свята его могила! — незамедлительно сказал: «Хазрат Ходжа Мухаммад Баба Саммаси (к. с.) говаривал: «Притягивает в свою сторону». В душе я подумал: «Враждовали недолго, помирились быстро». Хазрат Ходжа (к. с.) сказал: «По мере возможности нужно проявлять уважение и внимание. Хазрат Рисалатпанах [Печать Пророков] — да благословит его Аллах и приветствует! если ты слышал повествование об этом, своими святыми руками придерживал волосы слугам, с тем, чтобы они могли нали-

Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанда вать воду, стоя совершая «гусль» (омовение). Это делалось из уважения и внимания к ним».

ОДИН ДЕРВИШ рассказал: «В один из дней наш Хазрат Ходжа — да будет свята его могила — набросил на свои благословенные плечи платок. У меня мелькнула мысль: «Это — проявление щегольства». Хазрат Ходжа (к. с.) в тот же миг, обращаясь к другому человеку, сказал: «Такой-то человек поссорился с другим человеком, правота на его стороне, я хочу примирить их обоих, этот платок не для меня, я хочу отдать его тому человеку».

МАВЛЯНА МУХАММАД ХУСАЙН поведал: «Ещё при жизни Хазрата Ходжи (к. с.) я увидел во сне Ад. Людей сбрасывали туда. Человека по имени Юсуф, жившего в Фатхабаде, тоже сбросили в Ад. Тут я увидел аркан, один конец его был в руках Хазрата Ходжи, второй конец был привязан к поясу Юсуфа. Ходжа выгташил Юсуфа. Я проснулся. Незамедлительно пошел в Касри Арифон. Я ещё не успел рассказать этот сон Хазрату Ходжи, как он сказал: «Это был аркан нашей любви — «мухаббат».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — в Касри Арифоне поставил меня «имамом» (предстоящим) на молитвах «магриб» и «иша»¹⁵³. Когда я обратился лицом к «кибле»¹⁵⁴, он сказал: «Нужно держаться левой стороны алтаря — «михраба», и настаивал на этом. Тогда я подумал: «Всю жизнь я ходил по пустыне и устал — что проку мне от этих слов».

Ночью я заснул. Во сне Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — явственно показал мне Каабу. Приглядевшись,

¹⁵³ «Магриб» — молитва, совершаемая после заката солнца, «Иша» — молитва, совершаемая через час — полтора после заката солнца.

¹⁵⁴ «Кибла» — направление к Мекке, в сторону которой молятся все мусульмане мира.

я увидел, что если держаться левой стороны алтаря, то оказываешься точно напротив водостока Каабы. По окончании мной предрассветной молитвы «субх», Хазрат Ходжа (к. с.), обращаясь к собравшимся, сказал: «Уже долгое время этот дервиш находится в нашем «субхате» (беседа). Когда ему было сказано: «Обращаясь к «кибле» предпочтительнее стоять слева от алтаря», он отвечал: «Я устал, что мне проку от этих слов». Пришлось ночью потратить время для того, чтобы показать ему Каабу и убедить его».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «В один из дней я пошёл к услугам Хазрата Ходжи (к. с.). Немного погодя, я почувствовал, что во мне иссякло великое состояние — «сифат», полученное мной по его благосклонности — «барака». Я подумал: «Неужели Ходжа забрал назад моё состояние «сифат». В это время Ходжа, обратившись лицом к другим дервишам, сказал: «Всё, чем мы обладаем — от Саммасы, однако, пачкаться, поедая кусок от [пищи] прирученной собаки — не стоит».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Однажды Хазрат Ходжа (к. с.) был обижен на меня. Спустя две недели, согласно аята:

وَصَاقَتْ عَلَيْكُمُ الْأَرْضُ بِمَا رَحُبَتْ
 (سورة التوبة) ¹⁵⁵

широкая земля стала для меня тесной. Наконец, по милости Всемогущего, мной овладели раскаяние и сожаление. Я попросил заступничества духов недавно умерших шейхов и дервишей. Во время молитвы «субх» появилась потребность подойти к Хазрату Ходже. Подошёл, поздоровался, Хазрат оказал добрые милости. Повернувшись к одному из дервишей, он сказал: «Мы были обижены на тебя, и изгнали тебя из своего сердца, однако ночью чистые духи из Великих Под-

¹⁵⁵ «И тесною вам сделалась земля. Там, где была она просторна».

Священный Коран, сура «Покаяние», аят № 25.

вижников веры и духи недавно умерших людей, призванные тобой в покровители, заступились за тебя, поэтому мы простили тебя и приняли».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «В один из дней, группа дервишей готовила у нашего Хазрата Ходжи — да будет свята его могила, «кабоб» — жаркое. Я, проявив дерзость, украл немного «кабоба» и съел его. Когда «кабоб» принесли Хазрату Ходже, он, по своему обычаю, придерживаясь традиции Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! — стал раздавать по доле каждому человеку, готовившему и варившему блюдо. Тут Хазрат Ходжа (к. с.) посмотрел на меня и сказал: «Съесть украденную долю и смотреть алкающими глазами на нашу долю — это выходит за грань».

КАК ПОВЕДАЛ дядя Мавляны Хисамуддина Ходжи Юсуфа — Ходжа Хафизиддин аль Бухари, они были в саду Сафидмуни. Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — прибыл из Хорасана в Бухару. Все друзья пришли его проведать. Хазрат Ходжа, обратившись к друзьям, заявил так: «Вы думаете, что Ходжа нас не видит, и, не знает, что с нами происходит». Сказав это, он указал на Ходжи Мухаммад Парса (к. с.): «Человек, бывший неизменным и в наше присутствие, и в наше отсутствие — вот этот Ходжа».

Ходжа Мухаммад Парса (к. с.) рассказывает: «Для меня этот «сифат» (духовное состояние) был инициирован по благой милости — «баракат» Хазрата Ишана (к. с.). Причина в том, что, однажды обращаясь к моему дяде Ходже Юсуфу, Хазрат Ходжа сказал: «Нас известили, что в скором времени вы покинете эту землю», и, указывая на меня, сказал: «После вас останется он». Затем сказал ещё: «Эти места перейдут к наследникам вашего сотоварища Ходжи Яхьи». Представьте, Ходжа Яхья был тогда ещё жив. Эти слова произвели глубокое впечатление на Ходжи Юсуфа и в его облике появились

признаки печали. В форме добрых советов Хазрат Ходжа говорил ему разные слова. На лице Ходжи Юсуфа появились знаки радости и веселья. Ходжа Юсуф много улыбался и расположился к этому. После этого, вскоре в Бухаре произошли известные опустошения. В этих событиях был несправедливо убит Ходжа Юсуф. Некоторое время спустя и Ходжа Яхья преставился милости Аллаха».

ХОДЖА АЛЯУДДИН АТТАР — да будет благоуханна его могила — повествует так: «Ходжа Юсуф (к. с.) попросил нашего Хазрата Ходжи — да будет свята его могила! — чтобы тот направил свои священные стопы в сад этого недостойного бедняка, который расположен у «мазара» (святилища) Сафидмуни. Согласившись, Ходжа (к. с.) в сопровождении дервишей направился в сад. Там они пробыли два дня. «Сухбат» (беседа) была в самом разгаре. В это время появился с визитом Мавляна Ариф (к. с.). Около часа длилась беседа. После беседы Хазрат Ходжа (к. с.) вышел наружу. Он сидел, облокотившись, в тени дерева. Сей недостойный [Аттар так говорит о себе] направился следом за ним. Немного погодя, Ходжа Юсуф с некоторыми учениками вышли из [комнаты] беседы. Однако не смели приблизиться к Хазрату Ходжи. Тогда, подозвав меня, они сказали: «У нас возникло опасение, поэтому мы не можем подойти к услугам Ходжи. Причина в том, что когда Хазрат Ходжа вышел из беседы — «сухбата», Мавляна Ариф, найдя уединённое место, стал говорить слова «магрифата» (высший тип знаний суфиев). Какое-то время мы слушали его слова. У нас возникли тяжесть и стеснение. Мы быстро вышли из собрания. Появились сильная боязнь и страх».

Хазрат Ходжа (к. с.) вошёл в сад. Было время намаза «зухр» (полуденной молитвы). Занялись намазом. «Имамом» (предстоятелем) поставили Мавляну Абу Бакра Ав-

шанаджи. Несмотря на то, что после «такбира тахрима»¹⁵⁶ прошло достаточно времени, Мавляна Абу Бакр не сделал ни одного движения. Выведа его из «михраба» — алтаря, Ходжа сам стал предстоящим в молитве. Прихожан охватило величие. Каждого человека охватил такой «тасарруф» (состояние духовного единения), в результате которого никто не смог читать намаз. Только единственный человек смог дочитать молитву до конца. Общее число присутствующих в саду было семьдесят человек. У каждого был разный настрой, некоторые вознамерились отправиться в пустыню. Мавляна Абу Бакр, сбросив чалму и шерстяную одежду, бегал взад — вперёд, приговаривая: «Мой Предводитель рассержен». Говоря это, он осыпал голову прахом.

Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! завершив молитву, обозрел состояние прихода и вышел из сада. Хазрат взошел на пригорок. В это время Ходжа Юсуф подозревал меня. «Наша боязнь усилилась, что нам теперь предпринять?», — спросил он. Я поведал состояние Ходжи Юсуфа и прихода Хазрату Ходже. В сердцах Хазрат Ходжа воскликнул: «Средство таково: пусть идут к Мавляне Арифу, ибо это состояние общества возникло от его слов, пусть придёт и исцелит недуг общества!»

Кстати, Мавляна Ариф затаился в одном уголке. Одна группа отправилась на поиски и привела его. Хазрат Ходжа обратился к Мавляне Арифу: «Этот твой поступок не соответствует пути дервиша, видя интерес собрания, ты решил перетянуть их на свою сторону: свои старые лепёшки ты решил сунуть, пока печь горяча и внёс смуту. Когда я вышел из сада, ты, видя оживленную беседу — «сухбат», обратился к Абу Бакру, толкуя Божественные Истины. Памятуй заслуги Ход-

¹⁵⁶ «Такбир тахрим» — восклицание «Аллах Акбар» в начале молитвы, с касанием руками ушей, часть ритуала «намаз».

жи Юсуфа, я изыскал меры избавления для всего прихода, кроме Мавляны Абу Бакра. Теперь тебе «ваджиб» (обязательное предписание) — исправить состояние Мавляны. Ты сбил с пути такого учёного и образованного человека, теперь его потомки не оставят тебя в покое».

Когда Ходжа (к. с.) говорил эти слова, становились все очевиднее признаки величия и грандиозности. Мавляна Ариф встал с места и промолвил: «Я сделал плохое дело, я раскаиваюсь, у меня не было права делать этого». Хисамиддин и Ходжа Юсуф также, поднявшись с мест, стали просить снисхождения. После этого Хазрат Ходжа (к. с.) простил Мавляну Арифа. Велел вернуть чалму и шерстяную одежду Абу Бакру. Хазрат Ходжа (к. с.) снял появившееся у того состояние и вернул его прежнее положение, оказал много милости. Затем отправился с дервишами в Бухару».

ПОВЕСТВУЮТ, что после события в саду Сафидмун, некоторые властители и предводители Бухары, заключив союз, выступили против Султана того времени. Отправив Ходжи Юсуфа с группой людей к Хазрату Ходже (к. с.), они передали: «Пусть содействует нам в этом выступлении». Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — отвечал: «Что может «факир» (бедный)?» Затем сказал: «Это великая смута, этот город сожгут». Бывшие в это время дервиши сказали: «Слова, сказанные Хазратом Ходжи, сбылись — город подожгли, Бухаре был нанесён большой ущерб».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Я был в Каршинском вилайате. В укромном месте в компании я стал танцевать. У меня был хороший поясной платок — «фута». Я поднёс его флейтисту. Затем, по делу, я вышел на улицу. В это время Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — возвращался из Кешского вилайата. Из каршинских дервишей никто с ним прежде меня не беседовал. Я поприветствовал Хазрата Ходжи (к. с.),

он не отвечал на приветствие. Достигнув дома, в котором остановился, он не оказал никому милости. Наедине Хазрат сказал мне так: «Всякое милосердие нужно оказывать тем из нас¹⁵⁷, кто нуждается» — и поведал историю с «футой». Ещё сказал: «В нашем тарикате нет громкого «зикра» и танца!» От его осведомлённости я переменялся. Хазрат запретил мне посещать его священные «сухбаты». Позднее он, наконец, по просьбе группы дервишей разрешил присутствовать в «сухбате». Ходжа простил моё прегрешение. Я нашёл спасительный конец путеводной нити клубка».

ШЕЙХ САККА САМАРКАНДИ (к. с.) рассказал: «Были времена моего хождения по Самарканду. Я много слышал о «халях», «сифатах» и «караматах»¹⁵⁸ Хазрата Ходжи (к. с.). У меня появилось желание пойти к Хазрату Ишану (к. с.). Достигнув его благословенного «сухбата», некоторое время я был к его услугам. Я уговаривал сподвижников: «Пусть Ходжа примет меня в свои ученики». Ходжа сказал: «Чтобы принять тебя, нужен жертвенный взнос». Я отвечал: «Я бедный человек, у меня нет состояния». — «Без взноса нельзя», — говорил Ходжа. Я же по прежнему выказывал свою бедность. Тогда Ходжа сказал: «Для тебя в нашем тарикате нет выгоды. Ибо первый шаг на нашем пути — благотворительность, однако, в тебе торжествует скупость. Достань те четыре динара из зашитого места!» И впрямь, когда я выходил из Самарканда, мама дала мне четыре динара, я зашил их в пояс штанов.

От этой его пронизательности я преобразился. Я был сильно сконфужен. В сильнейшем смущении, достав четыре динара, я положил их перед ним. Я много умолял. Хазрат

¹⁵⁷ Здесь подразумеваются люди, придерживающиеся праведного пути.

¹⁵⁸ «Халь» — состояние просветления; «Карамат» — чудотворство; «Сифат» — духовное качество.

Ходжа категорически отказывался принимать. Я же стоял, опустив голову от стыда. Неподалеку стоял один мальчик, Хазрат велел передать эти деньги ему. Я отдал, тот, взяв их, выбросил через забор. Мой стыд усилился.

После этого Хазрат Ходжа ушёл в Гадьют. Там был «сухбат». В этом собрании также был один ребёнок. Ходжа велел: «Дай эти деньги малышу!» Я отдал. Он также отбросил деньги в сторону. Я впал в тяжёлое отчаяние. Собратья, встав с мест, долго умоляли и просили прощения за меня. Тогда Хазрат Ходжа, смилостивившись, сказал: «Жадность — большой порок, особенно, на пути Преславного Господа, это — самое недостойное дело». Оказав мне великую милость, Хазрат Ходжа принял меня в ученики».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Я жил в одном месте в Касри Арифоне. Время от времени я занимался ремеслом мясника. В этих местах у одного достойного человека была отара овец. В один из дней Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — дав мне барана, сказал: «Присоедини его к баранам того достопочтенного». Через некоторое время Хазрат Ходжа (к. с.) велел: «Зарежь этого моего барана». Я же запоздал с этим делом.

На другой день Хазрат Ходжа (к. с.) призвал меня и этого достопочтенного. Обращаясь к нему Хазрат (к. с.) сказал: «Расскажи о ночном происшествии». Тот достопочтенный ответил: «Ночью воры утащили из отары четырёх моих и одного вашего барана». Дервиш — мясник рассказал: «Я был сильно сконфужен этим происшествием, я допустил изъян в исполнении указания, и, безотлагательно принеся извинения, доставил Хазрату Ходже стоимость этого барана. «Возмещение убытка лежит на мне, я виновен», — сказал я. Хазрат Ходжа (к. с.) изрёк: «Я не приму эти деньги, ибо ночью я обратился к Всемогущему с просьбой пожертвовать этого барана на твоём пути и в возмещение выбрал этого барана».

После этого я и тот достопочтенный с нетерпением ожидали результата благословенного дыхания (милости) Хазрата Ходжи (к. с.), в этот день во время молитвы «аср» дервиши Ходжи со стороны Насафа привезли барана. Моя любовь к Хазрату Ходже (к. с.) ещё более возросла. Тот достопочтенный человек также обратился в одного из почитателей Хазрата Ишана».

ЭТОТ ДЕРВИШ поведал: «Стояла зима. Было очень холодно. Ночью у меня возникла потребность совершить «гусль» — полное омовение. Из-за сильных препятствий я не смог совершить «гусль». Я был сильно подавлен. Тем временем из Бухары пришёл Хазрат Ходжа (к. с.). Я поздоровался с Хазратом Ишаном. — «Такой-то, твоя душа сильно замутилась», — сказал Хазрат (к. с.) мне. От ужаса и безысходности я стал оправдываться. Ходжа (к. с.) произнес: «Ты противоречишь мне? Тебе необходимо совершить омовение «гусль», ты совершил большой проступок, не совершив молитву «субх», а ещё говоришь, что ты не грязный и не замутнён». От этого моё смятение ещё более усилилось. Однако это стало причиной увеличения моей веры и приверженности ему».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Однажды Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — с группой дервишей был в бане, некоторые дервиши массировали его благородные ноги. Я был перед ним. В это время один из людей, бывших в бане, хотел полить воду на его ноги. От того, что он удостоился чести полить воду, он сначала поцеловал мои ноги. Я был сильно сконфужен этим. Озарённый светом пронизательности, Хазрат Ходжа понял это, и вывел меня из конфуза. — «Тот человек был нуждающимся и вошёл в двери потребности. Ты был моложе нас, поэтому он начал с тебя», — произнес Хазрат».

ПОВЕСТВУЮТ, что был год сильной засухи. Посевы зерна Насафского вилаята страдали от безводья. Дервиши

Насафа послали одного дервиша к Хазрату Ходже (к. с.). Поведав о случившемся, просили обратить благословенный взор на эту ситуацию. Когда упомянутый дервиш прибыл к Хазрату Ходжи, Ходжа спросил: «Что, насафские последователи послали тебя за водой?» Затем сказал: «Я pošлю вам воду, я — ваш «мираб» (лицо, ведающее распределением воды)».

Спустя немного времени начал накрапывать дождь. С каждым часом он усиливался. Наутро упомянутому дервишу дали разрешение на отъезд. Когда он достиг Насафа, трое суток, не прекращаясь, лил дождь. Вся земля Насафского вилаята была насыщена водой. Хазрат Ходжа (к. с.) часто повторял: «Я — «мираб» насафцев».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Когда Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — жил в Хорасане и шёл из Туса в Священный Мешхед, ему повстречался всадник и спешился с лошади. Выразив готовность к услугам, он выказал свою нужду. Ходжа (к. с.) сказал: «Расскажи о своём положении». Всадник сказал: «Прошло три месяца с тех пор, как я потерял семь верблюдов». Ходжа (к. с.) сказал: «Возьми свои деньги, мы их примем назад, когда ты возвратишь своих верблюдов». Затем сказал: «Скоро найдешь». Немного погодя, упомянутый всадник вернулся. «Вашим благородным дыханием (милостью) я нашёл верблюдов!», — сказал он. Он, ухватившись за «подол почитания» Хазрата Ходжи, занял место среди последователей».

ПОВЕСТВУЮТ, что по достижении Герата, Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — отправился для аудиенции к правителю Малику. Когда Хазрат шёл по Бустансараю (Дворцу Цветников) Малика, все вельможи и придворные, на которых падал его благородный взор, падали наземь и теряли сознание. У общества возникло удивительное состояние — «кайфият».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «В один из дней Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — почтил своим посещением лачугу этого недостойного. В доме не было муки. Из одного места я привёз один выюк муки. Я предстал к услугам Хазрата Ишана. Ходжа (к. с.) сказал: «Приготовь еду из этой муки, ни одному человеку ничего не говори о том, много или мало её».

До двух месяцев дервиши и почтенные люди приходили повидать Хазрата Ишана. Мы готовили пищу из этой муки, однако, она стояла как прежде. После ухода Хазрата Ишана (к. с.) некоторое время также использовалась эта мука, однако она стояла как нетронутая. После того, как я рассказал об этом событии своим детям, той благодати — «барака» не осталось и то свойство исчезло».

ДЕРВИШ МУХАММАД ЗАХИД поведал: «В начале «халя» (состояния просветления духа) в один из дней мы с Хазратом Ходжи (к. с.) были в пустыне. Была весна. У меня возникло сильное желание поесть дыню. Я попросил дыню у Хазрата Ходжи. Он сказал: «Иди на берег того арыка». Я пошёл. В воде я увидел плывущую свежесорванную дыню «бобошайх». Я выловил её. Моё состояние преобразилось. Моё упование на Хазрата Ходжи ещё более усилилось».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрат Ходжи (к. с.) посетил Карши. Когда группа дервишей сидела на его благословенном «сухбате» (беседе), Ходжа (к. с.) сказал: «В Бухаре есть один наш дервиш, имя его Мавляна Нажмиддин Дадраг, призовём его, он прибудет завтра во время полуденной молитвы — «зухр».

Дервиши с нетерпением ожидали исполнения этого священного предсказания. Назавтра во время полуденной молитвы вошёл Мавляна Нажмиддин. Дервиши спросили о его состоянии. Нажмиддин поведал: «Вчера я был в Бухаре.

Я услышал призывный голос Хазрата Хаджи. Утратив волю, я отправился сюда. Сегодня я достиг этого места».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в Сухоре в доме сына Амира Кулала — Амира Бурхана. Амир Бурхан попросил Хазрата Ходжи: «Я мечтаю побеседовать с Мавляной Арифом, он в Насафе, вот если бы вы направили достопочтенный взор на это дело, с тем, чтобы он поскорее прибыл сюда». Ходжа отвечал: «Хорошо, призовем Мавляну».

Сказав это, он поднялся на крышу «ханаки» (обители дервишей) и трижды произнёс: «О, Мавляна». После этого он сказал: «Мавляна Ариф услышал наш голос, он направился к нам».

Мавляна Ариф прибыл в Сухор и рассказал: «В такой — то день, в такой — то час мы сидели с друзьями в Насафе и мои уши услышали голос Хазрата; я срочно отправился в путь и достиг этого места».

ОДИН ДЕРВИШ повествует: «До того как я последовал за Хазратом Ходжи (к. с.), в содружестве с одним жителем Бухары я отправился по торговым делам в Кеш. Мой товарищ остался там. Я, присоединившись к каравану, прибыл в Карши. Через несколько дней я заболел. Я пребывал в таком состоянии, когда потерялся мой осёл. Я был сильно огорчён. Между тем прошло двенадцать дней. Внезапно передо мной появился Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — и сказал: «Мы сегодня прибыли в виляят; как твоё состояние?» Я пожаловался на недомогание и разлуку с товарищем. Хазрат спросил: «На твоей душе есть другая проблема?» Я сказал: «Потерялся мой осёл». Хазрат Ходжа сказал: «Скоро найдешь, бодрись». Рассвело. Мой сосед, войдя, сказал: «Твой осёл стоит у двери». Я был поражён предвидением Хазрата Ходжи и удостоился его общения».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в одном кишлаке Бухары. Дервиши сидели в благословенном «сухбате» (беседе) Хазрата Ишана. Внезапно, встав с места, Хазрат Ходжа (к. с.) сказал: «Мавляна Ариф Ходжа (к. с.) находится в кишлаке Муборак у Мавляны Бахауддина и призывает нас». Тотчас же Хазрат отправился в путь. Воистину произошло так, как он говорил.

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в Тусе. Однажды с группой дервишей он пошёл на могилу Машуки Туси. Придя туда, он произнёс: «Ассаламу алейкум, о, Машуки Туси. Хорошо ли твоё состояние?» — «Вагалайкумуссалам, я хорош», — прозвучал голос. Это услышали все присутствующие здесь.

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сидел с друзьями на крыше «ханакки» Дервиш Ата. Кстати, тут же рядом находилось одно пышное здание — всю ночь с его крыши слышались крики, звуки сурная и непотребный шум. Ходжа сказал: «Это — порицаемые вещи и звуки их также порицаемы. Средство против этого таково, мы заткнём уши ватой, дабы не слышать эти звуки». Только Ходжа произнёс эти слова, как никто не стал слышать этих звуков — у всех проявился «халь» (состояние духовного просветления). Слышавшие упомянутый шум люди спросили утром у дервишей: «Как вы провели ночь?». — «Благоволением нашего Хазрата Ходжи (к. с.) мы абсолютно не слышали этого шума», — отвечали они.

ПОВЕСТВУЮТ, что один дервиш принёс Хазрату Ходжи (к. с.) яблоки. Ходжа (к. с.) сказал: «Погодите есть, яблоки произносят «тасбих» (произносят Божественные Имена)». Присутствующие на «сухбате» дервиши явственно слышали «тасбих» яблок.

МАВЛЯНА САИДУДДИН КАРШИГИ рассказал: «Однажды Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сказал мне: «Пойдемте в ваш сад на прогулку». Стояла зима. Придя в сад, мы увидели, что он зарос колючками и покрылся солончаком. Мной овладело великое состояние. Тут Ходжа сказал: «Мы превратим ваш сад в прелестный зелёный цветник, чтобы ваша вера стала крепче». Взглянув на сад, я увидел ликующий и очаровательный цветник. — «Это не мой сад», — пролепетал я. — «Это — ваш сад», — произнёс Ходжа. Прошло немного времени. Я узрел сад в прежнем состоянии. Это событие стало причиной укрепления моей веры».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — отправил вместе со своими дервишами послание и наказал: «Зарежьте моего бычка, который у такого-то дервиша и не допустите изъяна в этом деле». Собравшись, люди связали бычка и зарезали. Внутри него в нескольких местах были повреждения. Знающие люди сказали, что если бы прошёл ещё час, возникла бы опасность, что бычок умрёт. Представьте себе, Хазрат Ходжа не видел этого бычка два года.

ХОДЖА АЛЯУДДИН АТТАР, да будет благоухана его могила, рассказал: «Когда я последовал за Хазратом Ходжи — да будет свята его могила! — мой брат Шахабуддин много упрекал меня. Он подвигал меня на путь людей мирского богатства. Внезапно, в момент торговли дорожные разбойники ограбили его. Его охватило сильное отчаяние, он окончательно потерял покой. Ежеминутно он твердил: «Что я буду теперь делать?» Видя его страдания, я сказал: «У этого дела есть решение — если довести до благословенного слуха Хазрата Ишана, то можно надеяться на возвращение состояния». Сказав так, я донёс до Хазрата Ходжи положение моего брата. Ходжа (к. с.) сказал: «Скоро всё решится, при этом нужно быть собранным».

После этого Ходжа (к. с.) вышел из дому наружу. В тот же миг около него оказался всадник. Он спешился и поприветствовал Ходжи. Ходжа (к. с.) сказал: «Мы вышли для решения одного дела, ты оказался первым встречным человеком». Затем рассказал о происшествии. Всадник произнес: «Вашей благосклонностью, да разрешится» — и быстро удалился. Через час он возвратился. — «Воры в таком-то саду, делят товары», — поведал он. Хазрат Ходжа отправил в этот сад меня и моего младшего брата Ходжи Муборака. Войдя в сад, мы увидели воров, они делили товары. Увидя нас, они вскочили на коней и протянули руки к стрелам. Мой младший брат сильно испугался. — «Благосклонной заботой нашего Хазрата Ходжи (к. с.) они не причинят нам вреда», — сказал я ему. Воры, бросив товары, кинулись врассыпную. Благополучно заполучив товары, мы доставили их нашему брату. После этого у моего брата Шахабуддина усилилась вера в Хазрата Ходжи, и он перестал упрекать меня.

ПОВЕСТВУЮТ, что у одного мусульманина пропала служанка. Его душа опечалилась. Он снарядил двух человек для поисков. Внезапно повстречав Хазрата Ходжи (к. с.) они поведали ему о происшествии. — «Вы оба, ступайте, занимайтесь своим делом, рабыня никуда не ушла. Однако вы должны дать компенсацию», — сказал Ходжа. Упомянутый мусульманин обрадовался и принял условия сделки. Он ещё не успел вернуться домой и рассказать о случившемся, как его жена вошла в амбар и увидела накрытую крышкой большую корзину. Открыв её, она увидела на дне корзины лежащую невольницу. Их вера в Хазрата Ходжи укрепилась.

КАК ПОВЕСТВУЮТ, после этой истории один досто- почтенный человек, у которого двумя годами раньше пропала служанка, придя к Хазрату Ходже (к. с.), рассказал о про- паже и принял условия сделки. Ходжа сказал: «Невольница

найдётся». Через некоторое время упомянутый человек, придя, сообщил, что рабыня не вернулась. — «Нужно ещё подождать», — сказал Ходжа (к. с.).

Прошло несколько дней. Этот достопочтенный сидел в своем «дукане» — лавке, когда пришёл человек и спросил: «У вас пропала служанка?» — «Да, вот уже два года как у меня пропала работница такой-то наружности», — отвечивал он. — «Ваша работница в таком-то кишлаке», — сказал человек. Упомянутый достопочтенный очень обрадовался. Служанка же возвратилась.

КАК ПОВЕСТВУЮТ, однажды у Хазрата Ходжи (к. с.) возникла мысль: «Хорошо бы повидать эмира Абдуллаха». Поистине так и произошло. Эмир Абдуллах направлялся в Хорезм. Со своим большим войском он вернулся в Бухару. Ходжа прогнал эту мысль от себя и не встретился с ним.

Эмир Абдуллах наказал всем своим подданным выходить на охоту. Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — также вышел в пустыню. Там был один большой курган. Он поднялся на него. Сидя в укромном месте, Хазрат (к. с.) начал штопать свою рваную «хирку»¹⁵⁹. Вновь в его благородной душе промелькнула мысль: «Святые угодники — «Аулиуллах» — были такими, что на порог их могущества клали голову султаны времени».

Немного погодя появился эмир Абдуллах. Прийдя пешком, он приблизился с величайшим почтением. Эмир поздоровался с Хазратом Ишаном и создал ему тень, прикрыв от палящих лучей солнца. Хазрат Ходжа прогнал от себя и эту мысль и не оказал ему внимания. Наконец, подняв голову, спросил: «С каким делом пришёл?» Эмир Абдуллах отвечал: «Был на охоте, в душе произошло нечто, поневоле пришёл в эту сторону». Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — ска-

¹⁵⁹ «Хирка» — верхняя одежда (рубище) дервиша.

зал: «Оставь меня, я — простой бедняк, был в этом селении, Абдуллах Каттаган вывел народ на охоту, я тоже последовал за ними. Из-за того, что у меня нет способности к охоте, я выбрал этот уголок». Эмир Абдуллах сказал: «Однако, несмотря на это, вы поймали меня в силки». После этого Ходжа встал с места, накинув «хирку» на одно плечо, волоча вторую сторону, направился в пустыню. Он прошёл достаточно далеко. Эмир Абдуллах бежал пешком за ним следом. Хазрат Ходжа внушительно глянул в его сторону. Эмир Абдуллах застыл на месте. До тех пор, пока Хазрат Ишан не скрылся из виду, эмир Абдуллах поражённо смотрел ему вслед, затем присоединился к своему войску.

МАВЛЯНА АБУ БАКР САРАХСИ поведал: «По достижении Исфагана я направился в обитель Ходжи Имама. В том «сухбате» — беседе я внутренне обратился к Хазрату Ходже (к. с.). У Ходжи Имама появились признаки благого «халя» (состояния духовного просветления). «Придерживаешься, как и мы, пути накшбандия?» — спросил он.

Ходжа Имам относился с высочайшим уважением к Хазрату Ходжи. Кто бы из последователей Хазрата Ходжи (к. с.) ни пришёл сюда, Имам оказывал тому много почестей. Выказывая почтение, он говорил: «Этот человек — из окружения Ходжи, сидел в его «сухбате», был под взором «аулия» (святого), делил с ним трапезу: «Мин акала мага магфурина гуфира ляху»¹⁶⁰.

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — отправил одного дервиша в Хорзанд. С ним была группа бухарских торговцев. Остановились в одном караван — сарае. Как-то между дервишем и бухарцами возникла ссора. Дервишу высказали много непотребных слов. В отношении Хазрата Ходжи (к. с.) также проявили неприличие

¹⁶⁰ «Кто делил трапезу с «магфур» (прощённым), — тот тоже прощается».

ТРЕТИЙ МАКСАД

и в этом перешли грань. Дервиш был сильно уязвлен. Он обратился сердцем к Хазрату Ходже (к. с.) и сказал: «У меня есть шейх и у этого общества тоже есть шейхи. Если их дело правое, тогда пусть пострадает моё имущество или моя жизнь. Если же правда на моей стороне, пусть удар падёт на их имущество или жизни». Затем, призвав, в свидетели караванщиков, сказал, что последствия этих слов проявятся сегодня или завтра.

Ночью в дом одного из них проник вор и унёс всё, что было из вещей. Бывшие в караван — сарае люди были потрясены этим. Хозяин дома, увидев упомянутого дервиша, спросил: «Что за дыхание исходило от тебя?» Дервиш ответил: «Неуважительное отношение к угодникам Божьим — «Аули-уллах» — ущерб для веры и мира».

У второго человека, спорившего с дервишем, был «гулям» (раб), купленный за четыреста дирхемов. У «гуляма» проявилась болезнь, вскоре он умер. У людей караван — сарае возникли ужас и смятение, все они признали совершенство Хазрат Ходжи (к. с.). Отрицавшие же были посрамлены.

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в Карши у шейха Бахманшаха. Хазрат Ишан (к. с.) захворал и болезнь затянулась. После захода солнца пришла группа странников проведать его и вошла на благословенную беседу — «сухбат». Каждый на своём языке справлялся о самочувствии Хазрата Ишана и задавал вопросы, относящиеся к духовным традициям тариката. Некоторые говорили по-арабски, некоторые на фарси и тюркском (узбекском) языках. Хазрат Ишан (к. с.) давал ответы на языке каждого. До окончания ночи шла оживлённая беседа. Домочадцы шейха Бахманшаха, бывшие из рода сейидов (потомков Пророка — да благословит его Аллах и приветствует!), удостоившиеся благосклонного внимания Хазрата Ходжи, были к услугам участников «сухбата».

ОДИН ДЕРВИШ повествует: «В один из дней Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в Гадъюте. Я, мой дядя дервиш Некишах и Арслани в этом «сухбате» пребывали в подавленном состоянии — «кабз». Помрачённость этих двоих была до такой степени, что они непроизвольно катались по земле, их лица и головы были измазаны землей. Тут Хазрат Ходжа (к.с.) сказал: «Для избавления нужна компенсация. Дервиш Арслани должен дать тысячу динаров». Моему дяде повелели сто динаров. Мне велели десять динаров. Я подумал про себя: «У дервиша Арслани нет даже полудинара, если же я соберу все свои вещи — наберётся тысяча динаров, а у меня просят десять динаров». Тогда Ходжа (к.с.) сказал: «Мы требуем компенсацию не по материальному состоянию, а по величине преданности этому Пути. У дервиша Арслани — на тысячу динаров, у твоего дяди — на сто динаров, у тебя же — на десять динаров». Видя пронизательность Хазрата Ишана, я преисполнился преданностью к нему.

ШЕЙХ РАШИД МУЙБАФ поведал: «В начале «халя» (состояния Божественного просветления) я был «муридом» (учеником) шейха Мухаммада Дарахани и состоял в его окружении. Между ним и Хазратом Ходжи (к.с.) была крепкая взаимная любовь — «мухаббат».

Однажды шейх послал меня с важным делом в Касри Арифон к Хазрату Ходже (к.с.). Когда я достиг его сада, увидел, что Шейх Амир Хусайн, Шейх Мухаммад Харгуш и другие дервиши стоят поражённые с лопатами и носилками в руках. Когда я приблизился к ним, в моём сердце возник страх, и в теле появилась дрожь. Немного погодя, из своего благословенного жилища вышел Хазрат Ходжа (к.с.). — «Отчего ты так потрясен?», — спросил он меня. — «Прийдя сюда, я почувствовал какой-то страх», — отвечал я. «Причину спроси у Амира Хусайна», — сказал Хазрат». Я спро-

сил у него. Амир сказал: «Утром мы носили с дервишами на носилках землю, Хазрат Ходжа (к. с.) также присутствовал тут. Затем он ушёл в свой дом. Немного погодя, из его дома вышел молодой человек и как птица стал перелетать с места на место. В таком состоянии он пролетел мимо нас. Мы все были поглощены этим зрелищем. Хотели остановить работу и последовать за ним. В это время из дома вышел Ходжа (к. с.) и велел нам подождать до его возвращения. От его слов нас обуяли опасение и страх».

Когда Амир Хусайн довёл рассказ до этого места, Ходжа — да будет свята его могила! — сказал: «Появившийся у тебя страх — следствие их страха». Затем сказал: «История того парня такова; я возвращался из Насафа в Бухару, увидел его в дороге, он летал как птица. Я спросил: «Зачем оставил «сухбат» уединённых, какая причина привела тебя сюда?» Он с болью отвечал: «Я был в таком-то городе, они призвали меня и сделали своим другом, допустили до своего благословенного «сухбата». Одно время я был с ними. Однажды мы все вместе сидели у подножья одной горы, внезапно я вспомнил жену и детей. Они узнали об этом. Я взялся за подол одного из них, попросил оставить меня в обитаемом месте. Гляжу, я оказался в этом месте!» Мы привезли этого парня из Насафа сюда. Шесть дней он пробыл в нашем доме. Сейчас испросил нашего дозволения и удалился. Я собирался принести дервишам еду. Однако увидел дервишей отрешёнными, быстро вышел из дома и сказал им: «Немного потерпите до моего возвращения».

Когда Хазрат Ходжа (к. с.) произносил эти слова, в его облике стали проявляться признаки грандиозности и великости. В это время он произнёс: «Летать по воздуху — лёгкое дело, мухи тоже летают по воздуху!» Затем глянул на дервишей: «Наполните носилки землёй!» Затем указал на носил-

ки, наполненные землей — носилки двинулись сами по себе, выгрузив землю, вновь возвратились на прежнее место. Это повторилось несколько раз. Состояние всех присутствующих переменилось. Это укрепило мою веру.

После этого я вернулся в город. Я постоянно рассказывал о достоинствах Хазрата Ходжи Шейху Мухаммаду. Однажды Шейх Мухаммад собрался в Гудждуван. Он сел на осла, я шёл рядом. Выехав из города, Шейх достиг исполненной светом гробницы — «мазара» Абу Хафса Кабира (к. с.). Выполнил обряды паломничества. Затем я, подхватив его за подмышки, усадил на осла. Тут Шейх заявил: «Эй, Рашид, я хочу спросить тебя о чём-то, однако, говори правду». — «Скажу правду», — пообещал я. Он спросил: «Меня любишь или Шейха Бахауддина?» Я ответил: «Шейха Бахауддина». Он сказал: «Посмотрим, что в этом путешествии проявится из милостей Шейха Бахауддина».

Мы достигли Гудждувана. Едва мы достигли одного берега Гудждуванского Чорсу, как с другого берега прибыл Хазрат Ходжа. Когда взор Шейха упал на Хазрата Ходжи, глянув на меня, он обменялся приветствиями с Ходжи. По набережной поднялись вверх. Там первое слово было за Шейхом. Он произнёс: «Этот дервиш некоторое время находился в нашем «сукбате», сегодня мы посвящаем его вам».

Взяв меня за руку, Шейх передал в руки Ходжи. Ходжа принял меня. Я же, поднявшись из-за Шейха, прошёл и сел позади Хазрата Ходжи».

ОДИН ДЕРВИШ рассказал: «В Касри Арифоне мы с Хазратом Ходжи (к. с.) носили носилки. Одну сторону нёс Ходжа (к. с.), другую сторону поднимал я. Некоторое время мы так носили. После этого Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — остановился и обратился ко мне: «Ты продолжай поднимать свою сторону, мне поднимать не обязательно».

Я поднял свою сторону, носилки беспрепятственно шли и возвращались назад. Я совсем не затруднялся, у меня возникло удивительное ощущение, я с восторгом бежал за носилками. В этот день это событие повторилось несколько раз».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сидел у дороги из Калабада в Бухару. Множество людей проходило в сторону Фатхабада. Хазрат Ходжа (к. с.) выделил из толпы прохожих одного оборванца. Когда тот подошёл, Хазрат (к. с.) спросил: «Почему ты отдалился от «сухбата» уединённых?» Тот поведал: «Однажды мы сидели на горе Абу Кабис. Нашего предводителя звали Халис. Каждый раз, когда нам хотелось еды, у каждого в руках оказывалась чашка с «татмачем» (род лапши). Мне подумалось: как бы было хорошо, если бы была рисовая молочная каша — «ширгурунч». Из-за этой мысли я лишился «сухбата» Ишана. Прошло столько времени, а я до сих пор одержим желанием увидеть Ишана».

ОДИН ИЗ ПРИВЕРЖЕНЦЕВ ХАЗРАТА ХОДЖИ — да будет свята его могила! — поведал: «Однажды Хазрат Ходжа (к. с.) сидел в бане. У меня было начало «халя» (Божественного просветления), для укрепления своей веры я стремился увидеть «карамат» (Божественные чудеса) и что-то сверхъестественное. В бане возобладала жажда. Тогда Ходжа (к. с.) сказал мне: «Принеси немного холодной воды». Я вышел из бани. Я наполнил пиалу водой, чтобы отнести Ходже (к. с.). У меня появилась мысль — сначала испить самому, а следующую пиалу отнести Ходжи. Я попил, следующую пиалу отнёс Хазрату Ходжи. Ходжа (к. с.) сказал: «Почему ты подумал — первую выпью сам, а следующую — отнесу Ходжи?» От этого его «карамата» я преисполнился веры».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был в Насафе. Стояла зима. Ходжа (к. с.) воз-

Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанда намерился ехать в Бухару. В этом путешествии ему сопутствовал сын Мавляны Хафизуддина — Мухаммад Набира. Этот день был облачным. Насафские дервиши сказали: «Погода облачная, пусть Ходжа (к. с.) повременит». Хазрат Ишан (к. с.), не задерживаясь, отправился в путь. Большая группа дервишей была с ними. Начался дождь. Чем дальше шли, тем дождь более усиливался. Тогда Хазрат Ходжа (к. с.), обращаясь к Ходже Мухаммаду, сказал: «Скажи, пусть дождь прекратится!» Ходжа Мухаммад в присутствии Хазрата Ходжи, согласно обычаю, не посмел повелевать [из уважения к Хазрату]. «Я тебе велел сказать дождю «прекратись», почему ты молчишь?», — спросил Ходжа (к. с.). Ходжа Мухаммад, по указанию Хазрата Ишана, произнёс: «Эй, дождь, прекратись!» В то же мгновение дождь перестал, выглянуло солнце. Собранными людьми овладело диковинное состояние. Вышедшие провожать Хазрата (к. с.) дервиши Насафа принялись плакать и начали целовать стремя Хазрата Ходжи.

ШЕЙХ АМИР ХУСАЙН поведал: «Хазрат Ходжа (к. с.) находился в саду, где сейчас находится его гробница. Амир Бурхануддин принёс Хазрату Ходже (к. с.) рыбу. Ходжа (к. с.) занялся приготовлением рыбы. Когда он закладывал рыбу в «тандыр» (печь для приготовления лепёшек), а дело происходило весной, внезапно на небе появилась большая туча. Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — указывая Амиру Бурхануддину, изрёк: «Скажи, пусть на место, где мы стоим, не падает дождь!» Тот взмолился: «Увольте меня от произнесения этих слов, мои речи не достойны, быть принятыми». Ходжа заявил: «Тебе говорю я, скажи, не тяни!». Амир Бурхануддин вынужден был произнести слова, которые велел сказать Хазрат Ходжа (к. с.). По милости Всевышнего Аллаха, на место, где стоял Хазрат Ходжа (к. с.), упало всего несколько капель дождя. Однако, кроме этого места, везде

прошёл такой дождь, что всюду образовались лужи. Видя это, окружающие ещё более преисполнились веры в отношении Хазрата Ходжи».

ОДИН МУДРЕЦ поведал: «Хазрат Ходжа (к.с.) прибыл в Кеш. Была весенняя пора. Часто шли дожди. Ибо в Кешском виляйте дождь следует за дождём. В месте, где остановился Хазрат Ходжа (к.с.), дождь лил с таким ожесточением, что стала протекать крыша дома. Со вступлением благословенных стоп Хазрат Ходжи в этот дом капель прекратилась. В это время, кстати, дождь лил пять дней и ночей, многие дома и строения просели и разрушились. Щедрой благостью — «барака» благословенных стоп Хазрата Ходжи дом, где он остановился, не претерпел никакого вреда. Крыша не протекала. Очевидцы этого убедились в силе могущества Хазрата Ишана».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — однажды пошёл в дом своего друга. Была весенняя пора. В этот день лил сильный дождь, крыша стала протекать. Поскольку Хазрат Ходжа (к.с.) остановился в этом доме, хозяин дома был сильно обеспокоен. Ходжа (к.с.) сказал: «Успокойся, благодаря приходу дервишей капель прекратится». Только эти слова прозвучали из благословенных уст Хазрата Ходжи, как капель с потолка дома прекратилась. В течение нескольких дней, пока Хазрат Ходжа (к.с.) находился здесь, дождь лил непрерывно, многие постройки обвалились.

В конце дня, когда Хазрат Ходжа (к.с.) готовился к отъезду, хозяин дома приготовил угощение. Когда домочадцы выкладывали на «дастархан» — (скатерть) хлеб для гостей, этот почтенный хозяин дома сказал: «Положите больше хлеба на «дастархан». Его жена недовольно проворчала: «Если выложим больше хлеба, нам самим хлеба не достанется». Домочадцы не послушались его. Этот почтенный огорчился сло-

вам домочадцев. Когда «дастархан» принесли и расстелили перед Ходжи, Ходжа (к. с.) произнёс: «Мы будем есть этот хлеб». Тот почтенный ещё больше закручинился и понял, что поступок домочадцев стал известен Хазрату Ишану. Хазрат Ходжа (к. с.), вновь проявив милость, сказал: «Несмотря на то, что твои близкие выложили хлеб на «дастархан» без желания, мы будем есть его ради твоего удовлетворения».

Ходжа и дервиши поели хлеб. Когда этот благословенный «дастархан» отнесли обратно к домочадцам, «дастархан» был полон хлеба. После этого Хазрат Ходжа (к. с.), собравшись в путь, вышел из дома. Вода хлынула с крыши в дом, словно из жёлоба. Тот достопочтенный упрекнул Хазрата: «Из благословенных уст Хазрата Ходжи прозвучало, что вода не просочится с крыши». Ходжа (к. с.) отвечал: «Так было бы, однако из-за недовольства твоих домочадцев случилось другое. Скажи им, «дастархан» полон хлеба и жёлоб полон воды».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Хазрат Ходжа (к. с.) направлялся из Насафа в Бухару. Солнце стояло в Близнецах (конец мая — июнь), стояла сильная жара, день же близился к полудню. Хазрат Ходжа (к. с.) велел: «Готовьте ослов». Дервиши взмолились: «Погода очень жаркая». Ходжа сказал: «Нужно безотлагательно отправляться в путь».

Дервиши, сопровождая его, вышли в дорогу. Обратившись благородным ликом ко мне недостойному, Хазрат Ходжа (к. с.) спросил: «Жарко?» Я отвечал: «Да, моя шея обгорела от солнца». На голове Хазрата Ходжи был войлочный «кулах» — колпак; сняв его с головы, он открыл шею для солнечных лучей. Затем воскликнул: «Ну-ка, обожги-ка и мою шею!» Только Хазрат Ходжа (к. с.) произнёс эти слова, мгновенно появилось облако, немного погода оно закрыло всё небо. Раскалённый воздух превратился в приятный. Ходжа (к. с.) произнёс: «Ну-ка, поглядим, как теперь будет обжигать!»

У дервишей, видевших это, полностью преобразилось состояние».

КАК ПЕРЕДАЮТ от Мавляны Арифа Шейха Хусрави, он поведал: «Однажды мы с Хазратом Ходжи (к. с.) шли по дороге. Было зимнее время. На моих ногах не было ни галош, ни сапог. Начался снегопад. Мы сильно обеспокоились. Я обратился к Хазрату Ходжи (к. с.): «Что же это происходит?» Ходжа был в удивительном состоянии, он внушительно глянул на небо. В одно мгновение снегопад прекратился, и погода стала весьма приятной».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Хазрат Ходжа (к. с.) находился в жилище Дервиша Исхака. В «тандыре» (печи для хлеба) был разведён огонь, его пламя поднималось высоко, Хазрат Ходжа (к. с.) по локоть засунул свои благословенные руки в горящее пламя «тандыра». Немного подержав, затем вынул руки наружу. По Божественной милости на них не обгорел ни один волосок. У всех видевших это возникло благое состояние».

Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — произнес: «Мы по милости Истинного Всевышнего совершили дело, сообразное Пророку — да благословит его Аллах и приветствует! Наш сын тоже скончался. Всё, что проявилось у досточтимого Пророка (с. а. в.), по воле Всевышнего проявилось и у нас. Всё, завещанное Пророком (с. а. в.) и дошедшее до нас, мы исполняли на практике и на себе ощутили воздействие этого. Увидели в такой степени, что, к примеру, однажды Пророк (с. а. в.) был со своими сподвижниками в одном доме. В «тандыре» собрались печь хлеб. Пророк (с. а. в.) сказал: «Пусть каждый человек прилепит лепёшку в «тандыр». Сподвижники, да будет с каждым из них благословение Аллаха, так и сделали. Достопочтенный Пророк (с. а. в.) также прилепил лепёшку. Крышку закрыли. Немного погодя крышку «танды-

ра» открыли. Все лепёшки испеклись. Однако лепёшка, прилепленная Пророком (с. а. в.), была в состоянии теста».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Мой отец был в Гадьюте, там он исполнял службу правителей. Нежданной милостью Всевышнего, я удостоился благосклонности Хазрата Ходжи (к. с.). Однако, мои отец и мать, высказав много неподобающих слов, заставили страдать одного из дервишей Хазрата Ходжи. Хазрат Ходжа (к. с.) был обижен на моих родителей. Нагрянула беда, и разразилось несчастье, положение стало тяжёлым. Мой отец стал подвержен мучительным припадкам эпилепсии — «сакра» и это затянулось на четыре месяца. Дело дошло до того, что много времени нужно было заниматься им, находясь в бане. Некоторое время я не мог встречаться с Хазратом Ходжи.

В один из дней Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — сказал мне: «Я ходил в такую-то баню города, там увидел твоего отца, мне стало жаль его, он хочет видеть тебя — пойди, проведай его». Я обратился к нему с просьбой: «Уже довольно давно я не видел отца, я прошу вас сделать так, дабы моё посещение принесло отцу облегчение». Я много умолял и упрашивал. Смиловитившись, Хазрат Ходжа (к. с.) сказал: «Когда пойдёшь к нему, скажи, пусть произнесёт: «*Йа гиёс аль мустагисин, агисни*»; ему станет хорошо».

По его [Хазрата Ходжи] указанию я пошёл к отцу. Отцу передал слова Хазрата Ходжи: «Если произнесёте изречение: «*Йа гиёс аль мустагисин, агисни*», то выздоровеете». Отец трижды повторил эту «калиму». Истинный Господь своим Совершенным Могуществом даровал ему избавление от страданий, недуг эпилепсии полностью оставил его.

Наутро мой отец сел на коня и отправился из Гадьюта для посещения Хазрата Ходжи. Достигнув Чорсу, он увидел сидящего у дверей мечети Хазрата Ходжи (к. с.) и спешился.

ТРЕТИЙ МАКСАД

Поздоровавшись, он возблагодарил за благословенную заботу и рассказал о своем излечении. Ходжа (к. с.) сказал мне: «Посади отца в седло». Поддерживая отца, я хотел помочь ему сесть верхом, отец воспрепятствовал этому и сказал: «Несмотря на то, что ты — мой сын, тебе не подобает держать ногу такому грешнику и притеснителю как я, ибо ты — из людей Хазрата Ходжи». Хазрат Ходжа (к. с.) возразил: «Оставь, пусть держит стремя и подсадит». Отец мой взмолился: «Сын мой близок к вам, я же — нет». Ходжа (к. с.) сказал: «По причине близости твоего сына, у тебя есть также такая же близость, что, умирая, ты уйдешь с «иманом» (верой), однако умрешь в мучениях, тяжести и стеснении».

И поистине, было так, как говорил Хазрат Ходжа (к. с.). Благостью его священного дыхания, отец ушёл из жизни со счастьем «имана» (веры).

«Боже, Господь Истинный и Пресветлый! Удостой Своей милостью всех правочерных и доставь их из этого временного дома в дом вечный со счастьем «имана», и пусть любовь Твоих «аулия» (святых) станет для них залогом прощения. Аминь!»

КАК ПОВЕСТВУЮТ, в один из дней Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — направлялся из Гадьюта в сторону Баги Арслан. Когда они приблизились к кишлаку, между ним и одним безумцем завязалась беседа. В какой-то момент они с собеседником присели. В разговоре этот безумец проявил непочтительность к Хазрату. «И ты, и твой Бог вызывают у меня жалость», — произнёс он дурные слова. В Хазрате Ишане (к. с.) произошли такие перемены, которым не было предела. Он дважды произнёс: «Багд аз кудрат афу»¹⁶¹. Затем, свернув с намеченного пути, направился в сторону Гадьюта. Упомянутый безумец последовал за ним.

¹⁶¹ Здесь подразумевается, что сильнейший должен оказать снисхождение слабому.

Пройдя немного пути, он сказал: «Позвольте мне вернуться». Ходжа (к. с.) отвечал: «Ты свободен, возвращайся, следуй своим путём». Это повторилось несколько раз. Однако тот не мог отделиться от благословенной поступи Хазрата Ходжи. Наконец он сказал: «Скажите одному из ваших дервишей, пусть возьмёт меня под руку». Ходжа отвечал: «Воля твоя». «Прикажите Шейху Амиру Хусайну», — произнес безумец. Ходжа приказал Амиру Хусайну, и сам быстро удалился.

Амир Хусайн, взяв безумца под руку, преобразился, упал и умер. Безумец в изумлении застыл. Хазрат Ходжа (к. с.) удалился на значительное расстояние. Безумец побежал за Хазратом Ишаном. Догнав, поведал о происшествии. Ходжа (к. с.) произнёс: «Хорошо сделал, что умер — «маъ-шаллах» — займись погребением». Безумец принялся упрашивать и взмолился: «Найдите средство исправить положение». Хазрат Ходжа (к. с.) не оказывал ему благосклонности. Безумец молил то одного дервиша, то другого: «Попросите Хазрата Ходжи (к. с.) исправить эту трагедию». Наконец, Ходжа (к. с.) обратился к нему: «Человек, пренебрегающий Всемиловнейшим Господом и его творением, должен легко справиться с исправлением такого происшествия — такие дела должны быть для него лёгкими». Безумец твердил: «Я сделал дурное дело, раскаиваюсь». Дервиши в один голос воскликнули: «Он сделал дурное дело — его непристойность безмерна, однако, теперь он осознал свою убогость и беспомощность». Смиловшись, Ходжа вернулся назад и вынул свою благословенную ногу из «кавуша» (тапочка), поставил её на грудь Амира Хусайна. Дух вернулся в тело Амира, возвратилась подвижность, и он вернулся в нормальное состояние. Хазрат Ходжа (к. с.) произнес: «Подойдя к нему, я совершил обозрение — «сайр», отыскал его дух на Четвёртом небе и возвратил оттуда».

Воистину, после этого жизнь дервиша [безумца] преобразилась, и его вера и приверженность святости Хазрата Ишана достигли совершенства.

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «В один из дней, Хазрат Ходжа (к. с.), находясь в Гадьюте, внутренне оказывал благосклонность одному человеку. «Хорошо бы вступить ему в «Тарикат» (суфийское братство)», — говорил Хазрат. Тот человек дал мне кусок «наввата» (кристаллический сахар). «Передай это Хазрату Ходжи», — сказал он. Я доставил навват Хазрату Ходжи. Он не принял. Я возвратил «навват» хозяину. Сказал о том, что Хазрат не принял. Тот человек, памятуя о святости Хазрата Ходжи, сказал: «Да, в точности так, — я, отдавая «навват» в твои руки для передачи Хазрату Ходже, про себя сказал: «Если в Хазрате есть святость, он этот «навват» не примет». Теперь отнеси, на этот раз он примет. Я снова отнёс «навват» Хазрату Ходже. Он принял. Затем сказал мне: «Сохрани его». Мы с Хазратом отправились в путь. Мы немного прошли, и тут один почитатель принёс полную корзину плодов граната. Взяв один гранат, Ходжа отдал его в мои руки. «Отнеси человеку, давшему «навват», здесь есть одна сокровенная тайна», — сказал Хазрат (к. с.) и прочитал этот бейт:

*«Сухани сар ба мухри дуст ба дуст
Хайф бошад ба таржумон гуфтан»*

*«Когда опаска есть,
что переводчик может речи тайные узнать,
Укроет друга к другу весть заветная печать»*

Я отнёс гранат упомянутому человеку. Тот переменялся в лице: «Во второй раз, отправляя с тобой «навват», я подумал: «навват» примут, мне же отправят какую-то вещь,

теперь мне стало ясно — Хазрат Ходжа поистине велик и обладатель совершенства».

Благодаря благословенному обращению — «таваджух» Хазрата Ходжи, он вступил на суфийский Путь и обратился в одного из преданных друзей».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Один из сановников Бухары вёз в Касри Арифон указ правителя. В пути он повстречал Хазрата Ходжи (к. с.) и повелел ему объявить указ. Ходжа (к. с.) сказал: «Отнеси жителям кишлака». Вельможа, проявив грубость, сорвал с Ходжи (к. с.) кожух и по чиновничьей привычке ударил ногой. Затем отправился оттуда в Гадьюте. Ночью чиновник попытался посягнуть на чужую жену. Его за это убили, и народ избавился от его злодеяний. Смерть этого притеснителя принесла облегчение обществу, которое было осведомлено о его безобразиях».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Однажды Хазрат Ходжа (к. с.) находился с дервишами на берегу канала в Гадьюте. Он сказал одному из дервишей: «Найди и принеси дерево — сделаем шумовку». Там была ива. Дервиш срезал часть дерева и принес Хазрату Ходжи. В Гадьюте был один чиновник, он пришёл на это место и стал бить дервиша, срезавшего ветку. Хазрат Ходжа (к. с.) сказал: «На нём нет греха — это моя вина, бей меня». Чиновник же продолжал бить дервиша, Ходжа (к. с.) повторял: «Бей меня». Между тем, чиновник также один раз ударил ногой Ходжи. На другом берегу канала был выгон. Чиновник направил своего коня пастись в ту сторону. И в это время он упал с коня. Нога, которой он ударил Хазрата Ходжи, осталась в стремени. Конь же помчался к пастбищу. Нога этого грубияна сломалась, сам же он, захлебнувшись в воде, погиб. Это событие послужило поводом для многих статей последователями Хазрата Ходжи».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Однажды Хазрат Ходжа (к. с.) находился в доме одного дервиша, расположенном у ворот Калабад города Бухары. Немного погодя, послышался топот копыт коня, приближающегося со стороны Фатхабада, он прекратился у дверей кельи, где они сидели. Ходжа (к. с.) произнёс из кельи: «Некишах, входи же, цель твоих поисков здесь». Некишах вошёл. Ходжа (к. с.) сказал: «Мы возвратили твоего лошака с холма Фарахун, зная, что ты уезжаешь по необходимости, мы подумали, что негоже ученику уезжать отсюда в дальнюю сторону». Некишах произнёс: «Поистине было так, как сказал Хазрат Ходжа — когда я достиг холма Фарахун, мой лошак остановился, сколько бы я не понукал — он не шёл. Про себя я решил — отпущу поводья, пускай идёт куда захочет. Лошак направился в эту сторону, даже не думая идти в сторону нашего дома, он спешил к келье этого дома и, прийдя сюда, остановился». Все, кто находился в комнате, были изумлены блеском пронизательности Хазрата Ходжи и признали совершенство святости Ходжи».

ОДИН ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК поведал: «В один из дней я решил проведать Хазрата Ходжи. Я сел возле него. Хазрат (к. с.) велел: «Сядь подальше от меня, сейчас не время сидеть так близко — тебя постигнет беда».

Тот достопочтенный рассказал: «После того, как я вышел из благословенной беседы Хазрата Ишана наружу, меня схватили злоумышленники, они требовали от меня тысячу динаров и доставили мне много волнений. Для избавления мне пришлось приложить много усилий, и наконец, я избавился от них. Мне вспомнились многие речи, услышанные от дервишей о высказываниях Хазрата Ходжи в этом смысле. Божественный Промысел в отношении меня проявился в том, что я удостоился беседы с человеком такого высокого ранга. Во время, когда надо было находиться далеко от Хазрата, я был далеко.

Только человек, осведомлённый об его [Хазрата] состояниях и временах, может извлечь из этого уровня пользу. Полученная от его бесед участь иногда оборачивается бедой».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Как-то Хазрат Ходжа (к. с.) в Касри Арифон сказал Шейху Амиру Хусайну: «Дома есть шестьдесят маннов пшеницы, нужно отвезти на мельницу и намолоть муки». Я украл из этой пшеницы два манна и положил в одно место. Немного погодя пришёл Хазрат Ходжа (к. с.) и обратился к Амиру Хусайну: «Насыпь пшеницу в мешок», Амир Хусайн занялся этим делом. Он спросил Ходжи: «Сколько маннов пшеницы?» Опередив Ходжи, я ответил: «Шестьдесят маннов». Ходжа (к. с.) сказал: «Нет, здесь — не шестьдесят маннов». Сказав так, направился к дому. Я удивился и терпеливо ждал. Про себя я подумал: «Хазрат знает, что здесь — не шестьдесят маннов, знает также, что я украл пшеницу». Я принёс эти два манна пшеницы. В отсутствие Амира Хусайна высыпал в мешок.

Немного погодя пришёл Хазрат Ходжа (к. с.). Он велел Амиру Хусайну: «Грузи зерно!». Тот спросил у Ходжи: «Сколько здесь всего маннов пшеницы?» Ходжа (к. с.) отвечал: «Шестьдесят маннов». Амир Хусайн погрузил и направился в сторону города. Амир Хусайн посетовал Ходжи: «Недавно сказали — нет шестидесяти маннов, теперь же говорите — шестьдесят маннов». Ходжа ответил ему: «Тогда было не шестьдесят маннов, теперь же — шестьдесят маннов». От этой его пронизательности моя вера ещё более усилилась».

ОДИН ДЕРВИШ поведал от Ходжи Аляуддина Ат-тара (к. с.):

«Хазрат Ходжа (к. с.) шёл по базару. Он увидел человека, который продавал сладости, сложенные в кувшин. Хазрат Ходжа, догнав его, разбил кувшин. От этого его поступка у собравшихся людей родилось недовольство. Когда же они

посмотрели внимательно, то увидели лежащую среди сладостей мёртвую мышь. Все были изумлены такой пронизательностью Ходжи, и их враждебность сменилась признанием».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «В один из дней Хазрат Ходжа (к. с.) проходил по берегу ручья. Там стоял ребёнок, поставив на возвышение кувшин, наполненный водой. Ходжа разбил кувшин. Увидев это, ребёнок заплакал. Ходжа отправил одного дервиша на базар, приказав купить новый кувшин для ребёнка. При внимательном осмотре оказалось, что разбитый кувшин ребёнка был оскверненным».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Как-то наш Хазрат Ходжа (к. с.) был в саду, где сейчас находится его пречистая могила. Я вместе с ещё одним дервишем исполнял его службу. Ходжа (к. с.) сидел оперевшись. Немного погодя в Ходже проявилось грандиозное состояние. Упомянутый дервиш упал в беспамятстве. Ходжа, поднявшись с места, стал кружить вокруг водоёма. Затем он обхватил яблоню. Спустя немного времени тело Ходжи начал увеличиваться, да так, что заполнил весь сад. Куда ни гляну, всюду я видел его благословенное тело. Затем я увидел, что благородное тело стало уменьшаться, пришло в такое состояние, что от тела не осталось и следа. Гляжу, тело вновь появилось и пришло в своё нормальное состояние. Яблоня по-прежнему была в его объятиях. Я был поражён увиденным явлением. Тут Ходжа (к. с.) произнес: «От Хазратов Азизон¹⁶², да будут с ними благодать и прощение Аллаха, передают, что такие события имели место».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Однажды Хазрат Ходжа (к. с.) был в Касри Арифон. Было время намаза «аср» (вечерней молитвы). Муэдзин произнёс призыв на молитву. В это время ко мне пришёл гонец из Гадьюта и сообщил: «Твой дядя — такой-то дервиш болен». Хазрат Ходжа (к. с.) относился

¹⁶² Здесь имеются в виду шейхи-предшественники-главы суфийского братства Ходжаган.

к моему дяде благосклонно. Хазрат говорил с гонцом, когда муэдзин прочитал «Такбир» (начальная часть намаза, гласящая «Аллах Акбар»). Ходжа исполнил намаз. Выполнив намаз, поднялся с места. Стоя над молитвенным ковриком произнёс:

الَّذِينَ إِذَا أَصَابَتْهُمُ مُصِيبَةٌ قَالُوا إِنَّا لِلَّهِ وَإِنَّا إِلَيْهِ رَاجِعُونَ¹⁶³
(سورة البقرة)

Во время намаза «иша» (последняя вечерняя молитва) пришёл человек с вестью: «Твой дядя скончался». У гонца было спрошено: «В какое время скончался?» — «Во время намаза «аср», — отвечал он».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Однажды Хазрат Ходжа (к. с.) был в Касри Арифон. Один дервиш по имени Ибрагим пришёл из Гадъюта и приветствовал Ходжи. Ходжа — да будет свята его могила! — спросил у него: «Пешком пришёл или на лошади?». — «Часть дороги пешком, часть на лошади», — сказал он». Ходжа (к. с.) сказал: «Если ты испытываешь любовь к нам, почему не пришёл пешком?» Дервиш стал плакать. Хазрат Ходжа (к. с.) встал с места и направил свои ноги в сторону Баги Арслан. Когда пришёл в Баги Арслан, там собралось большое сообщество. Собрались дервиши и соискатели. Была весьма приятная беседа. Ибрагим из Гадъюта пришёл вслед за Хазратом в Баги Арслан. Он продолжал плакать и умолять. Дервиши сжалились над ним. Они предстали перед Хазратом Ишаном. Они стали просить: «Простите этого дервиша». Ходжа (к. с.) призвал его к себе и оказал ему милость. Тот упал, потеряв сознание, и абсолютно перестал дышать. Люди пришли в смятение. Люди были убеждены, что он умер.

¹⁶³ «Поистине, мы все во власти Бога,
И лишь к Нему мы возвратимся»

Священный Коран, сура «Корова», аят № 156.

Этот аят читается по получении известия о чьей-либо кончине.

На протяжении времени, пока готовилась трапеза, дервиш лежал в таком состоянии. После этого Хазрат Ходжа (к. с.) коснулся его своей благословенной рукой и вывел из этого состояния. Однако у дервиша не было сил встать, им владел сильный душевный трепет. Ходжа (к. с.) произнёс: «Нужно отнести его в Гадъют, пусть никто из дервишей не входит в его дом». Отнесли его в Гадъют. Одна из близких ему праведных женщин, услышав о происшедшем, вошла к нему. Его состояние ударило в женщину, она упала без чувств. Долгое время она находилась в этом положении. Когда она пришла в себя, это качество в ней не исчезло, это состояние длилось у этой женщины до года. «Халь» и его действенность в ней усиливались. В этой женщине можно было видеть признаки величия».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «В один из дней Хазрат Ходжа (к. с.) был в одном доме в Бухаре. Он рассказывал о «макаме ишк» — стоянке любви (одна из высших степеней на духовном Пути суфия). Присутствующих охватило великое состояние. Я также вышел после беседы в подобном качестве. Пошёл в Касри Арифон. В то время у меня в отношении одного человека была любовная привязанность. Когда мы приближались друг к другу, между ним и мной возникла рука и рукав одежды Хазрат Ходжи. В тот же миг я зажмурил глаза. Спешно я возвратился в свой дом. В это время я увидел Шейха Шоды. Он сказал: «Хазрат Ходжа (к. с.) послал за тобой, я только что прибыл. Ходжа (к. с.) наказал так: «Пусть близкие хорошенько охраняют тебя, проявляя в этом деле прилежность. Если бы я не явился перед тобой, это твоё состояние тебя бы не оставило». Передав эти речи, Шейх Шоды ушёл.

Через неделю я встретился с Хазратом Ходжи. — «Если бы ты не увидел моей руки, то не закрыл бы своих глаз», — произнес Хазрат (к. с.). Сказав так, крупницей милости рассеяли это моё состояние [греховной влюблённости]».

В один из дней сей недостойный (то есть, собиратель свидетельств упомянутой Святости и её Сияния), был в Бухаре. В «сухбате» (беседе) дервишей Хазрата Ходжи (к. с.) зашла речь о милостях, оказываемых шейхом «муриду» (ученику). Тогда один достопочтенный, бывший муридом Хазрата Ходжи поведал: «От места, где я живу, до Бухары двенадцать фарсахов пути. Как-то мне пришлось пойти в дом одного из дервишей. Когда я пришёл, того не оказалось дома. Его домочадцам я сказал: «Нужно постирать мою одежду». В это время у меня появилась греховная страсть к его жене. Я никак не мог сдержать себя от этого. Я сказал ей: «Запри дверь!» Когда она запирала дверь, до моих ушей донеслись звуки топота копыт. Быстро приблизившись, топот прекратился у двери. — «Есть в доме такой-то дервиш?», — назвал всадник моё имя. Я был в сильнейшей тревоге. Женщина не смогла промолчать. — «Да, есть в доме», — отвечала она. Я в панике вышел из дома. Увидев меня, вопрошавший человек сказал: «Хазрат Ходжа разыскивает тебя, только что прибыл из Бухары, это его конь. Сразу по прибытию Хазрат мне велел: «Разыщи его!» Сейчас не время ждать, садись на этого коня».

Этот достопочтенный продолжал: «Меня поразила одна вещь — между мной и Ходжи было такое расстояние. Если б меня не достигли милость и великодушие Хазрата Ишана, я бы погиб — шайтан погубил бы меня. Я спешно прибыл в расположение Хазрата Ходжи и приветствовал его. Среди людей Хазрат (к. с.) не подал виду. Я принялся готовить еду. Когда еда была готова, Хазрат (к. с.) откушал немного. Каждое мгновение он внушительно взглядывал на меня. Когда люди разошлись, он сказал мне: «Если б я не пришёл, что бы с тобой было?!» Я был так пристыжен и посрамлен этой его пронизательностью, что этому не было предела».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «В один из дней я был в саду. Неожиданно пришлось встретиться с одним человеком. Я влюбился в него. Я никак не мог удержать себя. Замыслив дурное дело, я приблизился к нему. Внезапно я увидел Хазрата Ходжи (к. с.) перед собой, в благословенных руках его был посох. Хазрат (к. с.) намеревался метнуть посох в меня. Увидев это, я зажмурил глаза, прикрыв руками лицо. Я быстро удалился от этого места в сторону своего дома. Какое-то время я не мог ни на что нормально смотреть. От места, где я живу, до Бухары [где в это время находился Хазрат (к. с.)] десять дней дороги».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Однажды мы вместе с группой дервишей Хазрата Ходжи (к. с.) были в Касри Арифон. Мы готовили канавки для будущей бахчи. В это время я несколько раз повторил: «Рассказывали мне, будто в традиции ходжаган был один человек (да освятит Аллах его душу), его «муриды», также как и мы, тянули канавки для бахчи. Когда принесли еду, «муриды» этого человека сказали: «Как бы было хорошо, если б были дыни «зомча». Тот достопочтенный тотчас же, зайдя на бахчу, сорвал несколько «зомча» и положил перед дервишами».

Повествующий продолжал: «Когда я рассказывал об этом дервишам, подошёл Хазрат Ходжа (к. с.). — «О чём говорите?» — спросил он. Я стоял молча. Один из дервишей поведал эту мою историю. Ходжа (к. с.) улыбнулся. Оставив нас заниматься работой, он, протянув свои благословенные руки, взял с земли будущей бахчи одну дыню «зомча» и, положив в подол, направился к дому. Несмотря на то, что прервалась трапеза, мы также отправились за ним вослед. Дервиши, глядя на меня, говорили: «Слышится запах дыни «зомча». Придя в дом, Хазрат Ходжа (к. с.) сказал нам: «Эту «зомчу» мы из одного заветного места доставили для вас».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Однажды Хазрат Ходжа (к. с.) был в Бухаре в доме Мавляны Хисамуддина Юсуфа (к. с.). Шейх Шоды также был здесь. Пришел один человек, и он заявил: «У меня есть претензия к Шейху Шоды». Ходжа — да будет свята его могила! — сказал: «Хорошо, вот присутствую «улемы»¹⁶⁴, выскажи свою претензию». Упомянутый человек сказал: «Я отведу его к «хакиму»¹⁶⁵». Ходжа (к. с.) сказал: «Мы твою претензию удовлетворим лучше, чем блюститель шариата»¹⁶⁶, рассмотрев самым внимательным образом». Истец не принял слов Хазрата Ходжи. Ходжа (к. с.) произнес: «Шоды, ступай с ним, в этот же час станет известно то, как он отведёт тебя к «хакиму вилаята». Некоторые дервиши решили сопровождать Шейха Шоды. Несколько сыновей истца также отправились вместе с ними. Дорога к «хакиму» проходила рядом с дверью «Хаммами Оханин» (Баня Жестянщиков). Истец поскользнулся на банной воде и скатился вниз в сточную яму. Нос и рот его залила вода. Он кричал сыновьям: «Вытяните меня!» Люди с трудом вытянули его из ямы с грязной водой. Открыв глаза, он промолвил: «К Шейху Шоды у меня претензий нет; это страдание настигло меня от меча шейхов». Не успев произнести две — три «калимы» — молитвы, он испустил дух. Сыновья занялись им.

Дервиши возвратились к Хазрату Ходжи. Рассказали о происшедшем. Ходжа (к. с.) повернулся к Шейху Шоды и, улыбаясь, спросил: «Как дела в мире?» Ходжа Юсуф и присутствующие «улемы» поразились исполнению провидческих слов Хазрата Ходжи: «В этот же час станет известно — как он отведёт тебя», и это событие стало причиной укрепления веры у собравшихся дервишей».

¹⁶⁴ Улемы — учёные богословы, знатоки Ислама.

¹⁶⁵ Хаки́м — правитель, блюститель права.

¹⁶⁶ Ша́риат — свод мусульманских законов.

КАК ПЕРЕДАЮТ от Ходжи Аляуддина Атгара (к. с.), он рассказал: «Причиной притягательности «тарика» (пути) нашего Хазрата Ходжи (к. с.) было неуклонное соблюдение шариата и следование Сунне¹⁶⁷, поэтому большей частью его беседы — «сухбаты» были с «улемами» (знатоками Ислама). Во времена Хазрата Ишана ведущими «улемами» Бухары были Мавляна Хисамуддин Ходжа Юсуф Асила и Мавляна Хамидуддин Шоши, да пребудет с ними милосердие Аллаха.

Однажды Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — обратился к этому убогому (рассказчик так скромно именуется себя): «Возьми немного миндаля, мы с тобой пойдем на «сухбат» Мавляны Хамидуддина Шоши». При встрече Хазрата Ходжи с Мавляной Хамидуддином наш Ходжа (к. с.) сказал: «Мы в поиске вас, вы — в разговоре о нас». От этих его слов все присутствующие в «сухбате» мудрецы пришли в изумление. Мавляна Хамидуддин проявил много учтивости. Дело в том, что до встречи Мавляна Хамидуддин рассказывал своим друзьям о достоинствах Хазрата Ходжи. После того, как Мавляна Хамидуддин и его сотоварищи поели миндаль, Ходжа Юсуф, собрав его скорлупу, закопал в чистом месте. Некоторые сподвижники Мавляны Хамидуддина осудили это. Мавляна предостерег их от осуждения, говоря: «Не осуждайте, воздержитесь».

Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — произнес: «Ядро бывает под защитой скорлупы. Если скорлупе будет нанесён ущерб, это скажется и на ядре ореха. Если угроза направлена на шариат, то она столкнётся с тарикатом». Мавляна Хамидуддин высказал много одобрения и благодарности. Затем, обращаясь к группе последователей, сказал: «Дабы вы не

¹⁶⁷ Сунна — собрание достоверных преданий о высказываниях и деяниях Пророка Мухаммада (с. а. в.).

погрязли в невежестве, Хазрат привел это для вас как довод. Не подобает выказывать непочтительность друзьям Истинного Господа». Хазрат Ходжа (к. с.) сказал: «Ходжаган»¹⁶⁸ говорили: «Мы подбираем колоски после «улемов», значит, мы оправдываем это. Однажды один уважаемый человек спросил нас: «Уже немало времени мы общаемся с вами и почему же мы не в числе тех, кто принял ваш тарикат (духовный путь)?» Мы отвечали достопочтенному человеку: «Наш образ действия — следование Сунне, мы подтверждаем доводами Сунну Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! В учении и практике следуем «улемам», всё, что они передают о Пророке (с. а. в.), мы выполняем на практике, изначально и до сих пор и это — наш долг».

ОДИН ОТРОК поведал: «Однажды Хазрат Ходжа (к. с.) ехал по Бухаре верхом на осле. Дорога, по которой он шёл, пролежала мимо двери дома одного дервиша. Ходжа (к. с.) приблизился к ней. Дервиш попросил не спешиваться с осла, говоря, что в этом нет необходимости. Ходжа (к. с.) произнес: «У нас и мысли не было спешиваться, просьба ни к чему». Упомянутый дервиш рассердился и высказал Ходжи много неподобающих слов. Ходжа (к. с.) улыбнулся и выказал радость. Присутствующие были восхищены великодушием Хазрата Ходжи.

На другой день Хазрат Ходжа (к. с.) с группой дервишей направлялся в сторону Куфина. Упомянутого дервиша постигла тяжёлая болезнь. Некоторые дервиши, осведомлённые о проявленной им в отношении Хазрата Ходжи дерзости, пришли к нему. — «Причина твоего недуга — сказанные тобой Хазрату Ходжи слова; избавление от недуга опять же найдешь у Хазрата Ходжи», — сказали они.

¹⁶⁸ «Ходжаган» — суфийское братство, основанное Абдулхаликом Гуджувани, предшественники братства накшбандия.

Тот дервиш всё время вспоминал Хазрата Ходжи. Однажды, призвав меня, он сказал: «Если Хазрат Ишан (к. с.) не придёт поскорей — я погибну». Я вышел от него, и немного погодя я встретился с идущим куда-то по важному делу Хазратом Ходжи. Он шёл со стороны Куфина. Я поприветствовал Хазрата Ходжи. — «Как самочувствие дервиша, у которого ты был сейчас?» — спросил Хазрат (к. с.). Я изумился и сказал: «Он близок к смерти, лежит, уповая увидеть вас».

Ходжа, не мешкая, отправился навестить его. Я также пошёл за ним следом. Хазрат (к. с.) справившись у дервиша о его состоянии, сказал: «Аш-шафий хуАллаху»¹⁶⁹. — Ты поправишься, не бойся — от этой болезни не умрёшь». От благости «дуа» (молитвы) Хазрата Ишана у дервиша появились признаки выздоровления. — «Я задел ваше достоинство, проявил дерзость, простите», — многократно молил дервиш. Ходжа (к. с.) сказал: «Душа наша была уязвлена, однако, теперь в душе нет осадка».

Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — вышел от дервиша. В это время он произнёс: «Мы ходим по стопам и дорогами Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! Ему [Пророку] в битве сломали священные зубы. Пророк — да благословит его Аллах и приветствует! — сказал: «Аллахуммахди кавмий, файннаху ла йаъламуна»¹⁷⁰. Однако, говорят, будто шейхи — обнажённый меч, острием бьют свой народ. Они не бьют клинком меча по собственной воле. У «Хазрата Азизон» — досточтимого шейха спросили: «Такого-то человека поразило «острие шейхов», скажите, как это понимать?» Он отвечал: «На этом Пути есть обнажённое лезвие, народ сам натывается на это острие».

¹⁶⁹ «Исцеляющий — это сам Аллах» (араб).

¹⁷⁰ «О, Аллах, направь племя на путь истинный, ибо они не ведают (истины)».

ОДИН ДЕРВИШ поведал: «Когда Хазрат Ходжа (к. с.) собирался во второй раз совершить паломничество в Байтуль Харам (Священную Мекку), собирающиеся в паломничество «хадж» стали брать в наем верблюдов. Обращаясь к последователям, Ходжа — да будет свята его могила! — сказал: «Пусть каждый для себя выберет верблюда». В конце остался один тощий верблюд, никто из намеревающихся совершить «хадж» не выбрал его. Ходжа (к. с.) сказал: «Этого верблюда выбираем мы». Последователи, встревожившись, стали молить, говоря, этот верблюд очень тощ и бессилен, дорога в Каабу — тяжёлая дорога. Ходжа (к. с.) заявил: «Я обязательно поеду на этом верблюде».

Отправились в путь. Многие из сильных верблюдов отстали в дороге. Хазрат Ходжа (к. с.) поехал и возвратился на упомянутом верблюде. Хазрат Ходжа (к. с.) сказал: «Садитесь на такого верблюда, для которого вес ваш не будет в тягость, учитывайте подъёмную силу его. Угодники Божьи — «аулиуллах» — такие люди: внешне они сидят верхом на вьючном животном, но внутренне они принимают на себя тяжесть ноши. Именно так передают от «султана арифов» Абу Язида Бистами (к. с.)». Люди каравана были восхищены этими качествами Хазрата Ходжи и признали совершенство святости его».

ХАТИМА (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

ОДИН МУДРЕЦ поведал: «Я собирался в путешествие и пошёл в присутствии нашего Хазрата Ходжи (к. с.) для того, чтобы попрощаться. В пути я всегда ощущал на себе влияние его благословения. Находясь в Кешском вилайете, я услышал весть о его кончине. Во мне возобладала безнадежность. Дважды я ходил в медресе в чайнии «илма» — духовной мудрости. В эту ночь я увидел во сне Хазрата Ишана (к. с.). Хазрат — да будет свята его могила! — прочитал:

وَمَا مُحَمَّدٌ إِلَّا رَسُولٌ¹⁷¹

Следом за этим [прочитал]:

أَفَإِنْ مَاتَ أَوْ قُتِلَ انْقَلَبْتُمْ¹⁷²
(سورة آل عمران)

«Сказал Зайд ибн Харис».

Я пробудился от сна. Я понял указания Хазрата Ходжи (к. с.). Убедился, что посредством духа, Хазрат — да будет свята его могила! — оказывает благосклонность убогим и содействует через «таваджух» (духовное предстояние) этим нуждающимся. Однако почему было сказано «Сказал Зайд ибн Харис», я не понял. Когда я снова увидел во сне Хазрата (к. с.), он сказал: «Зайд ибн Харис говорит: «Религия Ислам — едина».

¹⁷¹ «И Мухаммад — не больше, чем посланник,»

¹⁷² «И если он умрет или погублен будет,
Ужель вы обратитесь вспять?»

Священный Коран, сура «Семейство Имрана», аят № 144.

Эти указания Хазрата Ходжи (к. с.) всегда в моей памяти. Этот сон был свидетельством того, что Хазрат Ходжа — да будет свята его могила! — был истинным «Далил» (Путеводителем). Он и при жизни, и после смерти направлял рабов Истинного Вседержителя на путь праведный. Сказанное же и показанное Хазратом было из Книги Аллаха (Священного Корана), Сунны Пророка — да благословит его Аллах и приветствует, пути сподвижников Пророка (с. а. в.), обычаев предшественников — праведников, да будет доволен Аллах ими всеми и да ниспошлёт нам их благости, Своей щедростью и превосходством обратит в их друзей!»

По милости Аллаха эта книга завершена.

Эта книга написанием завершена [переписана с более раннего оригинала] рукой самого жалкого из учеников муллы Ахмада, известного под именем муллы Нишана ибн Мухаммада Юсуфа (да простит Аллах его грехи и укроет вину его). Год 1328 по хиджре, великий месяц Шагбан, «махалла» (квартал) Калабад, что в Бухаре.

*«Шуд ба авфики Худойи ло яном,
Ин китоба рузи якшанба тамом».*

*«Всемиловитым Богом нам дарована судьба
Что книга эта завершилась в якшанба¹⁷³».*

¹⁷³ Якшанба — день недели, воскресенье.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

СУФИЗМ, СУФИИ И ШЕЙХИ, СУФИЙСКИЕ БРАТСТВА

Суфизм (араб.: тасаввуф, тарикат, у европейцев иногда обозначается и как дервишизм, от персид. дервиш — бедный, отрекшийся от благ; синоним арабскому термину «факир») представляет собой особую мистико-аскетическую теорию или религиозно-философско-правовое учение, а также хорошо разработанную и отточенную практику в рамках ислама, цель которых дать избранному кругу правоверных мусульман возможность «познания и прямого общения с Аллахом». Ему в известной степени свойственен аскетизм, то есть суровое упражнение воли на пути духовного самосовершенствования для «очистки сердца от зла». Но главная характерная черта суфизма — это мистицизм, который вместе с аскетизмом имеет целью мысленное «единение» с Создателем, «погружение» в Него и уничтожение собственной личности путем полного подчинения собственного «Я» воле наставника.

Тасаввуф древен и многолик, как и сам ислам. Уже в VIII в. внутри ислама он оформился в самостоятельное идейное течение, которое позиционировало себя как мост и путь познания Истины (Бог), прежде всего, через внутреннее нравственное развитие верующего. Он поспособствовал сращиванию «нормативного» ислама и местных традиций в регионах его распространения. Это привело к «оживлению» ислама и превращению его для многих народов в «свою религию». В целом учение о тарикате дало более глубокое истолкование ислама и стало зеркалом его морали и философии. Кроме того, оно легализовало в исламе институт святых как защитников

обездоленных, который имелся у многих народов, в том числе у башкир и татар, и в доисламский период.

Приверженцы суфизма — суфии, муриды, или дервиши — ведут особый, скрытый от посторонних глаз образ жизни, основанный преимущественно на весьма неясных и неопределенных чувствах и ощущениях. По их мнению, человек сотворен для служения Богу, который ценит в человеке лишь одно чувство, а именно любовь. Совершеннейшая же часть этого служения, считают суфии, есть искание «вечной Истины»¹.

Центральным элементом на этом пути является тандем ученик — наставник. Последний именуется шейх (араб.: шайх/шейх — старейшина; руководитель суфийского братства), или ишан (перс.: местоимение 3-го лица мн. ч. в значении «их милость»), а реже муршид (араб.: наставник; проповедник), или ходжа (перс.: господин; глава; учитель). Шейхи, ишаны, муршиды или ходжи являлись также руководителями, главами местных отделений того или иного суфийского ордена или братства (араб.: тарика). В XVIII — начале XX в. среди башкир и татар шейхи/ишаны считались обладателями божественной благодати (араб.: барака) и пользовались громадным влиянием, а некоторые из них почитались как святые (араб.: аулийа мн. число от вали: святой), обладающие даром прозорливости.

Суфизм как эзотерическое учение, «открывающее путь» к Богу, практиковалось, как правило, среди мусульманской элиты. Для большинства же населения он создавал, прежде

¹ Подробнее см., например: *Schimmel, Annemarie: Mystische Dimensionen des Islam: Die Geschichte des Sufismus*. 3. Aufl. München, 1995 (Пер. на рус. яз.: Шimmel А. Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н. И. Пригариной и А. С. Раппорта. М., 1999); *Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм: Краткая история* / Пер. с англ. М. Г. Романова. М.; СПб., 2004; и др.

всего, «моральные ориентиры для богоугодной жизни внутри общества». Кроме того, у дореволюционных башкир и татар общий набор суфийских символов поддерживал их мусульманскую идентичность «в противовес Российской, немусульманской, империи». В более широком, международном плане «суфийские сети связывали также мусульманские регионы Российской империи не только друг с другом (например, [Урало-]Поволжье со Средней Азией и Кавказом), но и с традиционными мусульманскими центрами, как Стамбул и Каир»².

Имеются множество суфийских школ (братств или орденов), каждая из которых выдвигает свои методы и способы самостоятельного, но под руководством личного шейха, «приближения» к Богу и даже «слияния» с Ним. В каждой местности, населенной мусульманами, господствует та или иная из них. Среди башкир и татар пореформенного Урало-Поволжья, например, преобладали сторонники Накшбандийа — одного из 12 главных материнских суннитских суфийских братств, получившее название по имени крупнейшего представителя туркестанского мусульманского мистицизма в эпоху Тимура шейха Бахаутдина Накшбанда (1318–1389), который заложил организационные основы этого ордена.

Классическое накшбандийское учение опиралось также на идеи крупнейшего среднеазиатского поэта-мистика Ахмада ал-Йасави (1091–1166/1167). Оно отрицало «показную набожность и обрядность, уводящие в сторону истинного мистика: сорокадневные посты, бродяжничество, нищенство, публичные радения (араб.: самаг') с музыкой, пением и танцами, громкий (джахр) зикр»³. От его последователей требовались:

² См., например: *Кемпер М.* История суфизма в Поволжье и Приуралье // Мир ислама. 2005. № 1 (3). С. 5.

³ См.: *Акимушкин О. Ф.* Накшбанд, Баха' ад-дин Мухаммад б. Бурхân ад-дин Мухаммад ал-Бухâри // Ислам: Энциклопедический словарь /

«духовная чистота, отказ от стяжательства, добровольная бедность... и жизнь-синобиум в обители». Суфий-накшбанди должен «строго следовать сунне пророка, его сподвижников и выполнять все предписания шари`ата»⁴. Накшбандийа было единственным братством не только разрешающим, но и обязывающим своих последователей вступать в контакты с властями, чтобы, «завоевав их души», направлять официальную политику в нужное русло.

Теоретические основы ордена Накшбандийа, как и у других братств, не были застывшими. Они постепенно развивались, так как многие суфии-накшбанди в соответствии с пророческой традицией мусульман связывали начало каждого столетия с приходом очередного «обновителя» (араб.: муджаддид) сунны, то есть комплекса образцов и руководств для всех мусульман, основывающегося на поступках и высказываниях пророка Мухаммада⁵. Наиболее почитаемым таким «обновителем»

Ред. кол.: С. М. Прозоров (отв. секретарь) и др. М., 1991. С. 186; Он же. Накшбанд, Баха' ад-дин Мухаммад б. Бурхан ад-дин Мухаммад ал-Бухари // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М., 2006. Т. 1. С. 299–301; *Algar, Hamid: Naqshbandiyya // The Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden; London 1995. Vol. 8. P. 938.* Более подробно см.: *Algar, Hamid: The Naqshbandi Order. A Preliminary Survey of its History and Significance // Studia Islamica. 1976. Vol. 44. P. 123–156; Gaborieau M., Popovič A., Zarcone Th. (Eds.) Naqshbandis. Cheminements et situation actuelle d'un ordre mystique musulman. Istanbul; Paris, 1990; Meier, Fritz: Zwei Abhandlungen über die Nakšbandiyya. Istanbul; Stuttgart, 1994; Он же. Meister und Schüler im Orden der Naqšbandiyya. Heidelberg, 1995; и др.*

⁴ *Акимушкин О. Ф.* Накшбанд, Баха' ад-дин Мухаммад б. Бурхан ад-дин Мухаммад ал-Бухари // Ислам: Энциклопедический словарь. С. 186.

⁵ Подробнее см.: *Kügelgen, Anke von: Die Entfaltung der Naqšbandiyya Mujaddidiyya im Mittleren Transoxanien vom 18. bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts: Ein Stück Detektivarbeit // Kügelgen von A., Kemper M., Frank A. (Hrsg.) Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to*

считается индийский шейх Ахмад Фаруки Сирхинди (1563–1624), по прозвищу «Муджаддид-и альф-и сани» (реформатор второго тысячелетия)⁶.

Генеалогическая цепь, или цепь духовной преемственности, (араб.: силсила) многих дореволюционных башкирских и татарских шейхов, в том числе Зайнуллы ишана Расулева (1831–1917), восходила также к этому шейху через его сына шейха Мухаммада-Магсума ибн Магсум ибн имам Раббани (ум. в 1668 г.) и семи других посредников⁷.

На рубеже XVI–XVII вв. от ордена Накшбандийа отпочковалось самостоятельное ответвление Накшбандийа-Муджаддидийа, которое со временем затмило материнское братство. В Урало-Поволжье оно проникло через Бухару и Самарканд и стало господствующим суфийским братством со второй половины XVIII столетия. Сторонники Накшбандийа-Муджаддидийа выступали за соблюдение правоверными строгого морального кодекса и чистоты в вопросах веры на основе первоисточников ислама: Корана и сунны пророка. В сфере ритуала они в отличие, например, от последователей Йасавийа отвергали некоторые экстатические приемы (танец, пение или громкий зикр), показной аскетизм и отшельничество в келье (араб.: ханака, турец.: текке), а вместо этого про-

the Early 20th Centuries. Berlin, 1998. Bd. 2. S. 101–151 (Пер. на рус. яз.: Кюгельген А. Расцвет Накшбандийа-Муджаддидийа в Средней Трансоксании с XVIII до начала XIX в.: Опыт детективного расследования // Суфизм в Центральной Азии (Зарубежные исследования): Сб. статей памяти Фритца Майера (1912–1998) / Сост. и отв. ред. А. А. Хисматуллин. СПб., 2001. С. 275–330).

⁶ См.: Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. А. А. Ставинской, под. ред. и с предисл. О. Ф. Акимовской. М., 1989. С. 82–85.

⁷ Подробнее см.: Фархитов М. Н. «Дело» шейха Зайнуллы Расулева. Уфа, 2009.

пагандировали «сближение с Богом» внутри общества, в мирной повседневной жизни.

В течение столетий Накшбандийа и Накшбандийа-Муджаддийа развивали «целый ряд воспитательных методов, с помощью которых сердце ученика-мюрюда связывается с сердцем мастера — муршида», что давало «муршиду возможность установить контроль над учеником»⁸. Но по идейно-политическому направлению и социальной принадлежности Накшбандийа была чрезвычайно пестрой группой. Например, в дореволюционном Башкортостане и Татарстане видными суфиями-муджаддиди были первый (в 1788–1824 гг.) Оренбургский муфтий Мухаммад-Джан Хусаинов (1756–1824), а также такие ярые противники муфтията и интеграции мусульман в Российскую империю, как шейхи Габдрахим Утыз-Имяни (1754–1834) и Багаутдин Ваисов (1810 или 1818/1819–1893)⁹.

Как и другие суфийские братства, Накшбандийа-Муджаддийа имело несколько крупных идейно-организационных ответвлений или локальных групп, практическая деятельность которых, однако, осуществлялась в русле основных идей и взглядов Бахаутдина Накшбанда. Наиболее распространенным и влиятельным ответвлением среди них было Халидийа. Оно практиковало, например, громкий зикр и празднование дня рождения пророка Мухаммада, а также воинственно выступало в защиту шариата и за модерниза-

⁸ Кемпер М. История суфизма в Поволжье и Приуралье. С. 6–7.

⁹ Там же. С. 7, 8. Подробнее см.: Кемпер, Michael: *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baskirien, 1789–1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft*. Berlin, 1998 (Пер. на рус. яз.: Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: Исламский дискурс под русским господством / Пер. с нем. И. Гилязова. Казань, 2008); Адыгамов Р. К. Габдрахман Утыз-Имяни. Казань, 2006; Усманова Д. М. Мусульманское «сектанство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман» (1862–1916 гг.). Казань, 2009; и др.

цию некоторых сфер общественной жизни мусульман¹⁰. Ее основателем был курд по национальности Халид ал-Багдади (1776–1827), который активно распространял Накшбандийа-Муджаддидийа в Ираке, Сирии и Курдистане. В позапрошлом столетии Халидийа стала синонимом братства Накшбандийа в Османской империи¹¹.

И в других регионах исламского мира Халидийа вела активную борьбу за влияние с Бекташийа, Йасавийа и Мавлавийа, нередко возглавляя движения за национальную независимость, как, например, в конце 70-х гг. XIX в. в Курдистане.

Братство Накшбандийа в различных толкованиях и идейно-организационных формах вкуче с Йасавийа, Кадирийа, Кубравийа и другими сыграло большую роль в распространении и укреплении суннитского ислама среди кочевых и полупоселенных тюркских племен¹². Не был исключением и Урало-Поволжский регион, куда накшбандийское учение пришло не

¹⁰ См., например: *Algar, Hamid: Shaykh Zaynullah Rasulev: The Last Great Naqshbandi Shaykh of the Volga-Urals Region // Gross, Jo-Ann (Ed.) Muslims in Central Asia. Expressions of Identity and Change. Durham; London, 1992. P. 117–118* (Пер. на рус. яз.: *Алгар Х. Шейх Зайнулла Расулев — последний Великий Шейх суфийского братства Накшбандия в Волго-Уральском регионе / Пер. с англ. И. Р. Насырова // Ватандаш. 1998. № 9. С. 127–128; Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. С. 148–150; и др.*

¹¹ См., например: *Abu-Manneh, Butrus: The Naqshbandiyya-Mujaddidiyya in the Ottoman Lands in the Early 19th Century // Die Welt des Islam. 1982. Bd. 22. S. 29–34; Le Gall, Dina: The Ottoman Naqshbandiyya in the Pre-Mujaddidi Phase: A Study in Islamic Religious Culture and its Transmission. Princeton University Press, 1992; Yilmaz, Necdet: Osmanlı Toplumunda Tasavvuf: Süfiler, Devlet ve Ulemâ (XVII. Yüzyıl). İstanbul, 2001. S. 379–396; и др.*

¹² См., например: *Бартольд В. В. Обзор истории тюркских народов // Соч. В 9 т. М., 1968. Т. 5. С. 432.*

Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанда
позднее XVIII в. и играло самую активную роль в интеллектуальной и общественной жизни башкир и татар вплоть до 20-х гг. XX в.

*М. Н. Фархшатов, кандидат исторических наук,
зав. отделом Института истории, языка и литературы
Уфимского научного центра Российской академии наук*

Краткий суфийский словарь

Из «Мажаллату аль-ислам ва ат-тасаввуф»
(из журнала «Ислам и суфизм», — Египет, Каир, 1962,
№№ 4, 8, 10).

Перевод с арабского *И. Р. Насырова*.

Суфийское выражение или слово (в скобках дается буквальное значение)	Значение
1. Халь (состояние).	[Мистическое состояние] — смысл, который охватывает сердце [суфия] внезапно, без предварительной подготовки и искусственных усилий.
2. Макам (стоянка).	Выражение, обозначающее длящееся состояние «халь». «Халь» даруется [Богом], а «макам» приобретает [усилиями суфия].
3. Кабд и баст.	Два мистических состояния «халь», которых достигает на пути [к Богу] «салик мутауассит» [суфий, находящийся на середине этого пути]. «Кабд» вызывает в суфии страх [перед Богом] и почитительность, а «баст» — радость в сердце [суфия] от полной обращенности [всего его существа] к Всевышнему Аллаху.
4. Сирр (тайна).	Невыразимая духовная сокровенность, находящаяся в сердце [духовном органе постижения божественного] так же, как находится дух в теле.
5. Уахидийа (монизм).	Высшая [трансцендентная] Сущность [Бога], рассматриваемая сама по себе, без качеств, принадлежащих ей.
6. Фана (умирание, угасание, гибель, нирвана).	Погружение раба [суфия] в [единое] с Аллахом, в результате чего раб Божий [суфий] ничего не видит, кроме божественной сущности. Впавший в состояние «фана» суфий называется «гарик» (утонувший) в море «ахадийа» (единственности Бога)
7. Джам' (целостность, совокупность).	Созерцание, суфием всех вещей, растворившись в Боге [взглядом Бога], и неспособность обнаружить в себе силы и мощи.

- 8. Хайба** (почтительный страх, почтение) и унс (общительность, веселье), задуманная беседа) Два [мистических] состояния «халь», которые выше состояний «кабд» и «баст». «Хайба» — страх, но не ужас перед Богом, а почтительный страх перед Ним. «Унс» — тоже радость, как и «баст», но уже — радость от самого общения с Богом, а не от ожидания общения с Ним].
- 9. Малакут.** Неземной, невидимый мир абстрактных духов и душ, мир божественных повелений.
- 10. Шурб** (выпивание) и рэй (напоение). Выражения для обозначения того, что находят суфии из результатов манифестаций божественного («таджалли») в мире, обнаружений сокровенного и для обозначения постижения откровений свыше.
- 11. Бака-ун** (вечность) Возвращение после «фана» к прочности и устойчивости вещей и явлений вместе с созерцанием в них сущностей и качеств Причины (причина — Бог [как Первопричина]). Суфий, находящийся в состоянии «бака», называется «гарик» (утонувший) в море сущности «ахадийа» (единственности [Бога])
- 12. Фарк аууал** (первое различие, отделение, различие) Сокровенность [отгороженность] суфия «салика» (идущего в начале пути к Богу) от Бога тварностью. Это общее состояние суфиев — «саликун» до их прибытия к Богу.
- 13. Фарк сани** (второе отделение, различие). Завеса, навешанная на другую завесу. Это состояние «фарк сани» совершенных суфиев, и это состояние называется «фарк багда джамг» (отделение, различие после целостности или ясность после исчезновения), а также вечность («бака») после исчезновения, уташения («фана»).
- 14. Таджрид.** Удаление всего мимолетного, сиюминутного из «калб» (сердца, понятого в духовном смысле) и «сирр» (см. выше).
- 15. 'Илм «йакин»** (якин). Знание, постигаемое мистическим созерцанием [сердцем] божественного.
- 16. Хакк «йакин»** (якин). Исчезновение (растворение) качеств раба (суфия) в качествах Бога и его вечное пребывание там посредством «халь» (переживания) и знания (сознания).
- 17. Тасаввуф** (суфизм). Тотальная мобилизация сердца [суфия] на службу Богу и отказ от всего, кроме Бога.

18. **Мушахада.** Видение [суфием] Бога в каждой частице и пылинке бытия в подобающем Его виде.
19. **Таджалли асма-и** (явление божественных имен и качеств). Это то, что раскрывается сердцу [суфия] из качеств и имен Всевышнего Господа. Например, если Аллах является своему рабу через свое божественное качество слуха «самг», то суфий начинает слышать, как говорят камни и прочие «джамадат» (безжизненные минералы, неорганические вещества).
20. **Муракаба.** Положение суфия в «макам» [стоянке на пути к Богу] искренности. Это такое положение, когда суфий видит Аллаха во всех своих поступках, или, выражаясь по-другому, когда суфий знает, что Аллах наблюдает за ним во всех его поступках и движениях.
21. **Тарикат (тарика)** (путь, дорога, способ, метод). Это духовное искреннее движение суфиев-«саликун» к Всевышнему Аллаху посредством прохождения через этапы [на этом пути] восхождения [к Богу] от низших «макамат-стоянок» [на этом пути] к высшим.
22. **Салик** (идуший). Суфий, идущий [к Богу] через «макамат-стоянки» с помощью мистических переживаний «ахвал», а не через знание.
23. **Сафар** (путешествие). Данное слово обозначает сердце [суфия], приступающее с помощью зикра (славословия Аллаху) к полной обращенности («таваджжух») к Богу.
24. **Важд** (страсть, сильная любовь, веселость, экстаз). Это все те из мистических требований, что непредсказуемо и внезапно находит или снисходит на сердце [суфия].
25. **Таваджуд** (притворение любящим, искусственный экстаз). Самая низшая степень «важд». Это желание [суфия] обрести вновь «важд», если это состояние в нем ослабло.
26. **Валах** (безумие). Чрезмерное проявление «важд».
27. **Захаб** (уход). Исчезновение (утрата) способности сердца [суфия] воспринимать все предметы [окружающего мира] из-за [полного погружения суфия в состояние] созерцания [сердцем] Бога.

28. **Заук**
(вкус). Начало (первая ступень) в мистическом постижении богоявлений в мире. Шурб — средняя ступень.
29. **Шахид**
(свидетель). Результат созерцания сердца [суфия].
30. **Варид**
(поступающий). Откровения свыше, поступающие в сердце Спонтанно.
31. **Хатыр**. Все, что безотчетно находит на сердце или совесть [суфия], будь оно от Бога, ангелов, низменной души или шайтана-дьявола.
32. **Хаджис**. Высший «хатыр» или тайный голос Бога.
33. **'Алам аль-амр** (мир повелений). Данное выражение употребляется по отношению к миру «Малакут» (сверхчувственному божественному миру), где не действуют причинно-следственные отношения, и где все [чудесно] сбывается по воле Бога.
34. **'Алам аль-халк** (мир созданий, тварный мир). Противоположный мир к «алем аль-амр». Выражение «алем аль-халк» употребляется по отношению к чувственному, земному миру, где вещи и явления находятся в причинно-следственной взаимосвязи.
35. **Гайб** (тайное, сокровенное). Все, что Бог скрывает от тебя, а не от Себя.
36. **Ишарат**
(указание). Знаки и указания, появляющиеся вблизи или при наличии «гайба» (сокровенного и божественного).
37. **Рида-ун**
(одеяние). Появление суфия с божественными качествами.
38. **Фадл**
(милость). Милость, [оказанная тебе] твоим любимым Богом, и которая превзошла все твои ожидания.
39. **Исм**
(имя). Одно из божественных имен, полностью определяющее состояние «халь» [суфия] в момент «вакт» (непредсказуемого момента осенения суфия откровением свыше).
40. **Вакфа**
(кратковременная остановка, пауза). Задержка [в движении к Богу] между двумя «макам».
41. **Сатр**. Все, что скрывает тебя от того, что приводит тебя к «фана» [исчезновению твоего «Я», к нирване].
42. **Заджир**. Увещание Бога, направленное в сердце уверовавшего (правоверного мусульманина).

43. **Руй** (видение). Видение зрением, а не [сокровенным] разумом.
44. **Мухадара** (совместное присутствие). Присутствие сердца [суфия] в потоке следующих друг за другом божественных истин и имен.
45. **Лаиха** (мн. ч. — лауаих) — (внешнее проявление). Внешний признак проявления тайн величия в том или ином состоянии «халь».
46. **Тали'** (мн. ч. — тауалиг) — (авангард, предвестники, признаки). Лучи света единства Бога, освещающие сердца людей «ма'рифа» [постигших божественное знание] и подавляющие все другие виды света.
47. **Лами'а** (мн. ч. лауамиг) — (блеск, сияние). Устойчивое сияние света божественных манифестаций «таджалли» в мире.
48. **Бадаха** (мн. ч. — бадах) - ([интуитивная] очевидность, интуиция). Все, что внезапно обнаруживается сердцу [суфия] с предельной очевидностью в результате «валах» (продолжительного пребывания суфия в экстатическом состоянии «важд», граничащем с безумием).
49. **Футух** (завоевание, победа). Положительные итоги открытого преклонения [Богу] [через исполнение обрядов] и положительные результаты раскрытия тайного и сокровенного [из божественных истин].
50. **Химма** (сильное желание, устремление). Полное предоставление [суфием своего] сердца в распоряжение божественного рока. Это слово во множественном числе («химам») обозначает чистое вдохновение.
51. **Худжум** (атака, наступление). Все [из откровений свыше], что обрушивается на сердце с силой и мощью «вакт» (момента внезапного обнаружения сердцем суфия божественных истин без притворства и деланности).
52. **Мурид**. Это начинающий суфий, полностью лишенный желания [к ценностям бренного мира]. Аль-Газали Абу Хамид сказал, что «мурид» — это тот, для которого открылись двери [божественных] имен, и что «мурид» — это тот, кто вошел в круг [суфиев], достигших Аллаха.

- 53. Мурад** (предмет желания [Бога]). Суфий, охваченный неудержимым влечением [к Богу], целиком лишаящим его [земных] желаний, но обеспечивающим для него подготовленность ко всем делам [на пути к Богу]. Он без помех проходит все этапы и «макамат-стоянки» [на пути к Богу]..
- 54. Таклиф** (возложение). Вменение суфию (собеседнику Бога) в обязанность необходимости трудиться [на пути к Богу].
- 55. Гасриф** (выполнение). Переход единой природы [Божественной сущности] в многообразие явлений мира для определенных замыслов, недостижимых без этого перехода.
- 56. Шатх** (выход из нормального состояния, забытьё, момент потери сознания [у суфиев]). Данное слово содержит в себе аромат безрассудства [суфия, произносящего] парадоксальное изречение [в состоянии экстаза, транса, «фана» (утраты своего «Я»)]. Шатх — оговорки или обмолвки суфия, [сподобившегося с настоящей и наибольшей полнотой погружаться в мистическое состояние]; изречения высокоинтеллектуального характера, в которых необычайно красивым слогом приводятся утверждения о тайнах божественности без разрешения Всевышнего на это.
- 57. Курси** (стул). Месторасположение повеления и запрещения.
- 58. Арш** (трон). Уровень ограничения [закрепления в одном месте] божественных имен.
- 59. Лутф** (милость [Бога]) доброта, любезность. Милости и дары, которыми Аллах отмечает своих избранных рабов [суфиев] и наполняет их сердца знанием и светом.
- 60. Латыфа** (тонкость). Мистическое знамение или указание, содержащее тончайшие смыслы, которые проносятся в сознании, но невыразимы в словах.
- 61. Муджахида** (борьба, приложение всех сил). Борьба с [низменной по природе] душой «нафс», обуздание ее похотей и капризов, действие наперекор ее причудам и обречение ее на перенесение мучений.
- 62. Тахалли** (отказ). Отказ от всего, что отвлекает от Бога.
- 63. Халватун** (удинение). Тайная беседа [суфия] с Богом.
- 64. Таджалли** (явление, обнаружение, появление в полном блеске). Все, что раскрывается сердцам [суфиев] из света сокровенных божественных тайн.

65. **Джалва** (блеск, снятие покрывала с ново-брачной). Приобретение рабом Божиим [суфием] божественных качеств [взамен своих] после уединения с Богом для тайной беседы.
66. **Хакикат** (истина). Замена обычных качеств [суфия] божественными качествами.
67. **Вакт** (время). Обозначение явления Всевышнего Господа Бога своему рабу.
68. **Джам' джам'** (совокупность совокупности, целостность целостности). Пребывания суфия в состояниях «кулия» (целостность) и «бака» (вечность), его отрешенность от всего, кроме Аллаха. Это уровень «ахадийа», который выше состояния «бака» (вечности с Богом). Господь Бог берет своего раба из состояния «бака» и опьяняет его созерцанием Своей [Бога] сущности. В результате суфий гибнет и исчезает для всего, кроме Бога. Некоторые из этих суфиев пребывают в состоянии этого опьянения, пока не умирают. Другие из них возвращаются к ясному сознанию в те промежутки времени, когда следует выполнять предписания религии (обязательные молитвы — «салат») и дела, необходимые для отправления жизненных потребностей.
69. **Таджалли аль-аф'али** (явление или проявление действий). Все то, что обнаруживается сердцу суфия — «салика» из действий Всевышнего Аллаха. Как, например, если Господь Бог явится своему рабу и раскроет ему воздействие Его силы на вещи, то раб поймет, что Всевышний Господь — движущая сила и причина всего.
70. **Кимия-у сагада** (Алхимия или эликсир счастья). Очищение себя от дурных качеств и приобретение похвальных качеств.
71. **Кашф** (раскрытие, обнаружение). Исчезновение завесы с ока «сердца» (духовного органа постижения), после чего «сердце» постигает знания божественных лучей и скрытые божественные тайны.
72. **Васл** (соединение). Наслаждение сердца [суфия] от созерцания Господа Бога после снятия с него [с сердца] покрыва (завесы) мрака и темноты.
73. **Адаб** (этикет, мораль, правила приличия). Есть адаб шариата (мусульманского закона) и адаб [для] Господа Бога. Адаб шариата — соблюдение обрядов ислама. Адаб [для] Господа Бога — твое знание о том, что причитается Ему.

- 74. Вужуд** (бытие, существование). Интуитивное постижение божественной реальности — истины в состоянии «важд» (см. выше).
- 75. Джалаль** (величие). Качество неодолимой мощи и силы, исходящее от божественного присутствия.
- 76. 'Айи аль-йакни (якни)** (достоверность). Знание, приобретенное путем интуитивного созерцания «мушахада». Что касается «гилм аль-йакин» (обычного, рационального знания), то оно постигается в результате познания причин и за счет использования индукции и дедукции.
- 77. Нафс** (душа). Душевное, субъективное в человеке, которое по воле Аллаха предоставляется огню сердца, чтобы подавить и потушить дурное и вредное души — «нафс».
- 78. Рух** (дух). Обозначение места в сердце, куда поступают откровения свыше, из мира сокровенных, божественных тайн.
- 79. Худур** (присутствие, прибытие). Присутствие сердца [суфия] у Господа Бога во время отсутствия этого сердца для людей тварного мира. Это отсутствие означает, что сердце [суфия] отсутствует для знания о суете, в котором пребывают эти создания, ввиду своей занятости тем прекрасным, что поступает к нему в виде откровений свыше.
- 80. Сукр** (опьянение). Отсутствие (отрешенность суфия) от мира из-за постижения очень сильных и богатых откровений от Бога.
- 81. Сах-ун** (сознание, ясность). Возвращение (обретение вновь суфием) чувств, после «гайба» (отсутствия) [когда суфий приходит в сознание после того, как он потерял его в ходе транса и экстаза].
- 82. Курб** (близость). Исполнение рабом своих обязанностей перед Господом Богом с проявлением покорности и смирения.
- 83. Бу'д** (отдаленность). Проявление рабом неповиновения своему Господу и нарушение предписаний [Бога].
- 84. 'Илла** (причина или повод). Предупреждение Бога своему рабу в связи с определенной причиной или без причины.
- 85. Маламатийа** (суфин, порицающие самих себя). Это те суфии, у которых внешне не проявляется то, что содержится (благого и доброго) внутри их душ. Они представляют собой суфиев самого высшего типа.

- 86. Мусафир**
(путешествующий). Это [суфий], который путешествует [мысленно] в сфере категорий, выражений и переправляется с берега — «дунья» (земного, бренного мира) на берег высшего сокровенного мира [божественных тайн].
- 87. Макан**
(место). Место посадки и расположения на коврах, которые достигаются только «совершенными» суфиями, полностью усвоившими мистические «макамат» и «ахвал».
- 88. Вакт**
(время). Обозначение момента твоего [суфия] пребывания в состоянии мистического переживания «халь». «Вакт» не связан ни с прошлым, ни с настоящим временем.
- 89. Индзи'адж**
(беспокойство, волнение, тревога). Результат воздействия на сердце правоверного увещевания Бога. Требуемое с «индзигадж» — побуждение человека к «важд» и «унс».
- 90. Унс** (общительность, задушевная беседа). Результат созерцания [суфием] красоты присутствия божественного в своем сердце.
- 91. Хайба**
(почтительный страх, благоговение). Результат созерцания [суфием] величия и мощи Аллаха в своем сердце.
- 92. Нукаба-у**
(главы, старшины, шерифы). Суфийские шейхи, способные обнаружить скрытое в душах людей.
- 93. Нуджаба-у**
(люди знатного происхождения, даровитые, умные). Суфии, занятые тем, что несут на себе бремя человечества и всех созданий Божьих.
- 94. Махак**
(уничтожение, стирание). Твое исчезновение и падение в глазах Бога.
- 95. Гайрат**
(рвение, пыл). Рвение [суфия] в желании преодолеть все преграды и границы с целью обрести божественную истину.
- 96. Зауанд**
(добавления). Увеличение веры [в Аллаха] за счет постижения знаний «гайб» (сокровенного) и «йакин» (достоверного, очевидного).

97. **Ид**
(праздник). Все, что посещает сердце [суфия] из проявлений божественного в мире («таджаллийат» в результате упорного духовного труда суфия).
98. **Нур**
(свет). Любое божественное откровение, которое изгоняет и удаляет мимолетное и случайное из сердца [суфия].
99. **Илахийат**
(божественное). Любое божественное имя, добавленное к человеческому существу.
100. **Анаиа**
(«Яйность»). Твое высказывание: «Я».
101. **Хувауниятун**
(сущность). Истина в сокровенном мире «гайб».
102. **Сакииа**
(спокойствие, тишина). Все то, что ты обнаруживаешь из умиротворения и спокойствия во время погружения в «гайб».
103. **Йа'сун**
(отчаяние). Обозначение состояния «кабд» (страха и ужаса перед Богом).
104. **Таракки**
(возвышение, прогресс). Восхождение вверх через «макамат», «ахвал» и «ма'ариф» (божественные знания).
105. **Талакки**
(прием, получение). Приобретение тобой всего, что поступает к тебе от Господа Бога.
106. **Тадани**
(постепенное сближение). Вознесение суфиев к Богу.
107. **Тадали**
(спускание вниз). Спускание суфиев вниз, к присутствию Господа Бога. Также это слово обозначает спускание Бога вниз, к суфиям во время «тадани».
108. **Тавалли**
(отказ, отход). Твое возвращение к себе от Бога [твое отступление от Бога].
109. **Риджа**
(надежда). Жажда вечности [от того света].
110. **Харф**
(буква). Этим словом подразумевается язык (как языковая система, средство общения). Это то, с помощью чего Господь Бог общается [со своими созданиями], используя различные выражения.

111. **Са'д**
(гром, оглушение громом).
Состояние утраты тобой всех чувств, огушенность, впадение в бессознательное состояние [как, например, фраза: «Стоять как пораженный громом.»] из-за явления перед тобой Бога во время «таджалли».
112. **Ругуна**
(легкомыслие, безрассудство).
Неспособность преодолеть свою [низменную человеческую природу] и подчинение ей.
113. **Луббун**
(сердцевина, суть, ядро, сущность).
Всякое знание, защищенное от сердец, связанных с бранным миром. «Луббун» — материя божественного света.
114. **Каун**
(мир, бытие).
Любая наличная данность, любое существующее.
115. **Хакк**
(истина, подлинность, правда, абсолют).
Все, что предстает рабу Божьему как необходимое со стороны Аллаха, и все, что считает обязательным для Себя сам Всевышний Аллах.
116. **'Ариф** (совершенный суфий, познавший)
Тот, кого Господь Бог привел к клятве, [что Он — его Господь Бог], после чего в сердце этого «'арифа» возникают «ахвал» (мистические состояния)
117. **Ма'рифа**
(или ма'рифа).
Это состояние «'арифа».
118. **Камаль**
(совершенство).
Невозможность применимости к Великому и Всемогущему Аллаху каких бы то ни было характеристик, качеств («сифат») и определений («асар») [ввиду отсутствия среди его созданий чего-либо, подобного Ему, Аллаху] и отрицание такой возможности.
119. **Хадд**
(предел, граница).
Это разделительная дистанция между тобой и Им (Великим и Всемогущим Аллахом).
120. **Барзах**
(перешеек).
Это видимый перешеек между миром божественных сущностей и материальным миром.
121. **'Убуда**
(поклонение, рабство, преданность).
Обнаружение себя рабом в состоянии преданного поклонения своему Господу Богу.
122. **Сирру сирр**
(тайна тайны).
Все то, совершая которое и благодаря которому Господь Бог становится недостижимым и обособленным от своего раба.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОТ ПЕРЕВОДЧИКА КНИГИ	6
ВВЕДЕНИЕ	17
МУКАДДИМА (Вступление)	19
ПЕРВЫЙ МАКСАД	21
ВТОРОЙ МАКСАД	63
ТРЕТИЙ МАКСАД	129
ХАТИМА (Заключение)	250
ПОСЛЕСЛОВИЕ	252
Краткий суфийский словарь	260

Духовно-просветительное издание

Абул Мухсин Мухаммад Бакир ибн Али

Макамат Ходжа Бахауддин Накшбанд Ступени суфийского пути великого шейха Бахауддина Накшбанда

*Перевод с фарси Р. Х. Чепкунова
(Равиль ибн Ханафи)*

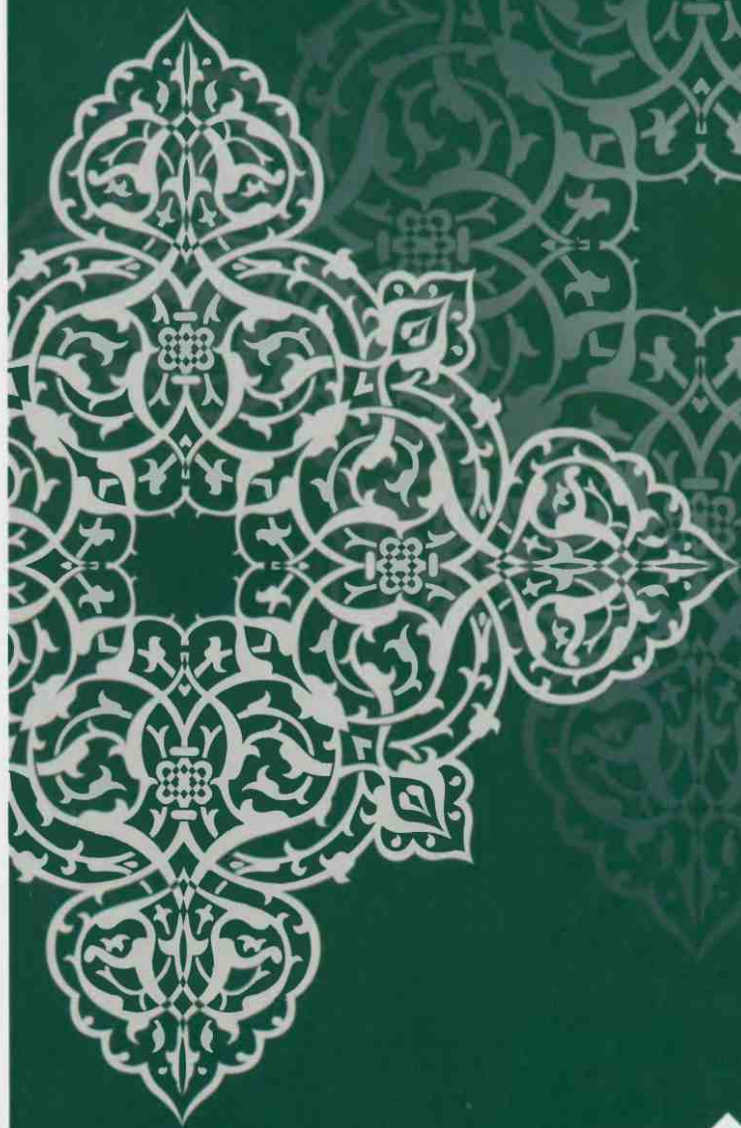
Корановедческую экспертизу провел
заместитель Председателя ДУМ РБ Руслан хазрат Саяхов
Редактор Рахматуллин А. Н.
Корректор Набиуллина С. Г.
Дизайн-макет обложки Камалов А. М.
Художник Сафаров Д. Х.
Оформление и верстка Гизетдинов И. Х.

Уважаемые читатели!

По вопросам приобретения книг издательства «Каусяр» обращайтесь:
Тел./факс: 8 (347) 262-92-37, 450027, Россия, РБ, г. Уфа
267-92-37 Индустриальное шоссе, 112/1
[http:// www.kausar.org](http://www.kausar.org)
e-mail: info@kausar.org

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ГУП Чувашской Республики "ИПК "Чувашия"
Мининформполитики Чувашии,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 14,28. Тираж 1000 экз. Заказ № К-10635
Печать офсетная. Гарнитура Академия.
Подписано в печать 01.04.2013.

www.kausar.org

www.kausar.org

